

**МЕЖВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

**СБОРНИК ТЕЗИСОВ
УЧАСТНИКОВ**

МОСКВА,

18-27 мая 2022

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (18-27 мая 2022 года). – М.: МГППУ, 2022. – 220 с.

Редакционная коллегия:

*А.А.Марголис, Н.В. Дворянчиков, Е.Г.Дозорцева, М.Г. Дебольский, И.Н. Коноплева, И.Б. Путалова.,
Ф.С. Сафуанов, О.Р.Бусарова*

ISBN 978-5-94051-265-3

© МГППУ, 2022

Оглавление

Дворянчиков Н.В. Вступительное слово	9
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	10
Белоусова В.Н. Метод дилемм при изучении правосознания	10
Воробьева А.А. Особенности психологического и социального сопровождения неблагополучных семей с детьми	12
Денисенко А.П. Жертвенный альтруизм как позитивное девиантное поведение	13
Дунькина К.Э. Приемы психологического воздействия, применяемые мошенниками в сети Интернет	15
Дядькин Г.А. Проблемное использование интернета в дискурсе изучения интернет-зависимости	17
Макарова И.Ю. Подходы к классификации экспертных ошибок в судебно-психологической экспертизе	20
Швабауэр А.А. Эффективность психологического тренинга и психопросветительских лекций для развития коммуникативной компетентности в снижении виктимности в юношеском возрасте	24
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	28
Ведерникова П.О. Феномен агрессии как предмет психологических исследований	28
Власова А.Д. Проблемное использование интернета в эпоху пандемии COVID-19 в подростково-юношеском возрасте	31
Выродова А.В. Психологические особенности мотивации и ценностных установок у лиц с позицией чайлдфри	34

Галютина А.С. Влияние типов привязанности и стилей детско-родительских отношений на склонность к девиантному поведению у подростков и юношей	38
Глебова А.А. Особенности поведения несовершеннолетних лидеров просоциальной направленности	41
Гомозова О.Ю. Скулшутинг и его социальное восприятие курсантами образовательной организации высшего образования МВД России	44
Давыдкина М.А. Психологические особенности детско-родительских отношений и девиантного поведения у подростков	48
Донская А.П. Образ женщины в представлении мужчин с аномальным сексуальным влечением в форме педофилии	51
Жаркова Е.Р. Классификация бодимодификаций	54
Завалихина Я.А. Специфика ценностных ориентаций и девиантного поведения наркозависимой личности	58
Иванова Е.С. Роль эмоционального интеллекта в формировании эмоциональных привязанностей у лиц, страдающих наркотической зависимостью	61
Иванова К.И. Личностные особенности подростков, подвергавшихся кибербуллингу	64
Калинов И.А. Организация сопровождения дистанционного обучения подростков с девиантным поведением в период вынужденной изоляции	67
Колодкина Д.А. Психологические аспекты виктимного поведения жертв обмана (телефонных) мошенников	69
Колоколова Т.О. Особенности эмоциональных переживаний у творчески одаренных юношей и молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению	72
Литвиненко А.А. Профилактические возможности арт-терапии в работе психолога с суицидальным поведением у военнослужащих	75

Лой Т.М. Оценка практик профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних.....	78
Нечесова С.В. Нейрокриминологические аспекты аномалий личности и сексуального садизма в пространственном поведении серийных сексуальных преступников	81
Сборщик А.О. Объяснительные модели и факторы риска формирования отклоняющегося поведения	84
Смирнова В.Ю. Виктимность и ее детерминанты в молодом возрасте	88
Смоленкова В.А. Особенности профессионального самоопределения несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением	91
Староверова А.В. Коммуникативные стратегии и индивидуально-психологические особенности жертв сексуальных домогательств (на примере молодых взрослых).....	94
Туйчиева М.Д. Специфика предпочтений в темах медиаконтента у подростков и юношей с разными типами поведения.....	97
Шаповалова Д.В. Особенности самоорганизации подростков с девиантным поведением.....	100
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	105
Васильева Е.Д., Косыгина С.В. Влияние ведущей сенсорной системы на деятельность курсантов	105
Вдовин А.Ю. Судебный стресс у представителей по доверенности в гражданском (арбитражном) процессе.....	107
Горюнова Е.В. Особенности жизнестойкости у студентов-психологов с синдромом выгорания.....	110
Дадашова С.М. Уровень правосознания студентов, обучающихся по специальности, связанной с компьютерной безопасностью	113

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	118
Беликова А.А. Особенности отношения к людям, страдающим психическими расстройствами	118
Габси М.Ф. Психометрическая оценка интеллекта у больных Тюрмеровского психоневрологического интерната	121
Кривоколыско В.В. Особенности эмоционального отношения к образу Я у лиц, совершивших насильственные действия в отношении несовершеннолетних, в зависимости от отношения к собственному сексуальному влечению.....	124
Потапов А.М. Нейропсихологический подход к изучению субнормы.....	127
Репкина В.А. Влияние родительских моделей на адаптивный потенциал гендерной идентичности юношей	130
Сергеева Е.С. Клинико-психологические критерии невменяемости и ограниченной вменяемости	133
Скичко Е.Д. Факторы ложных воспоминаний в сфере свидетельствования ..	137
Чернышова Е.С. Психометрическая оценка интеллекта у больных Тюрмеровского психоневрологического интерната.....	140
Шатрова Е.А. Клинико-социальные характеристики получателей стационарных социальных услуг Владимирской области, которым рекомендован переход на нестационарные формы социального обслуживания.....	143
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	146
Воробьева К.С. Применение компьютерных игр в различных сферах психологической практики.....	146
Гришина С.С. Восстановительное правосудие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних как область реализации идей терапевтической юриспруденции.....	149

Дыденкова Е.А. Результаты исследования потенциала традиционной игры для пробуждения сорадования.....	152
Кургузова О.Г. Связь копинг-стратегий и субъективного благополучия родителей детей-инвалидов.....	155
Орлова К.С. Социально-психологическое сопровождение неблагополучных семей учреждениями профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.....	159
Стекачева А.В. Агрессивное поведение старших подростков и особенности детско-родительских отношений в их семьях.....	162
Шаульская А.А. Связь уровня агрессии и учебной мотивации у учащихся старших классов	165
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ.....	169
Власова Е.А., Ушков Ф.И. Теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований чувства вины и его влияния на ресоциализацию осужденных.....	169
Кулешова Е.А. Лудомания как одна из форм деструктивного поведения сотрудников УИС.....	172
Куш С.И. Копинг-стратегии у несовершеннолетних осужденных, их психологическая коррекция и развитие.....	175
Левин Л.М. Особенности детско-родительских отношений несовершеннолетних осужденных	178
Таранцова Ю.Ю. Психологическая характеристика семьи несовершеннолетних осуждённых	182
Тарасова В.А. Копинг-стратегии осужденных при различном отношении к криминальной субкультуре	185
Туманова Е.П. Проблема детско-родительских отношений в условиях мест лишения свободы в период карантина COVID-19.....	187

Цуканова В.С. Психология раскаяния у лиц с антиобщественным поведением.....	191
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	195
Ельмеева М.Б. Профессиональная подготовка полиграфологов: современные проблемы и перспективы развития	195
Семенова М.Г. Оценка проектной культуры студентов факультета юридической психологии на разных этапах обучения.....	198
Сенниковская Д.В. Динамика отношения к учебе студентов факультета юридической психологии в разных режимах обучения, вызванных пандемией COVID-19	202
Франтова Д.К. Каким должен быть специалист сопровождения приемных семей? Взгляд детей и молодых взрослых с опытом сиротства.....	205
МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ПРАКТИКА	209
Баня А.В. Применение медиативного подхода в преодолении интернет-зависимости подростка	209
Смирнова Л.А. Конфликты в образовательной организации и способы их преодоления	211
Федоров А.С. Медиативная технология в семейных конфликтах по поводу профессионального самоопределения подростков.....	214
Федотов Н.С. Возможности применения медиации в образовательной среде (по материалам зарубежных исследований)	217

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 12-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом "Юридическая психология" Московского государственного психолого-педагогического университета.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение теоретических основ юридической психологии и практических результатов последних исследований. Широкий спектр актуальных проблем юридической психологии в данном году определил необходимость систематизировать тезисы в следующих разделах: методологические проблемы юридической психологии, юридическая психология детей и подростков; психология девиантного и криминального поведения; психология профессиональной деятельности; судебная и клиническая психология в юридическом контексте; пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний, проблемы подготовки специалистов по юридической психологии, медиация как социально значимая практика.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных заведений России: Московского государственного психолого-педагогического университета, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Академии права и управления (Академии ФСИН России), Московского государственного областного университета, Южного Федерального университета, Орловского юридического института МВД России.

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Декан факультета
юридической психологии МГППУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Метод дилемм при изучении правосознания

Белоусова В.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Проблема субъективного оценивания права и правонарушений на сегодняшний день продолжает сохранять актуальность. Правосознание граждан часто характеризуется наличием различий между действующим законодательством и представлениями о нём у различных групп населения. Так, например, Ф. С. Сафуанов с соавторами отмечают различия в эксплицитных и имплицитных представлениях о сроках наказания за преступления различной степени тяжести у различных групп и их несоответствие действующим нормам уголовного права (Сафуанов Ф.С., Бодрова О.К., Докучаева Н.В., 2016).

Для изучения соответствия субъективных представлений об уголовной ответственности действующему законодательству необходим особый инструментарий. Для оценки уровней развития морально-нравственного сознания хорошо зарекомендовала себя методика дилемм Л. Кольберга (Дерманова И.Б., 2002). По нашему мнению, данная методика может применяться и для изучения имплицитных представлений об уголовной ответственности за определенные действия, поскольку в дилеммах сталкиваются нормы права и нормы морали. Однако она не позволяет ни оценить все аспекты правосознания, ни дифференцировать представления об ответственности за различные виды правонарушений. В связи с этим нами был разработан метод, направленный непосредственно на исследование соответствия соотношения между оценкой противоправности деяний, субъективными представлениям об уголовной ответственности и их соответствия действующему законодательству.

Методика включает 8 историй-дилемм, которые представляют собой либо текст, описывающий конкретную ситуацию, в которой имеются те или иные преступные действия уголовного характера, либо рисунок; вопросы к каждой из дилемм и 7 вопросов, направленных на выявление отношения респондента к закону в целом (например, «Что для Вас Закон?» или «Как Вы относитесь к современному законодательству и нарушению закона другими лицами?»). Большинство вопросов являются открытыми и предполагают

развёрнутый ответ. Вопросы, предполагающие выбор ответа из предложенного, дополнены возможностью дополнить этот список своим ответом. Четыре дилеммы описывают имущественные правонарушения (кража, грабёж и разбой), остальные дилеммы описывают такие правонарушения как нанесение лёгких телесных повреждений, хулиганство, интимные отношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и совершение террористического акта.

При проведении методики респонденту последовательно предлагаются карточки с дилеммами, с которыми он должен самостоятельно ознакомиться. После их изучения респонденту задаются вопросы с просьбой объяснить свою позицию. Посредством вопросов у респондентов выясняется следующее: 1) есть ли уголовный преступный контекст в деяниях участников истории; 2) какое наказание назначил бы респондент лицу, совершившему правонарушение, описанное в истории и 3) какой срок, по мнению респондента, дали бы правонарушителям в реальном суде? В зависимости от полученных ответов предполагается задавать уточняющие вопросы для формирования более точного понимания точки зрения респондента.

Методика позволяет сформировать исследователю представление о субъективных оценках уголовного права, имеющихся у респондента, и соотнести их с действующим законодательством, раскрывает отношение опрашиваемого к тем или иным уголовным правонарушениям, совершённым в разных обстоятельствах.

Была проведена предварительная апробация, которая показала, что метод даёт весьма интересные результаты и, действительно, представляет данные для анализа заявленной проблемы. Также запланировано сравнительное исследование особенностей субъективных представлений об уголовной ответственности студентов неюридических и юридических специальностей.

Литература

1. Декриминализация статей Уголовного кодекса и формирование «нормы возмездия» у школьников / Ф.С. Сафуанов, О.К. Бодрова, Н.В. Докучаева // Психология и право. – 2016. – Том 6. – № 3. – С. 122–141. – doi: 10.17759/psylaw.2016060310.
2. Дерманова И.Б. Методика оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л.Кольберга) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова. – СПб.: Речь, 2002. – С.103–112.

Особенности психологического и социального сопровождения неблагополучных семей с детьми

Воробьева А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

По данным Федеральной службы государственной статистики с 2013 года по 2022 год количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечительства родителей, увеличилось на 38%. Численность детей, родители которых не полностью ограничены в родительских правах, с 2008 до 2017 года увеличилось на 20%. Статистические данные указывают на необходимость поддержки института семьи социальными службами и специалистами различных направленностей (Федеральная служба государственной статистики, 2022).

Опыт сотрудничества с «Центром поддержки семьи и детства», участие в выполнении таких задач организации, как ознакомление с заполнением документации, составление консультативного опросника для первоначального визита в семьи, посещение некоторых из них (Е. Г. Шаин, 2014) позволили выделить трудности, которые возникают у психологов в процессе сопровождения:

1. Многообразие задач. Психолог регулярно посещает семьи, описывает психологическую картину, проводит консультации с детьми и взрослыми, пишет заключения. Большое количество семей на одного специалиста и повышенная ответственность приводят к эмоциональному выгоранию специалистов.
2. Закрытость неблагополучной семьи. Родители отказываются принимать поддержку со стороны социальных служб. Сопровождение воспринимается как внешний контроль или наказание. Отсутствие программ мотивации и стигматизация со стороны общества приводят к еще большей изоляции дисфункциональной семьи (Целуйко В.М. 2006).
3. Стигматизация неблагополучных семей со стороны общества. Основная мотивация родителей – не улучшение качества жизни ребенка, а снятие с социального учета. По этой причине многие семьи качественно не меняются, но учатся маскироваться и не привлекать к себе лишнего внимания со стороны правоохранительных органов.
4. Отсутствие супервизий и психологической помощи для психологов. Работа в социальной службе сопряжена со стрессом и большим количеством дисфункциональных семей. Отсутствие компетентного

наставника и поддержки со стороны психологического сообщества приводит к снижению качества сопровождения.

Подводя итоги, подчеркнем, что психологу при выборе данной направленности работы необходимо отказаться от фантазий о счастливых семьях и детях. Такой подход приводит к выгоранию и разочарованию, поскольку поменять функционирование семьи без желания её членов сложно. Это длительный процесс, который требует продолжительной работы с мотивацией, выработкой определенных навыков и восстановлением социальных ролей.

Литература

1. Эффективность экономики России: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 12.03.2022).
2. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. Книга для педагогов и родителей / В.М. Целуйко. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – 272 с.
3. Шаин, Е.Г. Социальное обслуживание семьи и детей: учебное пособие / Е.Г. Шаин. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2014. – 47 с.

Жертвенный альтруизм как позитивное девиантное поведение

Денисенко А.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Альтруизм имеет особое значение в контексте личностного развития (Мангутова И.В., 2007), однако до сих пор нет единого определения данного феномена. Часть исследователей под альтруизмом подразумевают именно бескорыстную помощь, которая не сопровождается обязательной жертвенностью (Миронова Г.А., 1988; Насиновская Е.Е., 1982), однако многие выделяют «самопожертвование» как важную составляющую альтруистического поведения (Лаверычева И.Г., 2016). Позитивное девиантное поведение – поведение, которое также является отклонением от устоявшихся норм, но не воспринимается в негативной форме, не вызывает неодобрения в обществе.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что:

- 1) если альтруистическое поведение включает в себя обязательную жертвенность и предполагает бескорыстную помощь другим, тогда данное

поведение можно отнести к позитивному девиантному поведению;

- 2) если альтруистическое поведение определять через готовность бескорыстно помогать окружающим людям, но без непосредственного принесения своих личных интересов в жертву, то такое поведение может считаться нормативным и не относится к девиантному поведению.

Методологическими основами исследования явились теоретические подходы к пониманию альтруизма (О. Конт, К. Роджерс, Г.А. Миронова, А.Н. Леонтьев) и феномена позитивного девиантного поведения (Ю.А. Клейберг, Я.И. Гишинский).

В исследовании приняли участие 31 человек в возрасте от 15 до 17 лет, 13 респондентов мужского пола, 18 респондентов женского пола, средний возраст 16,1 лет, все респонденты – ученики старших классов школ, проживают в Москве. После первичной обработки выборка разделилась на две группы (в каждой было по 10 человек): просоциальные несовершеннолетние и несовершеннолетние со склонностью к девиантному поведению.

По результатам авторской анкеты, почти треть респондентов дали определение альтруизма как жертвенного процесса: “Когда человек все делает для других, ничего не требуя взамен, иногда забывает на себя, ставя интересы других выше своих”; “Бескорыстная помощь, но может быть такое, что это работает во вред человеку (который помогает)”; “Помощь без цели получить какую-то выгоду, иногда может быть во вред себе”; “Самоотверженность, добровольное жертвование”; “Жертвовать собой во благо других”; “Самопожертвование ради других”. Остальные респонденты говорят об “альтруизме” как о “безвозмездной помощи”, которая может приносить положительные эмоции.

Большая часть респондентов (71%) полагает, что альтруизм необходим для того, чтобы иметь возможность испытывать яркие чувства, в основном положительные: “Благодаря альтруизму в жизни людей появляются свет и надежда на лучшее будущее, где люди будут помогать друг другу”; “Помощь друг другу достаточно важна. альтруизм упрощает нам жизнь, потому что помогая друг другу, мы помогаем себе”; однако 6,5% респондентов полагают иначе: “Альтруизм – это взятка совести”; “Для людей это хорошо, но для самого альтруиста это не очень хорошо, а разрушительно” – другими словами, не считают это нормой.

Таким образом, среди несовершеннолетних нет единого мнения о том, что такое “альтруизм”, что коррелирует с разногласиями в профессиональной среде и позволяет говорить о возможном выделении данного вида альтруизма как самостоятельного.

Литература

1. Лаверычева И.Г. Альтруизм и эгоизм с естественнонаучной точки зрения // Биосфера. – 2016. Том 8. – № 3. – С. 338–361.
2. Мангутова И.В. Психолого-педагогические условия развития альтруизма у детей старшего подросткового возраста: автореф. дис... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.
3. Миронова Г.А. Принцип альтруизма и истории нравственности: автореф. дис... канд. филос. наук. – М., 1988. – 17 с.
4. Насиновская Е.Е. Исследование мотивации личности с использованием гипноза: автореф. дис... канд. психол. наук. – М., 1982. – 20 с.

Приемы психологического воздействия, применяемые мошенниками в сети Интернет

Дунькина К.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Мошенничество является одним из самых распространенных видов преступлений. Учитывая тот факт, что экономическая и социальная сферы постоянно изменяются, мошенничество также претерпевает изменения. Все более распространенными становятся киберпреступления, характеризующиеся особыми приемами реализации преступления. По этой причине увеличивается и число вероятных пострадавших. Не теряет своей актуальности мошенничество в сферах страхования, недвижимости, банковском секторе, а также так называемое бытовое мошенничество. Все чаще люди сталкиваются с таким явлением как фишинг – это такая разновидность Интернет-мошенничества, при котором конечной целью является получение доступа к личным данным пользователей – паролям и логинам. По статистике от данного вида мошенничества в мире на период 2019-2020 годов пострадал каждый третий клиент финансовых организаций (Алимамедов Э. Н., 2021).

Алгоритмы, по которым работают мошенники, постоянно меняются. Преступники все тщательнее готовятся к общению с жертвой: разрабатывают различные скрипты, алгоритмы, проводят обучение новичков коммуникационным методам и умению психологически воздействовать.

Стоит отметить, что на данный процесс повлияла и ситуация пандемии коронавируса, когда все больше сотрудников работало удаленно. Таким образом,

в период самоизоляции число случаев интернет-мошенничества выросло на 76%. Статистика Генпрокуратуры показывает, что за аналогичный период количество преступлений по ст. 159.3 (мошенничество с банковскими картами) увеличилось в два раза (Абульханова-Славская К. А., 2018).

Объект исследования: приемы психологического воздействия.

Предмет исследования: приемы психологического воздействия, применяемые мошенниками в сети Интернет.

Цель исследования: выявить приемы психологического воздействия, применяемые мошенниками в сети Интернет.

Результатом нашего исследования стала классификация приемов психологического воздействия, которые применяются в настоящее время мошенниками в сети Интернет:

1. Дефицит. Данный прием характеризуется намеренным созданием впечатления, что предлагаемый продукт или услуга актуальна исключительно в конкретный момент времени. Как правило, человек боится упустить возможность и идет на поводу у мошенника.

2. Призыв к немедленным действиям. В данном случае мошенник создает иллюзию нехватки времени. Например, призывает немедленно ввести данные учетной записи, в противном случае, аккаунт будет удален.

3. Авторитет. Мошенник предстает экспертом в актуальном для жертвы вопросе, тем самым завладевая его доверием. Пользуясь установленным авторитетом, преступник манипулирует в собственных интересах.

4. Прямое убеждение. Аргументированное воздействие мошенником на жертву. Например, преступник может предоставить якобы достоверные документы, на основе которых человек решит, что перевести деньги – безопасно.

5. Внушение. Прием воздействия, при котором не выдвигаются очевидные аргументы. При этом воздействие может производить не напрямую, поэтому жертва даже не думает о том, чтобы «защититься».

6. Заражение. В данном случае мошенник воздействие на жертву при помощи эмоционального состояния или каких-либо убеждений. Например, человек может перенять убеждение, принятое в определенной группе.

7. Самопродвижение. Прием, при котором открыто объявляются цели и доказательства компетентности. Например, мошенник может утверждать, что компетентен в каком-либо вопросе, тем самым располагая к себе жертву и завладевая ее доверием.

8. Формирование благосклонности. Прием, при котором мошенник сначала располагает к себе жертву при помощи вежливого общения или предоставления ценного совета. Например, сообщает какую тактику выбрать при игре в онлайн-казино. Способ действительно оказывается рабочим, однако,

жертва не может вывести выигранные деньги, так как для этого ей необходимо внести свои средства. В конечном счете, человек не получает ничего, а также лишается внесенных денег.

9. Принуждение. Это такой способ воздействия, при котором применяются угрозы и психологическое давление. Например, данный прием активно используется шантажистами с целью получения денежных средств.

10. Выведение из равновесия. Прием, при котором мошенник воздействует на жертву, повествуя ей о тяжелой жизненной ситуации. Таким образом, пострадавший самостоятельно переводит денежные средства мошеннику, не зная на какие именно цели они будут использованы в дальнейшем.

Литература

1. Крюкова И.В. Фишинг как вид Интернет-мошенничества / И.В. Крюкова, Э.Н. Алимамедов // Наукосфера. – 2021. – № 2(2). – С. 196–201.
2. Общие подходы к изучению личности / К.А. Абульханова-Славская [и др.] // Педагогика и психология образования. – 2018. – № 4. – С. 178–190.

Проблемное использование интернета в дискурсе изучения интернет-зависимости

Дядькин Г.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Изучение интернет-зависимости сегодня сталкивается с большим спектром методологических проблем, требующих незамедлительного решения.

Первой и основополагающей проблемой является проблема формулировки понятия зависимости. На данный момент в науке существуют многочисленные (и во многом противоречащие друг другу) подходы к определению данного феномена. Серьёзной проблемой является изучение проблемы зависимостей различными науками как в прошлом, так и в настоящем, что часто вызывает экстраполяцию психиатрического или медицинского подхода на понимание зависимости в рамках психологических теорий, что представляется недопустимым и малоэффективным, так как данные подходы исключают возможность изучения непосредственной психологической структуры зависимости (Менделевич В. Д., 2016).

Также проблема осложняется тем, что теории, подходящие к изучению зависимости с психологической точки зрения, нередко включают в неё структуры, зачастую не свойственные всем возможным проявлениям данного феномена. Например, такими структурами является уход от реальности как основная мотивация аддикта (хотя аддиктивное поведение не меньше подкрепляется мотивацией достижения удовольствия), компульсивное использование предмета аддикции (хотя определенные социальные условия могут исключать такую реализацию предмета зависимости при сохранении ее психологической структуры) и так далее (Змановская Е. В., 2008).

В настоящий момент наиболее эффективным пониманием зависимости (синонимично пониманию аддикции) представляется её определение как направленности личности, которая приводит к значительному снижению эффективности человеческой деятельности.

Такое понимание зависимости решает крайне важную методологическую проблему, связанную с исследованием интернет-зависимости. Данная проблема заключается в том, что регулярное использование в своей деятельности интернета сегодня во многих социальных группах является необходимым условием полноценной социально-психологической адаптации. Это было наглядно подтверждено в ходе эпидемии covid-19 (Герасимова А.А., Холмогорова А.Б., 2020).

Таким образом, классический количественный подход к диагностике интернет-зависимости по длительности использования интернета (Янг К. С., 2000) уже не представляется валидным, так как длительное использование интернета может быть обусловлено необходимостью адаптации к окружающей среде. При этом очевидно, что зависимое использование интернета никуда не исчезло. Поэтому наиболее эффективным представляется понимание интернет-зависимости как феномена, снижающего эффективность человеческой деятельности.

Тем не менее, в дискурсе исследования интернет-зависимости остаются методологические проблемы, которые не могут быть решены посредством сугубо теоретического анализа.

Основной такой проблемой является проблема определения предмета интернет-зависимости. Выше было уточнено, что под предметом интернет-зависимости подразумеваются интернет-технологии, но так как интернет-технологии представляет из себя не конкретный, целостный объект, а развернутую цифровую среду, имеющую крайне специфичные проявления (в том числе обуславливающие уникальные способы ее реализации) данное обобщение может существовать только на бумаге, но не в том случае, когда мы говорим о проявлении интернет-зависимости у непосредственного аддикта.

Таким образом, человек может быть зависим от огромного количества технических объектов и видов деятельности, реализуемых посредством интернета. Это может быть зависимость от пролистывания (скроллинга) новостей, это может быть зависимость от просмотра видео, это может быть зависимость от социальных сетей или компьютерных игр и совершенно другие виды зависимостей. В каждом из этих примеров зависимость может быть сугубо точечной (и не распространяясь на все интернет-технологии, заключаться в использовании конкретного интернета ресурса) – в таком случае куда более справедливо говорить о зависимости от конкретного интернета ресурса.

Ещё сильнее осложняет проблему изучения интернет-зависимости то, что многие типичные зависимости, существовавшие и до изобретения интернета, также могут успешно реализовываться через интернет. Например, сексуальная аддикция, реализуемая через киберсекс, шопоголизм, реализуемый через онлайн-покупки (в таком случае, предположительно, при исчезновении у аддикта доступа к интернету данные зависимости начнут реализовываться другими доступными способами).

Таким образом, мы наблюдаем совокупность зависимых поведенческих паттернов, направленных на интернет. Причем мы не можем отрицать самой интернет-зависимости, так как в процессе длительного зависимого использования конкретных интернет-ресурсов (в том числе для удовлетворения зависимостей, предмет которых лежит вне интернет-технологий) гипотетически может произойти опредмечивание интернет-технологий как предмета аддикции в целом.

Таким образом, в современном научном дискурсе, который ещё не позволяет точно диагностировать предмет зависимости конкретного аддикта (за исключением случаев индивидуальной работы), в рамках массовых, количественных исследований куда более эффективным представляется изучение не самого понятия интернет-зависимости (как конкретной зависимости, предметом которой является интернет), а совокупности зависимых проявлений по отношению к интернету (обусловленных аддиктивной направленностью, но имеющих потенциально разные предметы зависимости, и обобщённых только реализацией данных предметов посредством интернет-технологий).

Наиболее эффективным понятием для такого дискурса является понятие «проблемное использование интернета», разрабатываемое в настоящее время в русле как раз зависимого использования интернета.

Адекватность использования данного понятия для диагностики интернет-зависимости и других зависимостей, реализуемых через интернет, подтверждается высокой согласованностью результатов методик, изучающих

проблемное использование интернета, и методик, изучающих интернет-зависимость: корреляция между шкалой проблемного использования интернета А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой и шкалой интернет-зависимости С. Чена составила 0,722 на уровне значимости $p < 0,01$ (Герасимова А.А., Холмогорова А.Б., 2018).

Тем не менее, при использовании термина «проблемное использование интернета» для изучения сугубо зависимого использования интернета важно учитывать, что его теоретический потенциал шире и может включать в себя также и другие деструктивные виды использования интернет-технологий, например, кибербуллинг.

Литература

1. Герасимова А.А. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника / А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Том 26. – № 3. – С. 56–79. – doi: 10.17759/cpp.2018260304.
2. Герасимова А.А. Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета в период пандемии / А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова // Психологическая наука и образование. – 2020. – Том 25. – № 6. – С. 31–40. – doi: 10.17759/pse.2020250603.
3. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения) / Е.В. Змановская. – 5-е изд. – М.: Академия, 2008. – 288 с.
4. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения / В.Д. Менделевич. – М.: Городец, 2016. – 385 с.
5. Янг К.С. Диагноз-интернет-зависимость // Мир интернет. – 2000. – Том 2. – С. 24–29.

Подходы к классификации экспертных ошибок в судебно-психологической экспертизе

Макарова И.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Секераж Т.Н.

Юридическая и социальная значимость судебных экспертиз велика, но в любой деятельности человека вследствие ее несовершенства возможно

возникновение ошибок и неточностей, что невозможно изменить никаким образом (Пискунова Е.В., 2019). Поэтому на первый план выходит разработка мер своевременного выявления и профилактики возникновения экспертных ошибок, для чего необходима их систематизация.

Все подходы к классификации экспертных ошибок можно разделить на три условные группы: общие классификации, классификации экспертных ошибок судебно-психологической экспертизы (СПЭ), классификации экспертных ошибок в зависимости от предметного вида СПЭ.

Одной из наиболее полных общих классификаций является классификация экспертных ошибок Р.С. Белкина: ошибки процессуального характера, гносеологические ошибки, деятельностные (операционные) ошибки (Белкин Р.С., 1997). Классификация охватывает максимальное количество видов ошибок, характерных для всех судебных экспертиз (за исключением этического компонента деятельности эксперта). С опорой на эту классификацию были проведены попытки новых общих систематизаций экспертных ошибок (Клевно В.А., 2012, 2017; Россинская Е.Р., 2011, 2012; Майлис Н.П., 2015).

Сорокотягин И.Н. сузил классификацию экспертных ошибок до двух групп: процессуальные (формальные) и исследовательские (содержательные) (Сорокотягин И.Н., 2009). Мазур Е.С. и Иванов И.В. создали классификацию из групп, классов и видов экспертных ошибок: 1 группа – ошибки, связанные с прямыми нарушениями требований законодательства к оформлению заключения эксперта; 2 группа – процессуальные, гносеологические, деятельностные ошибки; 3 группа – ошибки исследования и рассуждения; 4 группа – логические ошибки (Мазур Е.С., Иванов И.В., 2014)

Однако общие классификации не передают специфики СПЭ, поэтому возникла потребность в классификации экспертных ошибок непосредственно в психологической экспертизе.

Раш В. выделил следующие формы экспертных ошибок психолого-психиатрической экспертизы: пороки предвзятости эксперта, пороки выбора форм экспертизы, пороки сбора анамнеза; пороки собственно обследования; пороки выводов (цит. по Ткаченко А.А., 2006). Секераж Т.Н. расширила и переработала его классификацию, создав инструмент для общей оценки заключений СПЭ. Так, были выделены следующие нарушения при производстве и подготовке заключения СПЭ: следующие из предвзятости эксперта; ошибки содержания и структуры заключения; формальные ошибки составления заключения; ошибки сбора анамнеза; ошибки при проведении обследования; ошибки при формулировании и обосновании выводов (Секераж Т.Н., 2012).

В дальнейшем были выделены типичные ошибки для некоторых предметных видов СПЭ: ошибки при экспертизе аудио- и видеоматериалов,

полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий (Секераж Т.Н., 2021), экспертные ошибки в СПЭ по делам о воспитании детей (Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н., 2020; Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., 2011).

В отдельную категорию авторами выносятся ошибки постановки вопросов на разрешение СПЭ. Сафуанов Ф.С. выделил две категории ошибок подобного рода: это ошибки формулировки вопросов к экспертам и ошибки неправильного определения рода экспертизы (Сафуанов Ф.С., 2007, 2019). Холопова Е.Н. видит такие недостатки при назначении СПЭ и формулировании экспертных вопросов, как некорректность постановки и формулировки вопросов; искусственное сужение рамок исследования; отказ от назначения СПЭ при объективной необходимости проведения экспертизы (Холопова Е.Н., 2010). Кинжеева В.Б. рассматривала ошибки при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы и выделила ошибки постановки вопроса следователем или дознавателем (вопрос вне компетенции эксперта-психолога; вопрос, ответ на который современная наука дать не может); несвоевременное ознакомление обвиняемого с постановлением о производстве экспертизы; нарушения в разъяснении прав и обязанностей эксперта; допрос эксперта по вопросам, которые не ставились на экспертизе (Кинжеева В.Б., 2020).

Таким образом, проблему экспертных ошибок в СПЭ разрабатывали многие исследователи, были созданы несколько классификаций экспертных ошибок, характерных как для СПЭ в целом, так и непосредственно для ее предметных видов. Однако отсутствует обоснование для систематизации ошибок в прочих предметных видах СПЭ, классификации строятся на разных основаниях, не отражено широкое применение математико-статистических методов, которые могли бы лечь в основу классификации. Это делает вопрос экспертных ошибок в СПЭ актуальным для дальнейшего изучения.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики / Р.С. Белкин. – В 3-х томах. Т. 2. – М.: Юристъ, 1997. – 464 с.
2. Васкэ Е.В. Типичные ошибки при производстве судебной экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей / Е.В. Васкэ, Ф.С. Сафуанов, Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. Том 15. – № 3. – С. 60–75. – doi: 10.30764/1819-2785-2020-3-60-75.
3. Кинжеева В.Б. Следственные ошибки при назначении судебной психолого-психиатрической экспертизы и их процессуальные последствия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 3-2(42). – С. 156–160. – doi: 10.24411/2500-1000-2020-10283.

4. Клевно В.А. К вопросу о классификации и терминологии экспертных ошибок / В.А. Клевно, А.В. Максимов // Судебная медицина. – 2017. – Том 3. – № 2. – С. 8–11. – doi: 10.19048/2411-8729-2017-3-2-8-11.
5. Клевно В.А. Понятие и классификация экспертных ошибок // Судебно-медицинская экспертиза. – 2012. – Том 55. – № 2. – С. 36–38.
6. Мазур Е.С. О возможных ошибках в экспертных заключениях / Е.С. Мазур, И.В. Иванов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 387. – С. 164–169.
7. Майлис Н.П. О дополнении классификационной системы экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 15–17.
8. Пискунова Е.В. Проблемы судебно-экспертной деятельности, общие для России и других стран мира. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: государство и право. – 2019. – № 2. – С. 172–179.
9. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М.: Проспект, 2010. – 458 с.
10. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под. ред. Е.Р. Россинской – М.: Проспект, 2012. – 544 с.
11. Русаковская О.А. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями [Электронный ресурс] / О.А. Русаковская, Ф.С. Сафуанов, Н.К. Харитоновна // Психология и право. – 2011. – Том 1. – № 1. – С. 1–11. – URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml> (дата обращения: 27.03.2022).
12. Сафуанов Ф.С. Ошибки при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической и судебно-психологической экспертизы // Юридическая психология. – 2007. – № 2. – С. 6–22.
13. Сафуанов Ф.С. Проблемы организации экспертно-диагностического психологического исследования при различных видах судебно-психиатрической экспертизы / Ф.С. Сафуанов, О.Ф. Савина, М.В. Морозова // Российский психиатрический журнал. – 2019. – № 3. – С. 33–42. – doi: 10.24411/1560-957X-2019-11926.
14. Секераж Т.Н. Психологическое исследование аудио- и видеоматериалов, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий: организационные и методические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Том 16. – № 2. – С. 105–115. – doi: 10.30764/1819-2785-2021-2-105-115.

15. Секераж Т.Н. Экспертные ошибки при производстве судебной психологической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинская – М.: Проспект, 2012. – С. 101–125.
16. Сорокотягин И.Н. Экспертные ошибки и их классификация // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 209–215.
17. Ткаченко А.А. Судебная психиатрия: консультирование адвокатов / А.А. Ткаченко. – М.: Логос, 2006. – 504 с.
18. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 416 с.

Эффективность психологического тренинга и психопросветительских лекций для развития коммуникативной компетентности в снижении виктимности в юношеском возрасте

Швабауэр А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Актуальность

Формирование здоровой, социально адаптированной личности обуславливает актуальность исследования виктимного поведения в юношеском возрасте. В связи с переходом на новый жизненный этап, включающий в себя поиск работы, сепарацию от родителей, поиск партнера, для юношей и девушек была разработана тренинговая программа по снижению уровня виктимности посредством развития коммуникативной компетентности. Важность высокого уровня коммуникативной компетентности в данном возрасте также обусловлена условиями нового жизненного периода. На данном этапе важную роль играет адаптация юношей и девушек во внешнем мире, их умение общаться как с близкими, так и с незнакомыми или малознакомыми людьми, а также понимание угрозы со стороны этих людей. Зачастую, выходя из родительского дома, юноши и девушки могут быть слишком доверчивы к окружающим, что ведет к повышению уровня социальной виктимности.

Материалы и методы исследования

Выборку составляет 3 группы юношей и девушек (по 15 человек) в возрасте от 18 до 22 лет, осуществляющих обучение в высшем учебном заведении.

Во всех группах были проведены начальные и итоговые психодиагностические исследования; в первой группе была проведена тренинговая программа и психопросветительские лекции (ТЛ), во второй – только тренинговая программа (Т), в третьей – только лекции (Л).

В исследовании использовались следующие методики:

1. Методика исследования склонности к виктимному поведению (Андронникова О.О.).
2. Методика “Коммуникативные и организаторские способности” В. В. Синявского, В. А. Федорошина (КОС).

Исследование проводилось в три этапа:

1. Входная психодиагностика.
2. Тренинги с лекциями, тренинги, лекции (в трех группах).
3. Выходная психодиагностика.

Результаты и обсуждение

По методике исследования склонности к виктимному поведению Андронниковой О. О. были сделаны выводы, что результаты в группе ТЛ после проведения программы снизились. Это свидетельствует об эффективности воздействия тренинговой программы с использованием лекций на коммуникативную компетентность в снижении уровня виктимности. В группе Т результаты также снизились, но незначительно. В группе Л явных изменений после проведения лекций нет.

По методике “Коммуникативные и организаторские способности” были сделаны выводы, что в группе ТЛ результаты после проведенной программы значительно повысились по фактору “Коммуникативные способности”. Это говорит о повышении уровня коммуникативной компетентности, развития навыков и способов общения. В группе Т незначительно снизились показатели уровня коммуникативных способностей. В группе Л незначительно снизились оба этих фактора. Незначительное снижение и повышение данных по этим факторам может рассматриваться как погрешность.

Для качественного анализа нами были выбраны несколько факторов изменения в поведении, которые отмечали сами участники исследования в процессе прохождения тренингов и лекций, а также факторы, которые мы смогли в них увидеть. Были отобраны следующие факторы: фактор задавания вопросов в процессе проведения тренингов и лекций, фактор использования полученных навыков на встречах, фактор применения полученных навыков в жизни, фактор адаптивности в группе.

Фактор задавания вопросов в процессе проведения тренингов и лекций – в группе ТЛ почти каждый участник задавал вопросы, в группе Т также больше половины группы задавали вопросы, в группе Л таких людей было значительно меньше.

Фактор использования полученных навыков на встречах – в рамках данного фактора нами были отобраны навыки, которые в процессе встреч участники смогли изучить и которые использовали на следующих встречах. Примерно равное количество участников групп ТЛ и Т использовали полученные знания на практике в других упражнениях. В группе Л не было замечено таких участников, так как формат не позволяет их выявить.

Пример:

1. В упражнении “Трудный разговор” некоторые участники использовали навыки поведения в конфликтах, которые были изучены ранее. А также называли свои эмоции, которые мы изучали на предыдущих встречах.

Фактор применения полученных навыков в жизни – в данном факторе мы выделили ситуации, о которых нам рассказывали участники в процессе тренингов, когда они использовали полученные знания в жизни. В группе ТЛ было чуть меньше половины таких участников, в группе Т – всего два, а в группе Л никто не рассказывал о подобных ситуациях. Мы выделили этот фактор в связи с тем, что он помогает увидеть, насколько эффективно прошла встреча, насколько полученные навыки были отработаны и поняты участниками.

Примеры:

1. Использовали навыки выражения негативных эмоций с близкими;
2. Использовали навыки ведения трудных разговоров с руководством.

Фактор адаптивности в группе – данный фактор мы выделили по результатам общения участников внутри группы, включающего в себя поддержку во время высказывания участников, поддержку во время упражнений, общение до и после встреч. Нами было замечено, что в группе ТЛ участники чаще давали друг другу обратную связь, а также многие участники смогли найти единомышленников в группе. В группе Т также некоторые участники активнее других высказывались в поддержку других. В группе Л двое участников активно поддерживали других участников группы.

Пример:

1. В группе ТЛ многие участники общались на отвлеченные темы до начала тренингов, хвалили других за их достижения вне тренингов, высказывали свое восхищение некоторым способностям участников.

Качественный анализ показал, что наиболее явные изменения произошли в группе ТЛ, однако в группе Т участники также проявляли заинтересованность и активно участвовали в процессе тренинга. В группе Л произошло наименьшее

количество качественных изменений, это может быть связано с самим форматом лекций: было мало общения лектора и участников, не было специальных упражнений на сплочение группы.

Выводы

Тема коммуникативной компетентности актуальна для юношеского возраста, так как исследования подтверждают, что молодые люди данного возрастного периода имеют низкий уровень ее сформированности. Поэтому коммуникативные умения необходимо развивать дополнительно.

Одним из методов развития коммуникативной компетентности является социально-психологический тренинг. Также для развития коммуникативной компетентности используются психопросветительские лекции. Важным этапом исследования было выявить, какой метод будет эффективнее, а также, будет ли эффективно совместить два этих метода.

Количественный анализ полученных данных по критерию Вилкоксона по параметру «Виктимность» в группе с использованием тренингов и лекций до и после проведенной тренинговой программы показал, что изменения значимы. Это говорит о подтверждении первой гипотезы, что при развитии коммуникативной компетентности наблюдается снижение уровня виктимности в юношеском возрасте. Анализ по параметру «Коммуникативные способности» в группе ТЛ также показал значимые изменения. Это говорит о подтверждении второй гипотезы, что метод тренинга в совокупности с психопросветительскими лекциями на развитие коммуникативной компетентности является наиболее эффективным в снижении уровня виктимности в юношеском возрасте.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы психологами в образовательных учреждениях со школьниками и студентами. Особенность данной тренинговой программы в том, что при ее реализации психолог может не только формировать коммуникативную компетентность, но и снижать уровень виктимности.

Также для проведения исследований на тему коммуникативной компетентности можно совершенствовать программу социально-психологического тренинга, меняя ее направление в зависимости от цели исследования.

Феномен агрессии как предмет психологических исследований

Ведерникова П.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Актуальность темы данного исследования проявляется в значительном росте количества статей на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU по запросу «Агрессивное поведение» в период за 2011-2021 годы, всего за данный период по запросу «Агрессивное поведение» было найдено 4865 статей.

Следует различать понятия «агрессия», «агрессивность» и «агрессивное поведение». Определений агрессии существует множество, однако имеется общепринятое понятие, к которому склоняются многие специалисты: «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» (Бэрн Р., Ричардсон Д., 2001).

Целью агрессии являются получение удовольствия от причинения вреда, заработок, месть, доминирование, получение личной выгоды и др.

По А.Р. Ратинову, агрессивность – это свойство личности, которое направлено на достижение цели с использованием насилия (психологического или физического) над другими. Агрессивность присуща каждому человеку, однако у одних она находится на низком уровне, у других – на высоком. При отсутствии агрессивности человек становится податливым, теряет свою жизненную позицию. При повышенной агрессивности человек становится конфликтным и теряет свою способность к социальной кооперации (Можгинский Ю.Б., 1999).

Агрессивное поведение – целенаправленно разрушительное поведение, противоречащее правилам и нормам существования людей в социуме, наносящее вред одушевлённым либо неодушевлённым объектам нападения, причиняющее физический ущерб индивидам и (либо) вызывающее у них психический дискомфорт (Семенюк Л.М., 1998).

Существует несколько подходов к пониманию агрессивного поведения (Кудрявцев И.А., 2000):

1. Биологически ориентированные подходы (Ч. Дарвин, К. Лоренц и Р. Ардри и другие). Для К. Лоренца и Р. Ардри, сторонников теории врожденной агрессии, цель агрессии заключалась в защите собственной территории.

2. Психоаналитические подходы (З. Фрейд, Э. Фромм и другие): по мнению Э. Фромма, агрессия представляет собой умышленное причинение вреда другому объекту (живому или неживому), которое направлено на самореализацию и самоутверждение.

3. Бихевиористские и необихевиористские подходы (А. Басс, А. Бандура и другие)

Также выделяют ряд факторов риска формирования агрессивного поведения, в детском возрасте существуют три первостепенных источника получения знаний о моделях агрессивного поведения: семья, взаимодействие со сверстниками, масс-медиа. В последствии данные модели дети применяют в повседневной жизни (Бэрон Р., Ричардсон Д., 2001).

Факторами, предопределяющими агрессивное поведение ребенка внутри и вне семейного круга, являются:

- 1) Родительское отношение к непозволительному поведению ребенка;
- 2) Уровень гармонии в отношениях между родителями и детьми, братьями и сестрами;
- 3) Наличие заботы и понимания со стороны родителей;
- 4) Суровые наказания;
- 5) Вседозволенность;
- 6) Невольное поощрение родителями агрессивного поведения;
- 7) Наблюдаемые агрессивные поступки и слова.

Перечисленные факторы могут сказываться на дальнейших взаимоотношениях ребенка с собственным окружением.

Помимо семьи, дети получают информацию о моделях агрессивного поведения при непосредственном контакте со сверстниками, например, в процессе шумных игр, в которых дети могут дразнить друг друга, толкать, драться, что приносит не боль, а удовольствие и смех.

На человека сильно влияют слова и поступки других людей. В жизни, наблюдая за агрессивным поведением со стороны, во-первых, ребенок черпает для себя новые знания о формах агрессивного поведения, которые ранее мог не знать. Во-вторых, может рассуждать подобным образом: «другие могут, значит, я тоже могу», что создает эффект снятия запретов, который усиливает вероятность проявления агрессивных реакций или действий. При частом наблюдении за агрессией со стороны окружения, у свидетеля проявлений агрессивного поведения искажается реальность, что вполне вероятно может

привести к обостренному ощущению опасности, что заставляет реагировать более агрессивно в целях собственной защиты (Бэрон Р., Ричардсон Д., 2001).

И.Р. Мартынова в эмпирическом исследовании клинико-психологических факторов риска агрессивного поведения у подростков в дополнение к перечисленным выше факторам описала ряд других. В выборке приняли участие несовершеннолетние подростки с проявлением делинквентного поведения. Согласно полученным результатам, было выделено несколько факторов, приводящих к дискомфорту и росту психического напряжения: сниженное настроение, тревожность, эмоциональная неустойчивость, ощущение соматического неблагополучия, повышенная чувствительность к воздействиям окружающих, ранимость, сопровождающаяся коммуникативными трудностями (Мартынова И.Р., 2016).

Выводы:

- Существует разница между агрессией, агрессивностью и агрессивным поведением.
- Существует большое количество исследований на тему агрессии, ее роли в формировании и существовании человека, а также определения агрессивности как положительного или отрицательного свойства человека.
- Существует множество факторов риска возникновения агрессивного поведения, основные из них – детско-родительские отношения, отношения со сверстниками, наблюдение за агрессивным поведением со стороны, ранимость, повышенная тревожность.

Литература

1. Авдулова Т.П. Возрастные кризисные явления в формировании идентичности подростков: монография / Т.П. Авдулова. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 132 с.
2. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
3. Кудрявцев И.А. Криминальная агрессия: экспертная типология и судебно-психологическая оценка / И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова. – М.: Московский университет, 2000. – 192 с.
4. Мартынова И.Р. Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности [Электронный ресурс] // Психология и право psyandlaw.ru – 2016. – Том 6. – №3. – С. 79–88. – URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n3/82924.shtml> (дата обращения: 21.02.2022). – doi: 10.17759/psylaw.2016060307.

5. Можгинский Ю.Б. Агрессия подростков. Эмоциональный и кризисный механизм / Ю.Б. Можгинский. – СПб.: Лань: Санкт-Петербургский университет МВД, 1999. – 128 с.
6. Семенюк Л.М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции: учебное пособие / Л.М. Семенюк. – М.: Флинта, 1998. – 96 с.

Проблемное использование интернета в эпоху пандемии COVID-19 в подростково-юношеском возрасте

Власова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Пандемия COVID-19 и ограничения, последовавшие за ней для обеспечения безопасности всего человечества, несомненно коснулись в той или иной степени каждого из нас. Не остались в стороне и учащиеся школ и высших учебных заведений, которые были вынуждены перейти на обучение в дистанционном формате. Такие кардинальные изменения не могли не сказаться на психическом, эмоциональном состоянии индивидов (Захарова У.С., 2020).

Меры социального дистанцирования во время пандемии оказали немалое влияние на использование информационных технологий. С одной стороны, возможности сети во многом облегчили адаптацию к проблемам, вызванным пандемией COVID-19. С другой стороны, чрезмерное использование интернета может негативно сказаться на физическом и психическом благополучии людей (Герасимова А.А., 2020).

Рассмотрим исследования, посвященные особенностям использования интернета во время пандемии COVID-19 в различных странах.

По результатам исследования, которое было проведено в Великобритании с лицами подросткового возраста, для них это время ассоциировалось со сложностями в эмоциональном состоянии, отказе от привычной жизни.

Учеными А. Zarco-Alpuente, V. Ciudad-Fernández, Rafael B.-A., J. Billieux и др., было проведено исследование проблем с использованием интернета до и во время пандемии COVID-19, которое осуществлялось в Испании (Zarco-Alpuente A., 2021). В исследовании приняли участие 1275 жителей Испании в возрасте от 18 до 55 лет. Исследователи через онлайн-платформу задавали вопросы, касающиеся использования интернета до и во время пандемии. Психологические

факторы оценивались с помощью испанской версии Таблицы положительных и отрицательных аффектов.

По результатам проведенного исследования, большинство участников (60,8%) не сообщили об изменениях в онлайн-деятельности во время изоляции, однако значительно увеличилось предпочтение двух видов деятельности в интернете, с большей долей новых пользователей сети: просмотр онлайн сериалов (9,5 % новых пользователей) и игра в онлайн видеоигры (15,8%). Такие результаты исследователи связывают с тем, что деятельность в сети помогала людям справиться с чувством одиночества, разочарования, однообразия во время карантина.

Важно подчеркнуть, что наиболее активными действиями в сети были: просмотр сериалов (в среднем 5,6 часов в неделю), видеоигры (4,5 часов в неделю), а также обмен сообщениями (2,6 часа), социальные сети (2,4 часа).

Увеличение использования онлайн-пространства во время карантина не сопровождалось пропорциональным ростом проблемного использования большинства деятельностей в интернете (за исключением чрезмерного просмотра сериалов и игрой в видеоигры). В то же время, участники, которые сообщили об увеличении времени за просмотром сериалов и видеоиграми, сообщали о функциональных нарушениях ввиду этой деятельности. Авторы предполагают, что следствием этих действий может быть ухудшение академической успеваемости, проблемы на работе. В заключение авторы указывают на то, что контролируемое участие в онлайн-среде – это адаптивная стратегия выживания, которая позволяет индивиду противостоять трудностям и особенностям карантинного времени, а также удовлетворить основные потребности в контексте изоляции.

Гонконгские ученые D. Chan, C. Wong, C. Hui, E. Lee исследовали гендерные различия в проблемном использовании интернета (Chan D., 2021). В исследовании приняли участие 1164 человека в возрасте от 15 до 24 лет. Оказалось, что у женщин общий уровень интернет-зависимости выше, чем у мужчин, причем чрезмерная увлеченность онлайн-пространством часто связана с депрессивными состояниями во время пандемии.

M. Daoud, S. Omri, R. Feki и др. изучали проблемное использование интернета среди тунисских подростков. Выборка составила 152 учащихся средней школы в возрасте $13,14 \pm 1,2$ года. У 83,6% учащихся был собственный смартфон. Результаты показали, что высокий уровень зависимости от сети выявлен у 14,5% подростков. Интересно, что 46,8% считают, что увлеченность интернетом негативно сказывается на семейных отношениях; 13,2% опрошенных используют онлайн-среду в личных целях во время учебы. Распространенность чрезмерного использования сети среди мальчиков выше,

чем среди девочек. Также была выявлена значимая связь между уровнем интернет-зависимости и академическими трудностями (Demkowicz O., 2020).

Аналогичные исследования, проведенные в России, указывают на то, что во время пандемии учащиеся подросткового возраста чаще чувствовали себя одиноко, изолированно, также им не хватало живого общения со сверстниками и преподавателями.

Обратимся к исследованию, которое было проведено в 2020 году в период пандемии COVID-19 Герасимовой А.А., Холмогоровой А.Б. Ученые изучали проблемное использование интернета в период пандемии (Герасимова А.А., 2020).

В результате исследования было выяснено, что компоненты проблемного использования сети и другие аспекты социального взаимодействия отрицательно связаны друг с другом. Такие данные подкрепляются исследованием, которое было проведено в Италии с участием лиц подросткового возраста, где удовлетворенность социальными взаимоотношениями отрицательно связана с элементами проблемного использования интернета. Еще одним результатом исследования послужило последствие плотного общения с членами семьи. В этой связи важным оказалось учитывать взаимоотношения с семьей до изоляции. Если до изоляции отношения с семьей уже имели негативный характер, то впоследствии эти проблемы усилились и обострились, что повлекло за собой увеличение уровня проблемного использования онлайн-среды как компенсаторной функции.

Таким образом, пандемия COVID-19 так или иначе повлияла на жизнь каждого из нас, вовлеченными оказались и лица подросткового возраста, которые в целях безопасности были вынуждены перейти на дистанционное обучение посредством интернет-технологий. Рассмотрение использования интернета в различных странах во время пандемии COVID-19 позволяет сделать вывод о том, что предпринятые меры безопасности, в том числе соблюдение режима изоляции, повлияли на большую вовлеченность в онлайн-среду в каждой из рассмотренных стран. С одной стороны, количество времени, проведенного в сети, заметно увеличилось, однако характер деятельности онлайн носит спорный характер, индивиды отмечают негативное влияние сети на другие сферы жизни, но в то же время чрезмерное использование интернета можно рассмотреть, как приспособительную стратегию жизни во время карантина, которая помогает человеку справиться с введенными ограничениями.

Литература

1. Герасимова А.А. Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета в период пандемии / А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова // Психологическая наука и образование. – 2020. – Том 25. – № 6. – С. 31–40. – doi: 10.17759/pse.2020250603.
2. Захарова У.С. Субъектность студентов в условиях очного и дистанционного обучения: взгляд преподавателей / У.С. Захарова, К.А. Вилкова // Современная зарубежная психология. – 2020. – Том 9. – № 3. – С. 87–96. – doi: 10.17759/jmfp.2020090308.
3. Problematic internet use prior to and during the COVID-19 pandemic / A. Zarco-Alpuente [et al.] // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. – 2021. – Vol. 15. – №4. – Article ID 1. – 20 p. – doi: 10.5817/CP2021-4-1.
4. Smartphone internet addiction among hong kong young adults: The role of gender and depression / D. Chan [et al.] // European Psychiatry. – 2021. – Vol. 64. – № 51. – doi: 10.1192/j.eurpsy.2021.562.
5. Teenagers' experiences of life in lockdown [Электронный ресурс] / O. Demkowicz [et al.] // The University of Manchester. – URL: <https://www.seed.manchester.ac.uk/education/research/impact/teenagers-experiences-of-life-in-lockdown/> (дата обращения: 18.04.2022).

Психологические особенности мотивации и ценностных установок у лиц с позицией чайлдфри

Выродова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический
университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В XXI веке трансформации охватывают различные сферы общественной жизни. Изменения в социокультурной ситуации, в научно-техническом прогрессе, экономическом и социальном развитии общества затронули также все уровни семейного функционирования и отразились на феномене родительства: меняются представления о «материнстве» и «отцовстве», пересматривается как возраст становления родителем, так и сама перспектива родительства. Все же большинство людей выбирают классический сценарий – брак и родительство. Но бывают такие, кто сознательно отказывается от деторождения. Они именуют

себя «чайлдфри».

По мнению многих исследователей феномена добровольной бездетности, социальная обстановка как фактор, влияющий на репродуктивный выбор женщины, является определяющей. Однако, выбор установки на отказ от рождения детей зависит не столько от давления социума (внешних условий), но и от внутренних позиций будущих родителей. Исследования психологических особенностей мотивации и ценностных установок у лиц с позицией чайлдфри являются крайне актуальными.

Целью исследования являются выявление, описание и систематизация психологических особенностей мотивации и ценностных установок у лиц с позицией чайлдфри.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть понятие “психологическая готовность к родительству” и описать теоретические модели и исследования данного понятия.
2. Описать психологические особенности мотивации родительства.
3. Раскрыть психологические особенности ценностных установок, связанных с родительством.
4. Раскрыть феномен “чайлдфри” и описать его основные психологические особенности.
5. Выявить и обобщить психологические особенности мотивации и ценностных установок у лиц с позицией чайлдфри.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно выделить и описать психологические особенности мотивации и ценностных установок у лиц с позицией чайлдфри, а именно:

1. У лиц с позицией «чайлдфри» более высокий уровень «внутренней свободы», нежели у лиц с традиционными ценностями.
2. Мужчины и женщины, отказавшиеся от родительства, имеют более низкие показатели ответственности, чем представители других групп.
3. Структура ценностных ориентаций лиц с позицией чайлдфри отличается от традиционных, у них преобладают ценности, связанные с удовлетворением личных потребностей, которые не охватывают потребности и ожидания окружающих.
4. Репродуктивные мотивы лиц, отказывающихся от родительства, выражены деструктивными мотивами по отношению к семье в целом, и к возможному принятию роли взрослого.

Характеристика материала исследования. Выборку эмпирического исследования составили 77 человек в возрасте от 20 до 45 лет. Из них 11 мужчин и 66 женщин. Выборка была разделена на 2 группы: **контрольная группа** – респонденты, представляющие традиционные взгляды на родительство, 32 чел.,

из них 12 респондентов не состоят в отношениях, 4 живут в незарегистрированном браке, 6 встречаются с парнем/девушкой, 7 женаты/замужем и 3 разведены; **группа сравнения** – респонденты, придерживающиеся позиции чайлдфри, 45 чел., из них 12 респондентов не состоят в отношениях, 4 живут в незарегистрированном браке, 6 встречаются с парнем/девушкой, 22 женаты/замужем и 1 разведен/а.

Методики и процедура исследования. Были использованы четыре методики, а именно – опросник «Репродуктивные мотивы» (Морозова И.С., Белогай К.Н., Борисенко Ю.В., Отт Т.О., 2015), опросник терминальных ценностей тест «ОТеЦ» (Сенин И.Г., 2015), методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (Бубнова С.С., 2018), шкала экзистенции (Лэнгле А., Орглер К., 2003)

Исследование проводилось на онлайн платформе GoogleForms. Респондентам было предложено перейти по ссылке на исследование и ответить на вопросы авторской анкеты и 4-х методик. Исследование было анонимным и занимало не более 60 минут. Инструкции, данные в методиках, были отображены на экране перед началом прохождения каждой.

Далее результаты исследования были обработаны с помощью программ Excel 2019 и IBM SPSS Statistics.

Результаты

Результаты эмпирического исследования обозначили место ценностей семьи и родительства у лиц с разными моделями и воззрениями на репродуктивную функцию. Семья и деторождение занимают ключевую позицию в мировоззрении, становясь смыслом жизни, у лиц, которые рассматривают создание семьи в позитивном ключе и которые придерживаются традиционных взглядов. Лица с позицией «чайлдфри» ориентируются и ценят внесемейные отношения, которые реализуются через образование, карьеру и профессиональные достижения. Проведённое нами исследование раскрывает мотивационные, смыслообразующие и ценностные составляющие, присущие лицам с позицией «чайлдфри». Показанные различия в моделях репродуктивного поведения могут служить базой для коррекции и создания методов психологической работы (индивидуальная и семейная психотерапия, консультирование), а также для обеспечения профилактических мероприятий по регулированию демографических показателей и обоснования возможных факторов их снижения.

Выводы

Не всегда родители готовы брать ответственность за процесс воспитания ребенка, его подготовку к самостоятельной жизни. Подобное поведение

родителей свидетельствует об определенной девиации в сфере родительства.

Родительство является социально обусловленным опытом, который принимается культурой, существующими нормами и традициями в качестве общественно значимой деятельности. Но принятие решения о родительстве определяется индивидуальной системой мотивов.

Механизмом формирования психологической готовности к родительству является традиционная функционально-ролевая гармония супругов, их межличностные отношения, способность общаться и решать конфликтные ситуации, что способствует позитивному принятию родительских функций.

«Чайлдфри» – это отсутствие детей и сознательное нежелание их иметь. Речь идет о тех, кто не желает заводить детей ни в каком возрасте, ни при каких обстоятельствах, хотя нет никаких физиологических ограничений в выполнении репродуктивной функции.

Уровень свободы и ответственности у лиц, придерживающихся позиции чайлдфри и лиц с традиционными взглядами не различается. Но структура ценностных ориентаций у лиц с позицией чайлдфри выражена преобладанием ценностей на удовлетворение личных потребностей, которые не охватывают потребности и ожидания окружающих. Репродуктивные мотивы лиц, отказывающихся от родительства, выражены деструктивными мотивами по отношению к семье в целом и к возможному принятию роли взрослого.

Литература

1. Бичарова М.М. Добровольная бездетность как последствие кризиса института семьи в современном российском обществе / М.М. Бичарова, О. В. Пиценко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4(41). – С. 190–196.
2. Калугин А.Ю. Психометрический анализ двух «ценностных» методик-аналогов: «Опросник терминальных ценностей» И.Г. Сенина и опросник «Аксиологическая направленность личности» А.В. Капцова, Л.В. Карпушиной // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 1. – С. 62–79. – doi: 10.12731/2218-7405-2015-1-23.
3. Козлов В.В. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / В.В. Козлов, В.А. Мазиллов, Н.П. Фетискин. – Издание 2-е дополненное и переработанное. – М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2018. – 720 с.
4. Регуляция репродуктивного поведения и репродуктивное здоровье / И.С. Морозова [и др.] – М.: Ленанд, 2015. – 240 с.

5. Längle A. The Existence Scale. A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfilment [Электронный ресурс] / A. Längle, Ch. Orgler, M. Kundi // European Psychotherapy. – 2003. – Vol. 4. – № 1. – P. 135–151. – URL: <https://aeapp.ru/PDF/Laengle-Skala.pdf> (дата обращения: 30.01.2022)

Влияние типов привязанности и стилей детско-родительских отношений на склонность к девиантному поведению у подростков и юношей

Галютина А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Возникновение девиантного поведения подростков обусловлено влиянием большого количества факторов. Особое внимание следует уделять взаимоотношениям подростка с родителями. Именно родители создают первичную среду для развития личности их ребенка. Благополучная атмосфера в семье создает условия для воспитания здоровой личности, а конфликтная и напряженная способствует противоположному результату. Поэтому так необходимо изучение влияния стиля детско-родительских отношений и типов привязанности на склонности к девиантному поведению у подростков и юношей, чтобы постараться свести негативное воздействие к минимуму. Девиантное или отклоняющееся поведение – это действия, которые не соответствуют сложившимся в данном обществе ожиданиям и установленным социальным нормам. Такое поведение отличается направленностью на нанесение ущерба самой личности или окружающим людям (Змановская Е.В., 2004). Под детско-родительскими отношениями понимается целостная система чувств родителей к ребенку, степень понимания его индивидуальных качеств и поступков, а также поведенческие стереотипы общения с ребенком (Варга А.Я., 2006). Привязанность начинает формироваться между значимым взрослым и ребенком сразу после его рождения. От того, как мать заботится о ребенке зависит то, какая между ними возникнет связь (Боулби Дж., 2003).

В 2022 году нами было проведено исследование. Целью данного исследования было выявление и описание специфики типов привязанности, стилей детско-родительских отношений и склонности к девиантному поведению у подростков и юношей.

Мы предположили, что существует взаимосвязь между типом детско-родительской привязанности, типом родительского отношения и склонностью к девиантному поведению у подростков и юношей, а именно, что стиль детско-родительского воспитания и тип зависимости влияют на склонность подростков и юношей к девиантному поведению; подростки, имеющие надежную привязанность, наименее склонны к девиантному поведению; подростки, родители которых отличаются непоследовательностью в воспитании, склонны к девиантному поведению.

Выборку эмпирического исследования составили 44 человека в возрасте от 14 до 18 (средний возраст – 17, 4 лет). Из них юношей 10 чел. (в возрасте от 16 до 18, средний возраст – 17, 1 лет), девушек 34 чел. (в возрасте от 14 до 18, средний возраст - 17,4 лет). Исследуемые были проинформированы о том, что полученные данные будут использоваться в научном исследовании, информация будет обобщена и распространению не подлежит. Все респонденты – пользователи социальной сети «ВКонтакте». Анкетирование было проведено с помощью системы Google-формы.

Для исследования были использованы следующие методики: авторская анкета; тест «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леус, А. Г. Соловьев (Дворянчиков Н.В., 2017); опросник на привязанность к родителям для старших подростков М. В. Яремчук (Яремчук М.В., 2005); опросник «Подростки о родителях» (Лидерс А.Г., 2007); методика «Детско-родительские отношения подростков» П. Трояновской (ДРОП) (Лидерс А.Г., 2007). В процессе дальнейшей статистической обработки данных подсчитывались: среднее значение по каждой из шкал, критерий корреляции Спирмена, описательная статистика.

Было выявлено, что существует связь между типом привязанности и девиантным поведением подростка: подростки с надежной привязанностью не склонны к противоправным действиям, нарушению норм и правил, проявлению физической и вербальной агрессии, к стремлению причинить себе боль или физический вред, к сознательному отказу от жизни; подростки с тревожным типом привязанности склонны к нарушению норм и правил, к проявлению вербальной и физической агрессии и к суицидальному поведению; подростки с избегающим типом привязанности склонны к нарушению норм и правил, к проявлению агрессивного и суицидального поведения.

Также была обнаружена связь между субъективным представлением подростка о стиле детско-родительского отношения и девиантным поведением: к формированию противоправного поведения ведет отсутствие, по мнению подростка, положительного отношения со стороны родителя, жесткий контроль с его стороны, строгость и непредсказуемость поведения в воспитании. Оно

формируется, если подросток считает, что чаще сталкивается с наказанием, чем с поощрением и не находится в ситуации сотрудничества; к формированию агрессивного поведения ведет отсутствие, по мнению подростка, положительного отношения со стороны родителя, излишняя строгость, критика в его сторону, жесткий контроль и тенденция к применению своей власти. Также к этому ведет неудовлетворенность подростка взаимоотношениями с родителями; к формированию зависимого поведения может вести наблюдаемая подростком вражда между родителями; к формированию суицидального поведения ведет отсутствие положительного отношения со стороны родителя, отсутствие понимания и эмпатии, излишняя строгость и критика в сторону подростка, отказ родителя от использования поощрений в пользу наказаний.

Данные результаты позволяют сделать вывод о том, что отношение родителя к ребёнку влияет на формирование у него различных проявлений девиаций. Если родители внимательны к своему ребёнку и выстроили с ним надежную привязанность, то вероятность формирования у того отклоняющегося поведения значительно снижается.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби; общ. ред. и вступ. ст. Г.В. Бурменской; пер. с англ. Н.Г. Григорьевой и Г.В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
2. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: дис... канд. псих. наук. – М., 1986. – 206 с.
3. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Е.В. Змановская. – 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2004. – 288 с.
4. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений / А.Г. Лидерс. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 432 с.
5. Программно-методический комплекс дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+»: методическое руководство: сборник тестов / Н.В. Дворянчиков [и др.]. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 198 с.
6. Яремчук М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. – 2005. – Том 10. – № 3. – С. 86–94.

Особенности поведения несовершеннолетних лидеров просоциальной направленности

Глебова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Дебольский М.Г.

Введение. В последние два десятилетия наблюдается устойчивый научный и общественный интерес к проблеме формирования просоциального поведения. Учителя и педагоги с начальных классов вовлекают детей в социально полезную деятельность, объясняют важность и необходимость оказания помощи и сотрудничества с другими людьми. Участвуя в просоциальной деятельности, учащиеся положительно влияют на индивидуальное и групповое поведение, а также получают положительную обратную связь от взрослых – тем самым формируется устойчивая мотивация на просоциальность.

Актуальным, по нашему мнению, представляется изучение просоциального поведения на примерах подростков с отклоняющимся поведением, находящиеся на профилактическом учете в правоохранительных органах или находящихся под следствием по подозрению в совершении преступлений различной степени тяжести (Логвинова М.И., 2021).

Гипотеза исследования. Мы предполагаем, что лидеры в девиантных подростковых группах обладают высоким уровнем социального интеллекта, развитыми навыками коммуникации, устойчивой мотивацией и навыками самоконтроля.

Установлено, что просоциальная направленность деятельности формируются за счёт альтруизма и эмпатии (Кухтова Н.В., Сотникова Е.И., 2020). Поскольку у подростков сильно выражен механизм подражания, то высока вероятность, что при обучении лидеров просоциальному поведению большинство членов группы будут следовать их примеру.

Просоциальное поведение недостаточно изучено с позиций лидерства и когнитивных структур (Чернов А.Ю., 2020). Предполагается, что когнитивные процессы модулируют различные аспекты просоциальной деятельности личности. Они содержат основной набор паттернов и сценарий поведения, позволяющие корректировать свое поведение в соответствии с альтруистическими ценностями.

Материалы и методы. Исследование проводилось с 50 юношами 16-17,5 лет, находящимися под следствием по подозрению в совершении преступлений

различной степени тяжести или состоящих на профилактическом учете в полиции.

Поскольку просоциальное поведение недостаточно изучено с позиций лидерства и когнитивных структур (Харитонов А.Н., 2013), в настоящем исследовании мы опирались на комплекс различных социально-психологических методик, позволяющих изучить различные аспекты когнитивной сферы личности:

1. Методика «КОС» (Коммуникативные и организаторские склонности) В.В. Синявского и В.А. Федорошина.

2. Тест-опросник коммуникативного контроля М. Шнайдера.

Статистическая обработка данных производилась с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни и критерия корреляции Ч. Спирмена.

Результаты. В первую очередь была проведена диагностика на склонность к лидерству.

По методике «КОС» В.В. Синявского и В.А. Федорошина были получены следующие результаты.

Большее число респондентов – 16 чел. (32%) – обладают средним уровнем коммуникации, что соответствует норме. Однако при возникновении стрессовых ситуаций для них несколько затруднена быстрая адаптация к новым условиям. У 20% и 24% обследованных - высокий и очень высокий уровень развития коммуникационных способностей. Такие подростки не теряют самообладания в незнакомых ситуациях, легко находят общий язык с новыми людьми, не боятся публичных выступлений. У 8% и 16% респондентов уровень коммуникации, соответственно, ниже среднего либо низкий. Таким подросткам общение дается тяжело, они испытывают сильное напряжение при разговоре с незнакомыми людьми и в незнакомых ситуациях.

Результаты тестирования коммуникативного контроля по методике М. Шнайдера:

У 30 человек (60%) был выявлен высокий уровень коммуникативного контроля – это очень сдержанные в проявлениях эмоций юноши, они очень осторожны в общении и выборе слов. У 30% респондентов – низкий уровень контроля, что означает, что такие подростки эмпатичны, открыты к общению, но не всегда внимательно слушают собеседника. Для 10% испытуемых характерен средний уровень коммуникативного контроля. Эти юноши в общении легки и непосредственны, искренни в отношении к окружающим.

Заключение. Высокий уровень самомотивации означает, что человек целеустремлен и способен, несмотря на трудности, достигать поставленных целей (ориентация на задачу) (Кисляков П. А., 2019). Для испытуемых с высоким

уровнем развития коммуникативных способностей характерна ориентация на взаимоотношения: такие юноши открыты, доброжелательны. Они осознают последствия слов и поступков, поэтому могут прогнозировать дальнейшие действия людей и извлекать максимум информации из общения с ними.

Способность понимать логику развития сложных ситуаций взаимодействия означает, что у респондента развиты коммуникативные навыки. Он способен найти общий язык практически с любым человеком и быстро найти выход из сложных социальных ситуаций.

Лидерство взаимосвязано с уровнем коммуникативной культуры. Это означает, что человек ориентирован на сотрудничество, умеет строить диалог и находить компромиссы. Лидеры способны на любые вербальные или невербальные действия, которые содержат в себе информацию о распределении контроля между субъектами коммуникации. Другими словами, лидеры актуализируют власть и реализацию некоего влияния. Об этом свидетельствуют высокие показатели эмпатии и социального интеллекта.

Таким образом, гипотеза исследования – лидеры в девиантных подростковых группах обладают высоким уровнем социального интеллекта, развитыми навыками коммуникации, устойчивой мотивацией и навыками самоконтроля – подтвердилась. За счёт высоких параметров коммуникабельности, самосознания и эмпатии, такие лидеры имеют склонность к просоциальному поведению.

Наряду с выявлением лидерских свойств необходимо было изучать степень криминализации (асоциальности) и просоциальности (социальные ценности – добро, альтруизм, эмпатия).

Литература

1. Кисляков П.А. Системно-личностные детерминанты безопасного просоциального поведения личности // Системная психология и социология. – 2019. – № 4(32). – С. 79–91. – doi: 10.25688/2223-6872.2019.32.4.07.
2. Кухтова Н.В. Психология просоциального поведения в современных исследованиях: монография / Н.В. Кухтова; М-во образования Республики Беларусь, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 161 с.
3. Кухтова Н.В. Паттерны просоциального поведения / Н.В. Кухтова, Е.И. Сотникова // Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2020. – № 20–3. – С. 156–162.

4. Логвинова М.И. Социально-психологические условия совместной деятельности современных молодежных групп [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 4(60). – 10 с. – URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4228/ (дата обращения: 12.03.2022).
5. Предикторы просоциального поведения в современных исследованиях: межкультурный аспект: монография / Н.В. Кухтова [и др.]; под ред. Н.В. Кухтовой; М-во образования Республики Беларусь, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – 168 с.
6. Худобина Е.И. Интеллект как фактор социальной одаренности [Электронный ресурс] // PsiProj. – URL: <http://www.psi.lib.ru/statyi/sbornik/intfso.htm> (дата обращения: 12.03.2022).
7. Чернов А.Ю. Методика выявления когнитивных схем просоциального поведения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 12. – С. 146–150. – doi: 10.37882/2500-3682.2020.12.39.
8. Эволюционная и сравнительная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. А.Н. Харитоновой. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – 432 с.

Скулшутинг и его социальное восприятие курсантами образовательной организации высшего образования МВД России

Гомозова О.Ю.

Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
(г. Орел)

Научный руководитель – Борисова С.Е.

Приходится признать существенную обеспокоенность социума возрастающей степенью угрозы скулшутинга и трагичными событиями, связанными с применением насилия в ходе вооруженных нападений на обучающихся и сотрудников образовательных организаций.

В настоящее время осуществляются исследования, ориентированные на анализ психологической сущности данного феномена, посвященные рассмотрению комплекса факторов, обуславливающих скулшутинг, и определению роли сети Интернет в формировании деструктивной личности

подростка-скулшутера (Гринек У.Б., Ромеро Рейс И.В., 2021; Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В., 2020; Суходольская Ю.В., 2021).

В связи с актуальностью изучения данного явления и важностью понимания его смысла будущими следователями нами проведено анкетирование тридцати семи курсантов 4 курса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. Респонденты являются обучающимися по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (специализация – уголовно-правовая, узкая специализация – предварительное следствие в органах внутренних дел).

На момент опроса курсантами изучена тема «Криминальная психология» дисциплины «Юридическая психология», в рамках которой освещались психологические особенности феномена скулшутинга, анализировались связанные с ним события на основе сведений, представленных в средствах массовой коммуникации.

Согласно результатам опроса 100% курсантов считают изучение феномена скулшутинга актуальным направлением современных научных разработок, причем исходя из признания междисциплинарного подхода, скулшутинг, по мнению опрошенных, является предметом исследования, прежде всего, таких областей знания, как юридическая психология (72,97% ответов), психология (64,86% ответов), социология (54,05% ответов), криминология (51,35% ответов) и педагогика (48,65% ответов).

Значительная часть аргументов, подтверждающих насущность исследований скулшутинга, приведенных респондентами в свободной форме, состоит в подчеркивании увеличивающейся частоты случаев вооруженных нападений на образовательные организации, акцентировании внимания на угрозе данного явления для благополучия подрастающего поколения и общества в целом. Максимальное количество ответов сконцентрировано вокруг аргументации, связанной с необходимостью установления причин скулшутинга, разработки мер его профилактики и предупреждения, а также выработки способов распознавания намерений потенциального скулшутера.

Интересными представляются показатели ответов опрошенных относительно их смысловых ассоциаций с понятием скулшутинга. Для установления таких ассоциаций нами предлагался список терминов с их определениями, заимствованными из психологического словаря и несколько упрощенными для удобства восприятия (Головин С.Ю., 1997). Респондентам задавался вопрос: «С какими терминами, на ваш взгляд, в наибольшей степени ассоциируется понятие скулшутинга (выберите семь вариантов ответа)?».

Наиболее часто упоминаемые термины из пятнадцати предложенных выглядят следующим образом:

– агрессивность (стремление к наступательным или насильственным действиям, направленным на нанесение ущерба или уничтожение объекта наступления) (70,27% ответов),

– ненависть (стойкое отрицательное чувство субъекта, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям, ценностям) (70,27% ответов),

– психическая напряженность (состояние, обусловленное предвосхищением неприятного развития событий) (56,76% ответов),

– внушаемость (субъективная готовность подвергнуться и подчиниться внушающему воздействию) (54,05% ответов),

– комплекс неполноценности (стойкая уверенность человека в собственной неполноценности как личности) (54,05% ответов),

– деперсонализация (ощущение потери своего Я, мучительное переживание отсутствия эмоциональной близости значимых окружающих людей) (48,65% ответов),

– отклоняющееся поведение (поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам) (48,65% ответов).

Лаконичный ассоциативный портрет, составленный респондентами, позволяет говорить об оформленном представлении будущих следователей об отдельных психологических качествах типичного представителя течения скулшутинг.

Мнение респондентов согласуется с информацией, представленной в научной литературе, а указанные особенности скулшутера, выступающие его своеобразной личностной доминантой, можно расценивать как субъективную предпосылку совершения им насильственных действий.

Представим наиболее популярные варианты ответов на вопрос: «Какие факторы вы считаете наиболее значимыми в формировании психологии скулшутера (выберите три варианта ответа)?»:

– проявление агрессии в семье и демонстрация тех или иных форм девиантного (отклоняющегося от социальных норм) поведения (56,76% ответов),

– конфликты со сверстниками и отсутствие круга общения (54,05% ответов),

– негативное влияние интернет-сообществ, пропагандирующих лжеромантику скулшутинга (48,65% ответов),

– неудачи в обучении и приклеивание педагогами ярлыка «неудачник», «трудный подросток», «неблагополучная личность» и т.п. (48,65% ответов),

– дефицит положительных социальных связей и сфер самореализации подростка/юноши (не посещает секции, неполная семья, отсутствие позитивного

влияния иных родственников, отсутствие интересных увлечений) (40,54% ответов),

– влияние субкультуры зарубежных школьных стрелков (движения «Колумбайн») (40,54% ответов),

– систематические конфликты и отсутствие эмоциональной теплоты в семье (37,84% ответов).

Как видим, в восприятии курсантов ведущие детерминанты, обуславливающие формирование психологии скулшутера, размещены в основном в сфере общественных отношений и влияний, а также включают в себя действие социально-психологического механизма подражания.

Исходя из этого, логичными видятся предложения респондентов, направленные на профилактику и недопущение возникновения скулшутинга в отечественной молодежной среде и сосредоточенные на необходимости улучшения функционирования социальных институтов (семьи, образовательных организаций, интернет-среды).

В рассуждениях опрошенные подчеркивают важность поддержания комфортных психологических условий и теплых отношений в школе; культивирования в сознании родителей интереса к занятиям, состояниям и переживаниям ребенка/подростка; совершенствование психологической работы с подрастающим поколением и расширение сферы его занятости в секциях, спортивных видах деятельности; повышение уровня психологической грамотности педагогов и родителей.

В целом, стоит констатировать осознание курсантами феномена скулшутинга как насущной проблемы современности, требующей внедрения комплекса мер по недопущению ее дальнейшего усугубления. Подобное социальное восприятие будущими следователями обсуждаемого вопроса стоит рассматривать как признак их грамотной профессиональной позиции, социальной активности и готовности служить на благо общества.

Литература

1. Гриненко У.Б. Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте» / У.Б. Гриненко, И.В. Ромеро Рейес // Психология и право. – 2021. – Том 11. – № 4. – С. 180–195. – doi: 10.17759/psylaw.2021110413.
2. Дозорцева Е.Г. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения / Е.Г. Дозорцева, Д.С. Ошевский, К.В. Сыроквашина // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 97–110. – doi: 10.17759/psylaw.2020100208.

3. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – 800 с.
4. Суходольская Ю.В. Факторы, детерминирующие совершение массового убийства в образовательной организации, и механизм преступного поведения скулшутера // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 3(83). – С. 64–70.

Психологические особенности детско-родительских отношений и девиантного поведения у подростков

Давыдкина М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном мире личность формируется под влиянием многих социальных факторов и институтов, среди которых важную роль играет семья и семейное воспитание. Семья является одним из основных условий оптимального социального и психосоциального развития ребенка. И структурная, и психологическая деформация семьи может оказать влияние на формирование личности ребенка и подростка.

На протяжении всего развития психологии и педагогики актуальность проблематики детско-родительских отношений остается неизменно важной по причине того, что взаимоотношения внутри семьи играют важную роль в формировании личности ребенка. Различные виды детско-родительских отношений и стили воспитания оказывают влияние на дальнейшее развитие и поведение подростка, в том числе и на формирование девиантного поведения.

В подростковом возрасте частота возникновения девиаций наиболее высокая. Так как этот период характеризуется как кризисный, когда у ребенка происходят изменения в физическом и психологическом планах, происходят изменения в детско-родительских отношениях. Подростки на самом деле ощущают себя взрослыми – они стремятся перенимать поведение взрослых, нередко копируют их привычки и детали образа жизни, но взрослые продолжают видеть в подростке ребенка и относиться к нему, как к ребенку. Возникающие противоречия очень часто приводят к конфликтам, ссорам, побегам из дома.

Огромное влияние на проявление чувства взрослости оказывает то, какое поведение значимые взрослые, в первую очередь родители, считали важным развить и какие требования были предъявлены к ребёнку, какие до сих пор ему

предъявляются. К формированию приспособительной установки у подростка могут привести такие требования со стороны взрослых, как требование послушания, подчинение, неоспоримость. У подростков, обладающих данной установкой, происходит смена ориентации с взрослых на группу ровесников, они начинают соглашаться с требованиями группы, подстраиваться под большинство (Толстых Н.Н., 2022). Под влиянием более сильных сверстников ребенок вполне может совершать противоправные действия, наносить ущерб другим, обществу или самому себе.

Взаимодействия между родителями и их детьми-подростками, которые характеризуются теплотой, постоянством, взаимностью, поддержкой и открытостью, неизменно связаны с целым рядом положительных результатов. Например, дети, которые сообщают о положительных отношениях со своими родителями, как правило, имеют более высокую самооценку, имеют более позитивные отношения со сверстниками, лучше учатся в школе и избегают таких форм поведения, как употребление наркотических веществ и совершение правонарушений.

В ходе различных исследований и наблюдений зарубежными и отечественными психологами и педагогами неблагополучная семья была выделена как один из основных факторов риска формирования отклоняющегося поведения у подростков. Риск возникновения девиантного поведения у ребенка увеличивается в следующих случаях: неполные семьи, развод родителей, регулярные ссоры между родителями, асоциальные семьи, враждебные взаимоотношения в семье.

Семейное влияние включает целый ряд факторов, способствующих девиантному поведению подростков, основными из которых называют: бедность, криминальный анамнез семьи, разрушенная структура семьи, жестокое обращение в детстве, неэффективное родительское поведение и злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами – вот лишь немногие из этих семейных сопутствующих факторов, которые влияют на агрессивные тенденции (Walker A.J., 2000).

По определению Л.Д. Столяренко, семья – это группа людей, предназначением которой является разумное удовлетворение потребностей в самосохранении и самоутверждении каждого ее члена. Но в современном обществе со всеми его проблемами возникают неблагополучные семьи, в которых реализация данного предназначения не происходит.

Вопросы семейного неблагополучия изучали В.И. Галагузова, В.А. Гурьева, М.И. Буянов и другие. В частности, В.А. Гурьева предложила классификацию семей по признаку социальной адаптации:

- 1) Благополучные – успешно адаптированные в обществе;

2) Семьи группы риска – неполные, малообеспеченные, семьи с деструктивными родительскими установками;

3) Неблагополучные – имеющие невысокий общественный статус, наблюдается неадекватный стиль воспитания детей;

4) Асоциальные – семьи, в которых взрослые ведут аморальный, распущенный и противозаконный образ жизни. Воспитанием детей взрослые почти не занимаются, часто подростки могут попадать в ситуации безнадзорности, испытывать физический дискомфорт, в некоторых случаях у них могут наблюдаться задержки в интеллектуальном и физическом развитии.

В современной научной литературе многосторонне представлены труды, которые направлены на исследование стилей родительского воспитания и семейных взаимоотношений. Так Л.Г. Саготовской было выделено шесть типов отношений родителей и детей:

1) Родители крайне предвзято относятся к детям, убеждены в главенствовании детей в жизни;

2) Родители равнодушно относятся к детям, к их желаниям, интересам, нуждам и потребностям;

3) Родители эгоистично относятся к ребёнку. Эгоистическое отношение проявляется в том, что ребёнок выступает в качестве основной рабочей силы в семье. Родители поручают ребёнку слишком много обязанностей;

4) Родители относятся к ребёнку как объекту воспитания, при этом не учитываются индивидуально-психологические особенности ребёнка;

5) Родители воспринимают ребёнка как преграду в карьерном росте и в своих личных начинаниях и достижениях;

6) Родители почитают ребёнка, при этом поручают и доверяют ему выполнение некоторого ряда семейных функций и дел.

Таким образом, факторы семейного воспитания имеют определяющую роль в возникновении девиантного поведения у подростков. Одной из наиболее важных задач в период подросткового возраста является признание права ребёнка на взрослость и самостоятельность. Подростку предоставляется большая степень свободы и независимости, что в дальнейшем приводит к перераспределению внутренних ролей в семье.

Литература

1. Толстых Н.Н. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов / Н.Н. Толстых, А.М. Прихожан. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 406 с.

2. Walker A.J. Refracted knowledge: viewing families through the prism of social science // Journal of Marriage & Family. – 2000. – Vol. 62. – № 3. – P. 595–608. – doi: 10.1111/j.1741-3737.2000.00595.x.

Образ женщины в представлении мужчин с аномальным сексуальным влечением в форме педофилии

Донская А.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Тема аномалий сексуального влечения в настоящее время является очень актуальной, в том числе и тема педофилии. Несмотря на это, данных о происхождении патологии очень мало. Отсутствует четкое понимание, какого именно субъекта можно назвать педофилом и все ли совершенные противоправные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних дело рук именно педофила.

Изучая аномалию сексуального влечения в форме педофилии, невозможно не говорить об объектах, на которые направлено влечение, а именно о несовершеннолетних. Мужчины с данным расстройством, в основном, отдают предпочтение детям, не достигшим четырнадцатилетнего возраста. В то же время для них характерна недифференцированность полоролевых образов по возрастному признаку. В связи с чем мужчина не осознает, когда девочка становится женщиной. Углубленное изучение этого момента может помочь в нахождении причин возникновения педофильного расстройства. Однако для того, чтобы изучать данную область крайне важно начать с истоков, а именно с образа женщины в целом, а также со значения женщины в жизни мужчины и отношения мужчин к противоположному полу.

Согласно МКБ-10 под педофилией понимается «Сексуальная тяга к детям (мальчикам, девочкам или к тем и другим), обычно препубертатного или раннего пубертатного возраста» (F65.4).

В раннем детстве, когда происходит становление контактов с окружающими людьми, возникает формирование отношения к собственному влечению, осознание своих потребностей, а также к объекту влечения – противоположному полу. Дисфункция данных областей и становится отправной точкой в развитии аномального сексуального влечения в форме педофилии. Для лиц с расстройством влечения в форме педофилии характерны выраженная

феминность, нарушение в половозрастном самосознании и фазности полоролевого развития, склонность к идентификации с сексуальным объектом (Языков С.А., 2011).

Для всех лиц, имеющих аномальное сексуальное влечение в форме педофилии, характерно нарушение гендерной идентичности и понимание своей гендерной роли. Кроме этого, у них наблюдаются нарушение восприятия гендерных стереотипов поведения, что влияет на формирование личностных характеристик. Ярко выражено отсутствие понимания маскулинных и фемининных моделей поведения, из-за чего можно предположить, что эталоны поведения, присущие обоим полам, не были усвоены в процессе развития. Несформированность общепринятых представлений о поведении и присущих женскому и мужскому полу чертах влияет на выбор сексуального партнера в будущем.

Объектом исследования являются лица с расстройством сексуального влечения в форме педофилии и образ женщины у них.

Предметом исследования является восприятие образа женщины у мужчин с расстройством влечения в форме педофилии.

Целью исследования является описать образ женщины в представлении мужчин с аномальным сексуальным влечением в отношении несовершеннолетних.

Гипотезы:

1. У педофилов, которые совершают насильственные действия сексуального характера, образ женщины приближен к нормативному.

2. У педофилов, которые совершают ненасильственные действия сексуального характера в отношении детей, образ женщины отличен от нормативного.

Методы исследования:

1. Теоретический (анализ литературных источников);

2. Эмпирический (психодиагностический метод);

3. Метод статистической обработки полученных данных.

Выборка состояла из 35 испытуемых мужского пола в возрасте от 20 до 63 (средний возраст по выборке – 38,3). Все лица являются обвиняемыми в действиях противоправного сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Данные о совершенных деяниях, а также о самих обвиняемых и результаты проведенных психолого-сексолого-психиатрических экспертиз были получены из архивов Федерального государственного бюджетного учреждения «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского». Годы сбора данных: 2012 – 2013 гг.

Методиками исследования выступили: Методика МиФ (Маскулинность и фемининность) – модификация методики базируется на перечне маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т. Л. Бессоновой (1994), которая основывалась на концепции андрогинии S. Bem (1974); Методика ЦТО (Цветовой тест отношений) (А. М. Эткинд, В. В. Столин) (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2001).

Опираясь на полученные результаты, мы можем сказать, что в выборке преобладает фемининный тип полоролевой идентичности («Я реальное»), однако образ мужчины характеризуется преобладанием маскулинных черт над фемининными и соответствует полоролевым предпочтениям (близость «Я-идеального» и «Образ мужчины»), образ женщины характеризуется выраженными фемининными чертами и согласуется с сексуальными предпочтениями (близость «Образ женщины» и «Реальный сексуальный партнер»). «Образ Я» соотносится с «Мужчины считают, что Я...» что может отражать значимость для образа «Я» оценок мужской референтной группы.

При анализе результатов мы выявили отсутствие статистически значимых различий по показателям соответствия представлений о женщине (показатели фемининность и маскулинность) у агрессивных и неагрессивных испытуемых.

Для выявления различий использовался непараметрический критерий Манна-Уитни. По результатам можно увидеть, что показатель маскулинности в образе женщины у испытуемых, совершивших действия агрессивного характера, и у испытуемых, совершивших действия неагрессивного характера, имеет почти равное значение, т.е. отсутствует какая-либо связь между характером действий и восприятием образа женщины, отличного от нормы. У испытуемых, совершивших ненасильственные действия, подразумевающие отсутствие изнасилования, применение силы и неагрессивное поведение, восприятие образа женщины не отличается от общепринятой нормы.

Также было выявлено, что показатель фемининности в образе женщины у испытуемых, совершающих действия агрессивного характера, и у испытуемых, совершающих действия неагрессивного характера, имеет почти равное значение, т. е. отсутствует связь между действиями, к которым прибегли испытуемые, и восприятием образа женщины. У испытуемого, совершившего насильственные действия, подразумевающие изнасилование, применение силы и агрессивное поведение, образ женщины не приближен к нормативному.

Обобщая полученные результаты, мы видим, что отсутствует какая-либо связь между характером действий и воспринимаемым образом женщины у педофилов.

Данного рода исследования позволяют нам углубиться в изучение проблемы, а полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего

изучения особенностей полоролевой идентичности и их связи с характером действий, расширения теоретической и исследовательской базы данных.

Литература

1. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [Электронный ресурс] // МКБ 10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. – URL: <http://mkb-10.com/> (дата обращения: 05.05.2022).
2. Ткаченко А.А. Судебная сексология / А.А. Ткаченко, Г.Е. Введенский, Н.В. Дворянчиков. – М.: Медицина, 2001. – 560 с.
3. Языков С.А. Психологические факторы развития педофилии [Электронный ресурс] // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. – М.: МГППУ, 2011. – С. 131–135. – URL: https://psyjournals.ru/icjp_2011/issue/41819_full.shtml (дата обращения: 23.04.2022).

Классификация бодимодификаций

Жаркова Е.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Актуальность статьи состоит в необходимости расширения изучения такой проблемы как искусственное изменение тела – бодимодификации. Следует обратить внимание на повышение интереса к данной проблеме: на портале «eLIBRARY.ru» число публикаций, посвящённых данной теме, выросло с 2 до 160 за последние 14 лет.

Несмотря на свою долгую историю и разнообразие видов, бодимодификации как феномен недостаточно изучены. Различные варианты модификаций существовали уже в примитивных культурах Homo sapiens (около 50000-20000 лет до н.э.) (Раш Дж. Э., 2011).

В современной научной литературе явление модификации тела человека (или бодимодификации) представляет интерес для научного сообщества, в контексте аутоагрессивного и самоповреждающего поведения и имеет несколько трактовок.

По мнению Вороновой А.В., бодимодификация это «видоизменение, преобразование, модификация тела, с целью его украшения путем нанесения

различных художественных повреждений, либо улучшения его возможностей» (Воронова А.В., 2012).

Галкина Е.А. и Дегтярёв А.В. бодимодификацией тела называют «любые изменения хирургического характера, производимые человеком на собственном теле и без медицинских показаний» (Галкина Е.А., Дегтярёв А.В., 2015).

Гринько И.А. в своих исследованиях анализирует термины, которые применяются для обозначения искусственных изменений тела в российской и зарубежной этнологической литературе, и предлагает новый термин для обозначения этого понятия — соматические модификации (от греч. сома — тело), определяя их как «преднамеренные нарушения целостности или изменения формы органов человеческого тела, проводимые в рамках ритуальной практики или эстетических норм и обусловленные социокультурной системой» (Гринько И.А., 2009).

Польская Н.А. определяет бодимодификацию как «искусственное изменение тела, осуществляемое по эстетическим, социально-идентификационным, религиозным или психологическим мотивам» (Польская Н.А., 2007).

Теоретик психиатрии Ворошилин С.И. разделил все искусственные изменения тела на две большие подгруппы (Ворошилин С.И., 2012).

1. Модификации без повреждения тела (обратимые) – раскраска тела, ношение украшений, манипуляции с волосами (стрижки, прически, окрашивание), манипуляции с ногтями, ограниченная татуировка и минимальный пирсинг;

2. Модификации, характеризующиеся заметными необратимыми изменениями и причинением боли. Примерами таких бодимодификаций можно назвать пирсинг, скарификация (шрамирование), тоннели, микродермалы, имплантации, добровольные ампутации частей тела т.д.

Как отмечалось выше, все виды бодимодификаций (татуирование, шрамирование, пирсинг и др.) имеют богатую историю и заимствованы у разных народов, что способствовало появлению богатого разнообразия видов и форм модификаций тела, которые требуют классификации.

Бондаренко И.В. к модификации тела относит татуирование, пирсинг и шрамирование (Бондаренко И.В., 2013).

Воронова А.В. расширяет число бодимодификаций, добавляя также подвешивание на крюках, вкалывание физраствора в кожу головы, внедрение силиконовых либо металлических имплантов, видоизменение форм ушей, декоративные ампутации, сплит языка, рассечение и дизайнерское оформление половых органов, украшение орнаментом век (Воронова А.В., 2012).

Гринько И.А. разделяет виды бодимодификаций по принадлежности определенным частям тела (Гринько И.А., 2009):

1. Модификации лицевого отдела и черепа (деформации и трепанации);
2. Модификацию корпуса и половых органов;
3. Искусственные изменения конечностей;
4. Модификации кожных покровов.

Описанные выше классификации недостаточно точны; не соответствуют современным данным; не дают подробную и полную информацию об имеющихся видах модификациях тела. Ввиду чего, нами была создана новая классификация бодимодификаций, на основе классификации Ворошилина С.И., основными критериями которой являются наличие (отсутствие) повреждения тела и обратимость (необратимость) последствий.

Бодимодификации могут быть разделены на 2 группы: те, которые осуществляются без повреждения тела и с повреждением тела. К первым относятся: ношение украшений; манипуляции с волосами и ногтями; временная (ограниченная) татуировка. Бодимодификации с повреждением тела могут быть разделены, вслед за Ворошилиным С.И., по критерию обратимости (необратимости), однако с некоторыми изменениями и уточнениями.

В классификации Ворошилина С.И. обратимыми являются только бодимодификации без повреждения тела и минимальный пирсинг. Однако в современном мире, существует множество способов исправления (удаления) бодимодификаций: лазерное удаление татуировок, зашивание туннелей, сшивание сплита языка, удаление силиконовых и металлических имплантов и т.д. Большинство из которых не оставляет после себя видимых следов, иногда – косметические шрамы.

Особого внимания требует такая характеристика группы необратимых бодимодификаций, выделенных Ворошилиным С.И., как боль. Осуществление бодимодификации, по желанию человека, может осуществляться с применением обезболивающих препаратов; некоторые бодимодификации (например, пирсинг, изменение формы зубов) осуществляются без болевых ощущений.

Так же, было расширено представление об «обратимости». В данной классификации обратимость – это свойство бодимодификаций, определяющее возможность их удаления с помощью хирургического вмешательства, или осуществления манипуляций специалиста по бодимодификациям, или иного специалиста, или без помощи таковых с минимальными или отсутствующими последствиями. В связи с этими, к группе необратимых бодимодификаций были отнесены только такие из них, которые невозможно удалить или возможно удалить со значительными изменениями или последствиями.

Таким образом, классификация бодимодификаций выглядит следующим образом:

1. Без повреждения тела

- 1.1. Ношение украшений;
- 1.2. Манипуляции с волосами;
- 1.3. Манипуляции с ногтями;
- 1.4. Временная (ограниченная) татуировка;

2. С повреждением тела:

2.1. Обратимые:

- 2.1.1. Пирсинг;
- 2.1.2. Подвешивание на крюках;

2.2. Осуществляемые мастером по бодимодификациям:

- 2.2.1. Туннели (в ушках, щеках, носу, губах);
- 2.2.2. Сплит языка;
- 2.2.3. Татуировки;
- 2.2.4. Шрамирование;
- 2.2.5. Вживление силиконовых и металлических имплантов;

2.3. Осуществляемы врачом-хирургом:

- 2.3.1. Деформация зубов и их удаление;
- 2.3.2. Видоизменение форм ушей;
- 2.3.3. Рассечение и дизайнерское оформление половых органов;
- 2.3.4. Изменение формы черепа (введение физраствора);
- 2.3.5. Пластические операции (без показания врача);

2.4. Необратимые:

- 2.4.1. Татуирование белков глаз;
- 2.4.2. Ампутация конечностей или их частей;
- 2.4.3. Деформирование стоп;
- 2.4.4. Удаление сосков;
- 2.4.5. Ампутация ушей.

Литература

1. Бондаренко И.В. Самореализация представителей молодежных субкультур посредством оформления внешности: дис... кандидата психолог. наук. – М., 2013. – 211 с.
2. Воронова А.В. Модификация как молодежная субкультура // Социально-гуманитарное знание: история и современность: матер. всероссийск. научн.-практ. конфер. с междунар. участ., Мурманск, 14–17 мая 2012 г. – Мурманск: Мурман. гос. тех. ун-т, 2012. – С. 109–111.

3. Ворошилин С.И. Самоповреждения и влечения к модификации тела как парциальные нарушения инстинкта самосохранения // Суицидология. –2012. – Том 3. – № 4. – С. 40–51.
4. Галкина Е.А. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела / Е.А. Галкина, А.В. Дегтярев // Психология и право. – 2015. – Том 5. – № 1. – С. 90–107.
5. Гринько И.А. Соматические модификации: к вопросу о терминологии и атрибуции // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2009. – №3. – С. 81–87.
6. Польская Н.А. Взаимосвязь склонности к модификациям тела с копинг-стратегиями // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 43–53.
7. Раш Дж.Э. История культуры татуировок, скарификации, клеймения и вживления имплантов / Дж.Э. Раш – СПб.: Весь, 2011. – 192 с.

Специфика ценностных ориентаций и девиантного поведения наркозависимой личности

Завалихина Я.А.

Московский государственный психолого – педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И. Н.

Злоупотребление наркотическими и токсическими средствами относится к разряду серьезных социальных проблем. Ценностные ориентации как элементы внутренней структуры личности человека сформированы и закреплены опытом индивида в процессе социальной адаптации. Поэтому они занимают одно из самых значимых мест в процессе развития человека и являются регулятором его поведения в социуме.

Справедливо отметить, что на сегодняшний день недостаточно изучены социально-психологические аспекты образа жизни, особенности девиантного поведения наркозависимых, представляющих специфическую социальную группу, для которой характерна особая система ценностей, отношений и взаимоотношений. Поведение наркозависимой личности попадает под несколько типичных критериев проявления девиантного поведения. С каждым годом статистика употребления наркотиков растет и вместе с ней растет рост преступности и правонарушений со стороны наркозависимых, поэтому данная тема является актуальной.

Основное количество преступлений совершается молодыми наркозависимыми людьми в возрасте до 30 лет. Конфликт с законом возникает уже по одной причине – хранение наркотиков. Следующим шагом становится добывание денег для приобретения наркотической дозы. Как правило, это вынужденное преступное поведение, обусловленное наркоманией как болезнью. Ведь наркозависимый находится в физической зависимости и для того, чтобы избежать абстинентного синдрома, должен ежедневно получать наркотик. Как показывает практика, в последние годы происходит увеличение числа противоправных действий, совершаемых потребителями наркотиков. Лица, находящиеся в наркотической зависимости, постоянно нуждаются в крупных суммах денег, необходимых для приобретения или изготовления наркотических средств. Чаще всего такими лицами совершаются преступления против собственности: кражи, грабежи, разбои. Указанные посягательства опасны не только своей распространенностью и степенью причиняемого ущерба, но и тем, что часто служат поводом к совершению других более тяжких преступлений, таких как умышленное убийство, причинение тяжкого вреда здоровью.

В современных исследованиях, направленных на изучение поведения наркозависимой личности, значительное место уделяется анализу социально-психологических факторов. Грузд Л.В. изучала ценностные ориентации наркозависимой личности (Грузд Л. В., 2004), Рагозинская Е. В. описывала психологический портрет наркозависимого преступника (Рагозинская Е. В., 2017). Радионова М.С. и Вальцева И.М. представили исследование особенностей эмоциональной и когнитивной составляющих «Я-концепции» у больных наркоманией (Радионова М. С., Вальцева И. М., 2004).

Стоит отметить работу Зайцева Р.И., который описывал личность осужденного наркозависимого, а также работы Шишкевича В.Е., Куприянчик Т.В., Арской М.А., Ермакиной Н.А.

Принимая во внимание всё вышесказанное, была сформулирована цель нашего исследования - выявление особенностей ценностных ориентаций и противоправных действий наркозависимых.

В рамках эмпирического исследования были применены следующие методы: Ценностный опросник (ЦО) Ш. Шварца, «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной, авторская анкета, Тест правового и гражданского сознания Л.А. Ясюковой.

Выборку составили 51 человек, возраст от 18 до 35 лет, мужчины и женщины, имеющие наркотическую зависимость от 3 до 10 лет, только прибывшие на реабилитацию в реабилитационный центр.

С целью изучения ценностных ориентаций наркозависимых мы использовали опросник ценностных ориентаций Шварца.

Результаты, полученные по методике Шварца, показали, что ведущими ценностными ориентациями наркозависимых являются: гедонизм (35,6), самостоятельность (18,6), безопасность (17,2) и власть (15,4). Наименьшее среднее значение можно увидеть на следующих ценностных ориентациях: доброта (3,2), традиции (3,8) и достижения (3,9).

Также для изучения ценностных ориентаций наркозависимых мы использовали «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной.

Результаты методики показывают, что ведущими ценностными ориентациями являются: материальное положение (37 баллов) и сохранение индивидуальности (17,5 баллов), наименьшие баллы имеют ценности: духовное удовлетворение (6,5 баллов), собственный престиж (12 баллов), социальные контакты (11,5 баллов).

Для изучения уровня правового сознания мы использовали тест правового и гражданского сознания Л.А. Ясюковой.

Анализ результатов показал, что ведущим уровнем правового и гражданского сознания является «Основы правосознания заложены» (54%).

С каждым респондентом была проведена авторская анкета, которая включала в себя вопросы, связанные с изучением прошлого опыта противоправных действий. Результаты анкетирования показали, что в период употребления совершали кражи (100%), нарушение ПДД (24%), драки и разбои (17%), причинение вреда чужому имуществу (48%), убийство (2%), занимались продажей и распространением наркотиков (65%), мошенничеством (33%).

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Ведущими ценностными ориентациями наркозависимой личности являются: гедонизм, самостоятельность, материальное положение и сохранение индивидуальности.
2. У большинства респондентов заложены основы правосознания.
3. Ведущими противоправными действиями наркозависимого в период употребления являлись: кражи, продажа и распространение наркотиков, причинение вреда чужому имуществу.

Данная работа расширяет и углубляет имеющиеся представления о ценностных ориентациях и противоправных действиях наркозависимых. Данная тема нуждается в проработке вопросов взаимосвязи ценностных ориентаций с противоправными действиями наркозависимых.

Литература

1. Грузд Л.В. Ценностные ориентации наркозависимой личности: автореф. дис... канд. психол. наук. – Казань, 2004. – 23 с.

2. Рагозинская В.Г. Психологический портрет наркозависимого преступника // Наука и социум: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 30 января 2017 года / Отв. ред. Е.Л. Сорокина. – Новосибирск: Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы, 2017. – С. 120–122.
3. Радионова М.С. Особенности «Я-концепции» наркозависимых / М.С. Радионова, И.М. Вяльцева // Психологическая наука и образование. – 2004. – Том 9. – № 1. – С. 28–41.

Роль эмоционального интеллекта в формировании эмоциональных привязанностей у лиц, страдающих наркотической зависимостью

Иванова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Калашикова А.С.

Актуальность исследования обусловлена неугасающей проблемой наркомании в России. Программы лечения и реабилитации малоэффективны, поскольку по-прежнему высок процент рецидивов. Эмоциональный интеллект и эмоциональная привязанность, как психологические характеристики личности, подвержены негативному влиянию, которые оказывают наркотики на все сферы жизни зависимого лица (Плешко В.И., 2018а, 2018б). Более глубокое понимание особенностей эмоционального интеллекта наркозависимых и их привязанностей позволит сделать программы лечения и реабилитации более эффективными.

Целью настоящего исследования явилось исследование роли эмоционального интеллекта в формировании эмоциональной привязанности у лиц, страдающих наркотической зависимостью.

В исследовании приняли участие 15 лиц мужского пола в возрасте от 30 до 50 лет (ср. возраст – 40,8 лет), проходивших лечение в Национальном научном центре наркологии – филиале ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России с диагнозом F11 «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением опиоидов» по МКБ-11 (основная группа) и 20 лиц мужского пола в возрасте от 30 до 50 лет (ср. возраст – 39,2 лет), никогда не употреблявших наркотические средства (контрольная группа). Исключающим критерием из участия в исследовании было наличие иных психических заболеваний.

Со всеми участниками исследования было проведено структурированное интервью, направленное на установление контакта и получение анамнестической информации. Также респондентам было предложено ответить на вопросы четырех тестовых методик: на эмоциональный интеллект – Тест эмоционального интеллекта Холла, методика распознавания эмоций Пола Экмана; на особенности эмоциональных привязанностей – методика Рене Жилия и Социограмма.

Полученные данные были обработаны в программе SPSS 16.0 с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена и U-критерия Манна-Уитни.

Были получены следующие **результаты**:

1. В сфере эмоционального интеллекта:

У наркозависимых лиц были обнаружены значимые положительные корреляции между «эмоциональной осведомленностью» и «эмпатией» ($p=0,024$), «контролем над своими эмоциями» и «самотивацией» ($p=0,015$), «контролем над своими чувствами» и «эмпатией» ($p=0,041$), «самотивацией» и «эмпатией» ($p=0,004$), «самотивацией» и «контролем над эмоциями других» ($p=0,012$), а также «эмпатией» и «контролем над эмоциями других» ($p=0,004$).

Полученные данные означают, что в эмоциональном интеллекте наркозависимых лиц практически все аспекты эмоционального интеллекта связаны между собой, за исключением «эмоциональной осведомленности», т.е. способности осознавать эмоции, их различные грани и понимать причины их появления. Исключение такого важного компонента из общей картины связей позволяет предполагать упрощенное отношение к эмоциональной сфере у лиц, принимающих наркотические вещества, неспособности различать слабовыраженные эмоции других людей и практически полное игнорирование собственных эмоций до того момента, пока они не станут достаточно сильны.

В то же время у лиц из нормотипичной выборки было выявлено, что «эмоциональная осведомленность» связана с «самотивацией» ($p=0,007$), «эмпатией» ($p=0,003$), а также «контролем над эмоциями других людей» ($p=0,001$), в то время как других корреляций между этими параметрами найдено не было. Другими словами, у условно здоровых респондентов «эмоциональная осведомленность» является центральным аспектом эмоционального интеллекта, который связан с тремя другими не связанными между собой шкалами, а контроль над собственными эмоциями стоит особняком от этой схемы.

Эти данные позволяют говорить о том, что условно здоровые лица склонны воспринимать эмоции скорее через их осознание на основе собственной эмоциональной модели, нежели интуитивно. Они не стараются почувствовать,

что испытывает другой человек или они сами, а стараются рационализировать процесс, задумываясь, что в такой ситуации должны чувствовать люди.

Также у наркозависимых лиц в сравнении с условно здоровыми респондентами были выявлены различия по шкалам «эмоциональная осведомленность» ($p=0,039$), «эмпатия» ($p=0,000$), «контроль над эмоциями других людей» ($p=0,001$) и «общий уровень эмоционального интеллекта» ($p=0,002$).

Это позволяет сделать вывод, что наркозависимые лица, упрощающие многогранность эмоциональных проявлений, считают себя хорошими знатоками эмоций, более эмпатичными и приятными в эмоциональном аспекте людьми, тем самым сильно переоценивая свои реальные способности. В то же время респонденты из нормотипичной выборки, имеющие склонность рационализировать эмоции, оценивают себя слишком строго, занижая собственные возможности в эмоциональной сфере.

2. В сфере эмоциональных привязанностей:

У наркозависимых лиц не было выявлено значимых корреляций между шкалами эмоционального интеллекта и уровнем привязанности с окружением. Это позволяет говорить, что они не склонны задействовать свои эмоциональные способности при установлении привязанностей с окружающими.

При этом в группе здоровых респондентов было обнаружено множество как положительных, например, корреляции между «эмоциональной осведомленностью» и «привязанностью к друзьям» ($p=0,040$), «самотивацией» и «привязанностью к друзьям» ($p=0,041$), так и отрицательных корреляций, например между «эмоциональной осведомленностью» и «привязанностью к отцу» ($p=0,045$), «контролем над эмоциями других людей» и «привязанностям к матери» ($p=0,015$) и т.д.

Данные сведения свидетельствуют о том, что здоровые респонденты склонны использовать свои способности в сфере эмоционального интеллекта для установления привязанностей. Высокие показатели эмоционального интеллекта положительно сказываются на установлении дружеских и рабочих контактов, однако разрушают привязанности семейные.

Таким образом, можно сделать **вывод**, что наркозависимые лица склонны переоценивать свои способности в сфере эмоционального интеллекта из-за упрощения эмоциональных переживаний, как собственных, так и других людей. Несмотря на тот факт, что они считают себя очень эмпатичными, они не склонны использовать свои способности в области эмоционального интеллекта для установления привязанностей с людьми. В то же время группа условно здоровых респондентов склонна недооценивать свои эмоциональные способности, поскольку часто рационализирует их, пытаясь, скорее, рассчитать

эмоциональные проявления, чем почувствовать. Высокий эмоциональный интеллект в этой группе положительно сказывается на установлении дружеских привязанностей, но отрицательно на семейных.

В заключение хотелось бы отметить, что роль эмоционального интеллекта в установлении эмоциональных привязанностей различается для групп наркозависимых и условно здоровых респондентов. Полученные данные можно использовать для улучшения существующих и разработки качественно новых программ реабилитации наркозависимых.

Литература

1. Плешко В.И. Динамика эмоционально-волевой сферы больных алкоголизмом и наркоманией в процессе терциарной социализации [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018а. – №1. – С 81–84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-emotsionalno-volevoy-sfery-bolnyh-alkogolizmom-i-narkomaniey-v-protssesse-tertsiarnoy-sotsializatsii> (дата обращения: 09.04.2022).
2. Плешко В.И. Динамика эмоционального интеллекта у больных алкоголизмом и наркоманией в процессе терциарной социализации [Электронный ресурс] // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2018б. – Том 28. – №3. – С. 313–317. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-emotsionalnogo-intellekta-u-bolnyh-alkogolizmom-i-narkomaniey-v-protssesse-tertsiarnoy-sotsializatsii> (дата обращения: 09.04.2022).

Личностные особенности подростков, подвергавшихся кибербуллингу

Иванова К.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Актуальность темы обуславливается тем, что по всему миру явление интернет-травли не только широко распространено, но и является практически ненаказуемым преступлением. В нашем исследовании предпринята попытка исследования личностных особенностей подростков, подвергавшихся кибербуллингу. Статистические данные и исследования показывают, что

эффективных методов борьбы с кибербуллингом пока не найдено и с каждым годом ситуация только усугубляется

Так, П.К. Смит с соавторами, основываясь на трудах Б. Белси, утверждали, что кибербуллинг является отдельным видом травли, «определяемым как преднамеренные агрессивные действия, осуществляемые неоднократно, группой или индивидуально с помощью электронных форм взаимодействия против жертвы, которая не может себя легко защитить (чаще с помощью смартфона или сети Интернет)» (Smith P. K, 2008).

В отличие от традиционной травли, кибербуллинг имеет анонимный характер, характеризуется дистанцированностью, и может осуществляться в любом месте, независимо от характера нападков, кибербуллинг намного сложнее сдерживать и контролировать.

Опираясь на теоретические аспекты исследований, связанных с особенностями кибервиктимной личности, было установлено, что существует несколько факторов, которые могут повысить риск ребенка стать жертвой этого явления. Среди них: частые и длительные контакты с незнакомыми в Интернете, использование непроверенных сайтов, увеличение времени пребывания ребенка в Интернете, отвержение ребенка со стороны родителей или сверстников, нарушение психики ребенка. Также многие авторы отмечают, что жертвы кибербуллинга могут легко перейти в категорию агрессоров, а наблюдатель стать преследователем, присоединившись к травле. Дети и подростки в силу своих возрастных особенностей психики, социальных ролей, места в системе социальных отношений, положения, которое они занимают в семье, наиболее уязвимы к такого рода травле (Bastiaensens S., 2014.).

Все вышесказанное определило цель исследования - выявление личностных особенностей подростков, подвергавшихся кибербуллингу.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что подростки, подвергавшиеся кибербуллингу, характеризуются чертами демонстративного или психастенического типа личности, а также обладают такими характерными личностными особенностями, как повышенная тревожность, неуверенность в себе, низкий уровень самоконтроля и коммуникативных способностей.

В исследовании приняли участие 112 человек: 76 девочек и 36 мальчиков. Возраст участников варьировался от 12 до 16 лет (средний возраст – 13,5 лет). Разделение на группы по критерию подверженности кибербуллингу проходило в соответствии с предложенной специально разработанной анкетой. Таким образом, 41 подросток был включен в контрольную группу (не подвергавшихся кибербуллингу) и 64 подростка составили экспериментальную группу (подвергавшихся кибербуллингу).

Для изучаемых в исследовании факторов были использованы методики: 1) Анкета - факт подверженности влиянию кибербуллинга выявлялся путем проведения специально разработанной анкеты; 2) Методика многофакторного исследования личности Кэттелла/Подростковый вариант; 3) Стандартизированный многофакторный метод исследования личности/Мини-СМИЛ.

Результаты сравнительного анализа показали значимые различия между контрольной и экспериментальной группой. Так, по результатам методики многофакторного исследования личности Кэттелла статистически значимые различия по фактору «F» «осторожность-легкомыслие» ($U = 0,048$, при $p < 0,05$), что означает, что подростки из проблемной группы наивны, импульсивны, активны, разговорчивы, обладают непосредственностью в проявлении эмоциональных реакций.

Также были выявлены значимые различия по Шкале «J» ($U = 0,003$, при $p < 0,05$), что означает, что подростки, подвергавшиеся кибербуллингу, более интроспективны, в общественной деятельности имеют низкую эффективность, чаще всего такие дети имеют проблемы в установлении контактов, тревожны, осторожны.

По данным сравнительного анализа результатов, полученных по методике Мини-СМИЛ, значимые различия были получены по шкале «соматической тревоги» - ($U = 0,004$, при $p < 0,05$), что означает, что испытуемые, подвергавшиеся кибербуллингу, неторопливы, пассивны, принимают все на веру, покорны власти, медленно приспосабливаются, плохо переносят смену обстановки, легко теряют равновесие в социальных конфликтах. Также, значимые различия были обнаружены по шкале «Психопатия» (Pd), ($U = 0,015$, при $p < 0,05$) говорят о возможной социальной дезадаптации, которая может проявляться у респондентов в форме агрессивности, конфликтности, пренебрежении социальными нормами и ценностями у представителей проблемной группы. Их поведение плохо предсказуемо, они проявляют неумение планировать свои поступки и пренебрегают их последствиями. Различия по шкале 6 - «Паранойяльность» (Pa), $U = 0,001$, при $p < 0,05$, что означает, что подвергавшиеся кибербуллингу подростки характеризуются следующими личностными особенностями: односторонние, подозрительные, обидчивые, агрессивные и несколько злопамятные. Различия по фактору 7 - шкала «Психастения» (Pt) - ($U = 0,039$, при $p < 0,05$), респонденты из экспериментальной группы обладают тревожностью, боязливостью, испытывают частые сомнения в принятии решений, что характеризует их как обладателей тревожно-мнительного типа личности.

Таким образом, наша гипотеза о том, что подростки, подвергавшиеся кибербуллингу, характеризуются чертами демонстративного или психастенического типа личности, а также обладают такими характерными личностными особенностями, как повышенная тревожность, неуверенность в себе, низкий уровень самоконтроля и коммуникативных способностей частично подтвердилась благодаря полученным результатам.

Однако стоит отметить, что тема заслуживает дальнейшей разработки и изучения, поскольку нуждается в большей выборке респондентов и подтверждении полученных результатов другими психодиагностическими методиками.

Полученные данные могут послужить основой для разработки психопрофилактических программ, направленных на работу с подростками, обладающими факторами риска кибервиктимизации.

Литература

1. Cyberbullying on social network sites. An experimental study into bystanders' behavioural intentions to help the victim or reinforce the bully / S. Bastiaensens [et al.] // *Computers in Human Behavior*. – 2014. – Vol. 31. – P. 259–271. – doi: 10.1016/j.chb.2013.10.036.

2. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils / P.K. Smith [et al.] // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2008. – № 49(4). – P. 376–385. – doi: 10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x.

Организация сопровождения дистанционного обучения подростков с девиантным поведением в период вынужденной изоляции

Калинов И.А.

Московский городской психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Тема поддержки и психологического сопровождения подростков всегда остро стояла перед психологами в образовательных учреждениях. Сложность подросткового возраста и становление личности нередко ведут к проявлению девиаций. В марте 2020 года учебные учреждения перешли на дистанционный формат обучения и длительное нахождение в условиях вынужденной изоляции

стало настоящим испытанием как для учителей, так и для учеников. Изменился формат общения, что не могло не отразиться на личностном развитии подростков и коммуникации между всеми участниками образовательного процесса. Невозможность очного контроля поведения и своевременного принятия мер по предотвращению и коррекции девиантного поведения в привычном формате вынудила искать приемы, способы диагностики и проведения профилактической работы, а также подбирать методики, позволяющие в удаленном формате отслеживать проявления индивидуально-психологических особенностей подростков с девиантным поведением.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью темы выявления индивидуально-психологических особенностей подростков (агрессивность, тревожность, психоэмоциональное состояние) с девиантным поведением в условиях вынужденной социальной изоляции. В статье представлено исследование и описание организации психологического сопровождения дистанционного обучения, а также комплекс психодиагностических методик для выявления индивидуально-психологических особенностей подростков с девиантным поведением в условиях вынужденной самоизоляции. **Гипотеза 1:** предполагается, что в ходе исследования учащихся 7-8-х классов образовательного комплекса будут выявлены подростки с девиантным поведением. **Гипотеза 2:** можно предположить, что показатели индивидуально-психологических особенностей подростков с девиантным поведением, такие как агрессивность, тревожность, психоэмоциональное состояние будут различаться в период очного обучения и в период дистанционного обучения. Предполагается, что показатели агрессивности в период вынужденной изоляции будут ниже, чем в период очного обучения. Показатели тревожности в период вынужденной изоляции будут выше, чем в период очного обучения

Изучение влияния самоизоляции и дистанционного обучения на личность подростков, на их психическое развитие и состояние вызывает интерес для исследования. Выявленные тенденции могут быть использованы практическими психологами в условиях школьного взаимодействия в рамках удаленного сопровождения.

Литература

1. Битянова М.Р. Работа с ребенком в образовательной среде: решение задач и проблем развития: научно-методическое пособие для психологов и педагогов [Электронный ресурс] / М.Р. Битянова // Педагогическая библиотека. – М.: МГППУ, 2006. – 96 с. – URL: http://pedlib.ru/Books/3/0073/3_0073-1.shtml (дата обращения: 24.04.2021).

2. Власенко А.И. Психологические изменения состояния личности в депривационных условиях режима самоизоляции // Психолого-педагогические исследования. – 2020. – Том 12. – № 4. – С. 88–103 – doi: 10.17759/psyedu.2020120406.
3. Гаязова Л.А. Особенности запросов на дистанционную психологическую помощь в период самоизоляции (COVID-19) / Л.А. Гаязова, О.В. Вихристюк // Вестник практической психологии образования. – 2020. – Том 17. – № 2. – С. 78–88. – doi: 10.17759/bpre.2020170210.
4. Забродин Ю.М. Концепция и организационно-структурные модели психологической службы образования / Ю.М. Забродин, Е.И. Метелькова, В.В. Рубцов // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2016. – Том 8. – № 3. – С. 1–15. – doi: 10.17759/psyedu.2016080301.
5. Трушин А. Дистант лишает нас приватности. Школы и вузы не выдерживают испытания пандемией COVID-19 [Электронный ресурс] // Огонёк // Коммерсантъ. – 2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4557917> (дата обращения: 24.04.2021).

Психологические аспекты виктимного поведения жертв обмана (телефонных) мошенников

Колодкина Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва).

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В структуре имущественной собственности мошенничество является одним из наиболее серьёзных корыстных преступлений. В последние годы наблюдается рост числа преступлений данного характера, усложняются способы мошенничества. По данным Генпрокуратуры, начиная с января 2019 года в России сохраняется устойчивая тенденция к увеличению различного рода мошенничеств.

В настоящее время из-за пандемии в России зафиксирована новая «волна» телефонного мошенничества. Согласно статистике Генпрокуратуры, в России в период самоизоляции число дел о телефонном и интернет-мошенничестве выросло на 76%.

В России уголовно-правовые характеристики мошенничества рассматривались в исследованиях таких авторов, как Григорьева Л. В. (Григорьева Л. В., 1999), Ларичев В.Д. (Ларичев В. Д., 1998), Яни П. С.

(Яни П. С., 2017) и др. Научные исследования Ривмана Д. В. (Ривман Д. В., 2002), Франка Л. В. (Франк Л. В., 1972), Полубинского В. И. (Полубинский В. И., 1985) и др. оказали большое влияние на развитие виктимологии и криминологии. Вместе с тем, в работах исследователей, занимавшихся изучением виктимологии, вопросы, связанные с виктимологическими характеристиками мошенничества (в частности, с такой категорией, как телефонное мошенничество), почти не изучались.

Понимание психологических аспектов виктимного поведения жертвы в ситуации мошенничества является важным условием при разработке мер профилактики виктимного поведения.

В действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации мошенничество определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ).

Происходит трансформация видов мошенничества, появляются новые схемы совершения данного вида преступлений. Мошенники активно используют различные интернет-ресурсы, IP-телефонию, временные виртуальные номера телефонов, динамические IP-адреса, зарубежные мессенджеры, такие как Skype, What'sApp, Telegram, зашифрованные схемы передачи информации, что значительно затрудняет раскрытие правоохранительными органами данного вида преступлений. Изучение поведения жертвы (виктимного поведения) в механизме совершения преступлений является важной составляющей расследования уголовных дел.

В нашем исследовании виктимное поведение рассматривается в соответствии с определением Л. В. Франка как потенциальная или реализованная в ситуации преступления «предрасположенность», способность при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления; это неспособность избежать опасности там, где объективно её можно было предотвратить (Франк Л. В., 1972). Виктимность выступает в роли движущей силы, запускающей процесс виктимизации. Мы установили, что под факторами виктимизации рассматривается совокупность обстоятельств в жизни как отдельных людей, так и общества в целом, детерминирующих либо способствующих процессу превращения личности в жертву преступления (Смирнов А. М., 2016). Так, на возможность стать жертвой мошенничества влияют как объективные признаки (социальный статус, социальное и семейное положение, уровень образования и т.д.), так и психологические характеристики (чрезмерная доверчивость, легкомысленность, наивность, суеверность, внушаемость, низкий уровень волевой регуляции, особенности мотивации и т.д.) (Камко А. С., 2016). С позиции виктимологии механизм взаимодействия между

жертвой и преступником представляет собой форму проявления виктимогенных личностных и виктимогенных ситуационных факторов (Ахмедшина Н. В., 2016). При этом, согласно принципу детерминизма С. Л. Рубинштейна, внешние причины действуют через внутренние условия так, что эффект действия зависит от внутренних свойств объекта. Таким образом, именно с внутренними, психологическими факторами связано главным образом возникновение виктимного поведения. Мы установили, что виктимное поведение жертв обмана мошенников обусловлено проявлением виктимности и внутренней природы личности в условиях неконтролируемой ситуации.

По результатам нашего исследования можно сказать, что с телефонным мошенничеством сталкивался каждый. Нами были исследованы формы реализации виктимного поведения, ценностные ориентации и копинг-стратегии у жертв обмана телефонных мошенников и тех, кто не стал жертвой телефонного мошенничества. Самостоятельность как ценность для испытуемых основной группы (жертв) является менее значимой, чем для испытуемых контрольной группы, что может свидетельствовать о том, что жертвы телефонных мошенников более зависимы от мнения и действий других людей, от внешних обстоятельств, чем испытуемые контрольной группы. Для жертв телефонного мошенничества со склонностью к гиперсоциальной форме реализации виктимного поведения более значимыми являются ценности, связанные с благополучием окружающих людей, с терпимостью и пониманием других. Чем выше уровень склонности жертв телефонных мошенников к некритичной форме реализации виктимного поведения (которая характеризуется неосмотрительностью, неумением корректно оценить ситуацию), тем чаще испытуемые предпринимают активные действия по решению проблемы. Это может свидетельствовать о том, что испытуемые нашей основной группы стали жертвами телефонных мошенников ввиду своей неосмотрительности, совершения активных действий без предварительного анализа ситуации. Полученные результаты также свидетельствуют о том, что жертвы телефонных мошенников реже прибегают к планированию, обдумыванию шагов, необходимых действий для решения проблемы, в отличие от испытуемых контрольной группы.

Таким образом, жертвы обмана телефонных мошенников обладают специфическими психологическими особенностями: преобладанием традиционных, семейных ценностей в системе ценностных ориентаций. Наиболее часто используемым жертвами способом разрешения стрессовых ситуаций является активный копинг – принятие активных шагов, прямых действий, направленных на преодоление стрессовой ситуации. При этом данная категория жертв была также конкретизирована – это жертвы телефонных

мошенников с высоким уровнем склонности к некритичному виктимному поведению.

Литература

1. Ахмедшина Н.В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 172–176. – doi: 10.17223/15617793/413/26.
2. Григорьева Л.В. Уголовная ответственность за мошенничество / Л.В. Григорьева; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Саратов. гос. акад. права. – Саратов: СГАП, 1999. – 116 с.
3. Камко А.С. Виктимологическая профилактика преступлений в сфере безналичного обслуживания в России: состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 6(29). – С. 170–181.
4. Ларичев В.Д. Мошенничество в сфере страхования: предупреждение, выявление, расследование / В.Д. Ларичев. – М.: ФБК-Пресс, 1998. – 158 с.
5. Полубинский В.И. Правовое учение о жертве / В.И. Полубинский. – М.: [б. и.], 1985. – 273 с.
6. Ривман Д.В. Криминальная виктимология: жертвы преступлений. Мошенничество. Хулиганство. Кражи. Разбой / Д.В. Ривман. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
7. Смирнов А.М. Виктимология половой преступности несовершеннолетних: монография / А.М. Смирнов. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 162 с.
8. Франк Л.В. Виктимология и виктимность: учеб. пособие для студентов юрид. фак. / Л.В. Франк; Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Юрид. фак. – Душанбе: [б. и.], 1972. – 111 с.
9. Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. – 2017. – № 2(988). – С. 32–37.

Особенности эмоциональных переживаний у творчески одаренных юношей и молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению

Колоколова Т.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В современном мире несуйцидальное самоповреждающее поведение является актуальной и значимой проблемой, о чём пишут многие авторы: так, например, Польская Н.А. в своей работе «Факторы риска и направления профилактики самоповреждающего поведения подростков» акцентирует внимание на удручающей статистике, а также рассматривает эмоциональную дисрегуляцию как главный фактор риска данного феномена в подростковом возрасте (Польская Н.А., 2018); Бойченко О. В. и Нестеренко О. В. также обращаются к мотивам и выделяют главным из них подростковый кризис.

Под девиантным поведением можно подразумевать не только аномально деструктивное, негативно влияющее на человека и окружающий его мир поведение, но и проявления неординарности, гениальности, героизма, одарённости и талантливости, которые не вписываются в рамки среднестатистических способностей. Нами были изучены подходы к позитивному девиантному поведению; среди прочих авторов важно отметить Рылова Д. А., который среди других форм девиаций выделяет творческую креативность и одарённость как позитивную девиацию (Рылов Д.А., 2019).

Процессы в психоэмоциональном состоянии лиц подросткового и юношеского возраста подразумевают сильные переживания, с чем связана обеспокоенность в аспекте благополучия их состояния в социальной, профессиональной и экономической сферах и наличия тенденций к самоповреждению.

Проведя теоретический анализ литературы, нами было выявлено, что феномен творческой одарённости можно отнести к виду позитивной девиации в соответствии с подходами Рылова Д. А., Змановской Е. В. и Менделевича В. Д.; эмоциональные переживания, такие, как переживание тревоги, одиночества, безнадёжности и субъективного отчуждения могут быть сопутствующими в подростковом возрасте и ранней взрослости и быть предиктором самоповреждающего поведения.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что творческие и одарённые юноши и молодые взрослые имеют более выраженную склонность к самоповреждающему поведению по сравнению с контрольной группой. Для уточнения гипотезы были выдвинуты дополнительные предположения: у творчески одаренных юношей и молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению более выражены эмоциональные переживания субъективного отчуждения, одиночества и тревоги по сравнению с юношами и молодыми взрослыми, не проявляющими творческой одаренности; у творчески одаренных юношей и молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению эмоциональные переживания субъективного отчуждения, одиночества и тревоги не имеют выраженных отличий от юношей и молодых

взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению, не демонстрирующих творческую одаренность. Гипотеза не подтвердилась, однако дополнительные предположения подтвердились частично, поскольку была выявлена большая выраженность эмоционального переживания субъективного отчуждения в сфере семьи среди лиц, условно названных склонными к творческой креативности и одарённости по результатам проведённой диагностики, а также было выявлено, что у творчески одаренных юношей и молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению эмоциональные переживания субъективного отчуждения, одиночества и тревоги не имеют выраженных отличий от юношей и молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению, не демонстрирующих творческую одаренность.

Согласно методике Осина Е.Н. существуют определённые сферы субъективного отчуждения: те сферы, которые подвластны окружению юношей и молодых взрослых, должны располагать к благополучному становлению лиц этого возраста как личностей, во избежание риска суицидального и самоповреждающего поведения (Осин Е.Н., 2007). Результаты, согласно которым творческие юноши и молодые взрослые имеют большую склонность к субъективному отчуждению в сфере семьи, демонстрируют важность создания благоприятной атмосферы для развития личности именно родителям и близким родственникам юношей и молодых взрослых.

В дальнейшем имеет смысл рассмотреть вопрос ощущения безнадёжности и субъективного отчуждения в семье среди юношей и молодых взрослых со склонностью к самоповреждающему поведению и творческой одарённости более подробно: для того, чтобы была возможность сформулировать рекомендации для психологов, педагогов, родителей и окружения таких людей.

Литература

1. Банников Г.С. Потенциальные и актуальные факторы риска развития суицидального поведения подростков (обзор литературы) / Г.С. Банников [и др.] // Суицидология. – 2015. – Том 6. – № 4(21). – С. 21–32.
2. Донцов Д.А. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста / Д.А. Донцов, М.В. Донцова // Образовательные технологии (г. Москва) – 2013. № 2. – С. 34–42.
3. Осин Е.Н. Смыслоутрата и отчуждение / Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев // Культурно-историческая психология. – 2007. – Том 3. – № 4. – С. 68–77. – doi: 10.17759/chp.2007030408.
4. Осин Е.Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: дис... канд. психол. наук. – М., 2007. – 218 с.

5. Польская Н.А. Особенности самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Том 10. – № 1. – С. 92–97.
6. Польская Н.А. Факторы риска и направления профилактики самоповреждающего поведения подростков // Клиническая и специальная психология. – 2018. – Том 7. – № 2. – С. 1–20. – doi: 10.17759/cpse.2018070201.
7. Рылов Д.А. Позитивное девиантное поведение // Modern science. – 2019. – № 4-1. – С. 335–337.

Профилактические возможности арт-терапии в работе психолога с суицидальным поведением у военнослужащих

Литвиненко А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Проблема суицида до сих пор остается одной из самых острых и трудно решаемых задач в России и во всем мире. Самоубийство является одной из основных причин смерти во всем мире: в 2019 году по этой причине зафиксировано более 700 000 смертей. Обратить внимание на эту проблему особенно важно сейчас – после пандемии COVID-19 усилились суицидальные факторы: финансовые трудности, социальная изоляция, потеря работы и, как следствие, страх и неизвестность будущего присутствует в жизни каждого человека (ВОЗ, 2021).

Одной из уязвимых групп населения, с точки зрения риска суицидального поведения, являются военнослужащие. Мужчины в два раза чаще совершают самоубийства, чем женщины, военная служба накладывает специфические трудности: изоляция от близких в период прохождения службы, тяжелые физические нагрузки, строгая дисциплина и режим дня, субординация и личная ответственность за поступки, доступ к оружию облегчает осуществление суицидальных намерений, ПТСР увеличивает риск суицида до 38% (ВОЗ, 2014). Для таких значимых ограничений и непростых условий личности призывника необходима внутренняя готовность и высокая мотивация, что имеется только у 25% опрошенных военнослужащих (Берг Т.Н., 2012). Следовательно, имеется необходимость профилактики суицидального поведения у военнослужащих.

Существует множество взглядов на определение суицида, причин и механизмов его возникновения. В нашем исследовании взято определение А.Г. Амбрумовой, она объясняет суицидальное поведение как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого конфликта. При социально-психологической дезадаптации объективно у индивида меняется поведение: он хуже справляется со своими социальными функциями, чаще возникают конфликты с окружающими. Субъективно происходит сдвиг эмоциональных реакций: от негативно окрашенных переживаний до тяжелых клинически выраженных симптомов (Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., 1980).

Вероятность совершения суицида зависит от соотношения суицидальных и антисуицидальных факторов, которые в совокупности действуют на человека. Б.С. Положий приводит 3 группы детерминантов, которые включаются на разных стадиях суицидального генеза (Положий Б.С., 2010).

«Предрасполагающую» группу составляют биологические факторы: психопатологическая наследственность, наличие родственников, совершивших суицидальные попытки и суицид, особенности медиаторных систем организма и нейроэндокринной регуляции, неблагоприятное раннее развитие, «уязвимый фенотип». В группу «потенцирующих» факторов входят личностно-психологические – высокий уровень импульсивности, аутоагрессии, эмоциональная неустойчивость, низкая стрессоустойчивость, лабильная самооценка. Этнокультуральные – финно-угорские, балтийские и восточно-славянские народы лидируют по показателям самоубийства (Дмитриева Т.Б., Положий Б.С., 2003, 2009). Экономический кризис, нестабильная политическая ситуация, отсутствие работы, эмиграция населения – социальные факторы. Медицинские факторы – психическое расстройство, расстройство личности, расстройства настроения, зависимости. Эти группы факторов действуют в различных сочетаниях и могут активировать процесс суицидального поведения.

«Реализующая» группа факторов – стрессы личной жизни или по-другому критически важные события (микросоциальный конфликт по А.Г. Амбрумовой) приводят к реализации суицидальных намерений. Это личностно-семейные конфликты; состояние физического здоровья; состояние психического здоровья; конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента; конфликты в профессиональной или учебной сфере; материально-бытовые трудности (Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., 1980).

Психолог в профилактике суицидального поведения может работать с личностно-психологическими факторами и оказывать помощь в разрешении микросоциального конфликта, значительно уменьшая вероятность развития суицидального поведения у военнослужащих.

В оценке суицидального риска нужно учитывать и антисуицидальные факторы, удерживающие индивида от суицида – страх смерти, религиозные представления, эмоциональная привязанность, боязнь физической боли, нежелание выглядеть некрасивым после смерти, родительские обязанности, объекты заботы, наличие творческих планов на будущее.

Таким образом, необходима работа по разрешению личностно-значимого конфликта, а также работа по развитию навыков эмоциональной саморегуляции, адекватному восприятию себя, повышению адаптационного потенциала. Наиболее актуальна такая работа в периоды адаптации к новым условиям. Повышению эффективности профилактики суицидального поведения будет способствовать использование психологом средств арт-терапии.

Проявляя себя в искусстве, индивид начинает активно искать себя, раскрываться, направляет свою активность на конструктивную работу (Евсеенкова Е. В., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., 2020). В процессе творческой работы развиваются адаптационные возможности психики, которые находятся в дефиците у лиц с суицидальным поведением. Индивид может безопасно выразить себя через творчество, в процессе работы стабилизируется эмоциональное состояние через выражение своих чувств, мыслей вовне. Важен фактор терапевтических отношений – психолог выступает посредником между индивидом и его творчеством, направляя его в исследовании себя, значимых событий в жизни, взаимоотношений с окружающими, поиска личностного смысла жизни (антисуицидальный фактор). Благодаря этому развиваются ресурсы личности для преодоления микросоциального конфликта (Копытин А.И., 2002).

На основе вышесказанного можно сделать теоретический вывод, что профилактика суицидального поведения среди военнослужащих средствами арт-терапии будет эффективной, повышая адаптационные возможности личности и снижая личностно-психологические факторы суицидального риска.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Диагностика суицидального поведения: метод. рекомендации / М-во здравоохранения РСФСР, [Моск, НИИ психиатрии; сост. А.Г. Амбрумовой, В.А. Тихоненко]. – М.: [б. и.], 1980 – 48 с.
2. Берг Т.Н. Суицидальное поведение военнослужащих (теоретические аспекты): учеб. пособие / Т.Н. Берг – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2012. – 67 с.
3. ВОЗ. Предотвращение самоубийств: глобальный императив [Электронный ресурс] // Geneva: World Health Organization, 2014. – 102 с. – URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/152893/Suicide%20report%20a>

[%20global%20imperative%20\(Rus\).pdf?sequence=3](#) (дата обращения: 25.03.2021).

4. Дмитриева Т.Б. Этнокультуральная психиатрия / Т.Б. Дмитриева, Б.С. Положий. – М.: Медицина, 2003. – 448 с.
5. Евсеенкова Е.В. Развитие эмоциональной саморегуляции подростков средствами арт-терапии в контексте профилактики суицидального поведения / Е.В. Евсеенкова, К.Н. Белогай, Ю.В. Борисенко // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2020. – Том 31. – С. 16–29. – doi: 10.26516/2304-1226.2020.31.16.
6. Копытин А.И. Теория и практика арт-терапии – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
7. Положий Б.С. Интегративная модель суицидального поведения // Российский психиатрический журнал. – 2010. – № 4. – С. 55–62. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnaya-model-suitsidalnogo-povedeniya> (дата обращения: 02.02.2022).
8. Руководство по социальной психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.С. Положего. – 2-е изд. – М.: МИА, 2009. – 544 с.
9. Suicide worldwide in 2019: Global Health Estimates [Электронный ресурс] // Geneva: World Health Organization, 2021. – 28 p. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240026643> (дата обращения: 25.03.2021).

Оценка практик профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних

Лой Т.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Актуальность темы. Среди социальных проблем современного общества проблема несовершеннолетней преступности занимает особое место, поскольку общественный порядок является важной составляющей безопасности государства и гражданина. При устойчивой тенденции к сокращению количества преступлений среди несовершеннолетних в последние годы меняются качественные характеристики несовершеннолетней преступности: меняются формы делинквентного поведения, снижается возраст несовершеннолетних в конфликте с законом.

Государственный и общественный сектор проводят активную деятельность, направленную на предупреждение противоправного поведения подростков, при этом важной задачей видится изучение эффективных концептуальных подходов к профилактике делинквентного поведения несовершеннолетних, а также определение потенциально успешных и адекватных времени и низкопороговых практик, используемых специалистами в различных регионах РФ.

Цель исследования: оценка практик профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних.

Существуют несколько научных подходов к пониманию проблемы делинквентного поведения, отраженных в работах В.К. Зарецкого, А.Б. Холмогоровой, .Н.С. Смирновой, Змановской Е.В., Чиркиной Р.В. Исходя из анализа работ данных авторов, можно прийти к следующему определению: под делинквентным поведением подростков следует понимать разновидность их девиантного поведения, имеющего «выраженную степень тяжести социальных последствий, при которой несовершеннолетним осуществляется нарушение правовых норм, принятых в данном обществе, выражающееся, как правило, в совершении правонарушений или преступлений, представляющих повышенную общественную опасность, а также стойком противодействии несовершеннолетнего окружающей реальности» (Власова Н.В., 2020).

Делинквентное поведение чаще всего детерминировано сочетанием различных причин и факторов риска, на которые могут быть направлены профилактические мероприятия (Чиркина Р.В., 2016).

Соответственно, профилактика – это направление деятельности, целью которой является создание условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам (Профилактика и коррекция... 2016).

Эмпирическая часть работы посвящена анализу и оценке различных технологий профилактики с опорой на доказательный подход. Так, описаны и систематизированы практики, получившие экспертную оценку из реестра АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», из реестра рекомендуемых практик Федерации психологов образования России (за 2018-2021), реестра доказательных практик Фонда Тимченко, технологии победителей проектов Фонда президентских грантов.

Практики систематизированы в соответствии с уровнями профилактики: первичной, вторичной и третичной.

Первичная профилактика направлена на устранение неблагоприятных факторов, вызывающих определенное явление, а также на повышение

устойчивости личности к влиянию этих факторов (Хананашвили Н.Л., 2016). К данному виду профилактики можно отнести практики восстановительного подхода (школьные и муниципальные службы примирения), практики, направленные на формирование у подростков социальных навыков, в частности, навыков осмысления и разрешения конфликтов, профориентация подростков.

Задача **вторичной профилактики** – ранняя диагностика правонарушающего поведения учащегося; работа с «группой риска», подростками, имеющими выраженную склонность к формированию преступного поведения, например, состоящими на учете в КДН. К данному виду практик относятся практики наставничества, стритворка – уличной социальной работы, специализированные тренинги, направленные на видоизменение личностных особенностей (Чиркина Р.В., 2016).

Третичная профилактика направлена на реабилитацию и социализацию правонарушителя, а также на предупреждение рецидивов у несовершеннолетних. К таким практикам можно отнести длительные практики, использующие все ресурсы подростка, практики, направленные на подготовку осужденного к освобождению.

В заключение можно сделать следующие выводы:

Большинство практик эффективны в том случае, если они применяются не в качестве краткосрочного проекта, а только при наличии функционирующей, протяженной во времени системы взаимодействия помогающих специалистов с подростком и его семьей.

В объеме практик, направленных на оказание различных видов помощи детям, тема профилактики делинквентного поведения подростков на сегодняшний день занимает крайне незначительную часть, что может быть обусловлено низкой популярностью данной тематики в СМИ по отношению к другим аспектам проблем детства, вниманием грантодающих организаций к иным проблемам семей.

Практики, направленные на узкоопределенную проблему (предоставление единократной помощи или услуги), представлены в реестрах, однако, они имеют, как правило, краткосрочную эффективность.

Специалисты, представляющие свои практики, зачастую не видят необходимости проводить лонгитюдные исследования ее эффективности, так как цель и мотивация в общественно-полезной деятельности специалистов НКО зачастую построена на ценностно-смысловых базисах помогающих специалистов, а не на научно-исследовательской основе.

Литература

1. Автономов А.С. Экспертиза в оценивании социального проекта / А.С. Автономов, Н.Л. Хананашвили: под общ. ред. А.С. Автономова. – М.: Юрист, 2016. – 224 с.
2. Бусыгина Н.П. Реестры практик как механизм доказательной социальной политики в сфере защиты детства: анализ международного опыта / Н.П. Бусыгина, Т.Г. Подушкина, Н.В. Фреик // Социальные науки и детство. – 2021. – Том 2. – № 1. – С. 7–23. – doi: 10.17759/ssc.2021020101.
3. Профилактика и коррекция девиантного (аддиктивного, противоправного) поведения несовершеннолетних: проблемы, методы, технологии / Сост. Н.Л. Хананашвили, Р.В. Чиркина. – М., 2016. – 80 с.
4. Чиркина Р.В. Ресурсы профилактики преступного рецидива несовершеннолетних: работа с личностью за решеткой и на свободе: программа социально-психологического тренинга для освобождающихся воспитанников ВК [воспитательной колонии] / Р.В. Чиркина. – М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2011. – 136 с.

Нейрокриминологические аспекты аномалий личности и сексуального садизма в пространственном поведении серийных сексуальных преступников

Нечесова С.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Актуальность исследования: научные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению характерных черт поведения серийных сексуальных преступников, указывают на тот факт, что в *modus operandi* подобных преступлений в большинстве случаев отражается садистический характер их совершения, связанный с различными аномалиями личности (Антонян Ю.М., 2020; Hare, R. D., Neumann, C. S., 2010; Ochberg, F. M. & oth., 2003; Stone, M. H. & oth., 2009). Концепции аномалий личности изучаются наукой более 100 лет, но их связь с сексуальными преступлениями и с таким компонентом как «сексуальный садизм» в контексте прогнозирования криминогенных факторов и рецидивов серийных сексуальных преступлений начали изучаться лишь несколько лет назад (Knight RA, Sims-Knight JE., 2011; Robertson CA, Knight RA., 2013). Кроме того, прогнозирование преступного поведения является важной частью розыскной деятельности, особенно в случаях,

когда совершено неочевидное преступление, а преступник не установлен (Нечесова С.В., 2021).

Автором исследования был проведен кластерный анализ для выявления результатов сочетания факторов аномалий личности и сексуального садизма в поведении серийных сексуальных преступников и внутренней валидации дальнейших планируемых автором изысканий.

Объектом исследования выступили аномалии личности серийных сексуальных преступников, проявивших в обращении с жертвами элементы сексуального садизма, как с летальным, так и с нелетальным исходом; а также факторы, способные предсказать криминогенность такого поведения и его рецидивы.

Предметом исследования являлись сочетания компонентов личности в структуре сексуального садизма и психопатических проявлений аномалий личности в контексте преступного поведения.

Аналитическая стратегия. Количество кейсов, которые рассматривались: на I этапе – 240 кейсов; на II этапе автором были отобраны для анализа 49 источников и 53 кейса с серийными сексуальными садистами, которые содержали информацию из базы данных, результаты медицинских и психолого-психиатрических заключений.

Факторы, которые были выделены в *modus operandi* сексуальных садистов: парафильное поведение; психологические черты личности; мотивационная сфера; клиническая сфера (в проявлении нейро-и патопсихологических особенностей).

Кластеры, вошедшие в факторы: гомосексуальный интерес (в том числе, гомосексуальный объект в снах и фантазиях), в сочетании с парафилиями (другого генеза) – вошли в фактор «Парафильное поведение»; расторможенность и отсутствие критичности, адекватного восприятия ситуации (пренебрежение опасностью), доминирование (манипулирование как соучастниками, так и жертвой) и нарастание агрессии (динамика унижения жертв, оскорблений, выраженная вербально или в действии) – вошли в фактор «Психологические черты личности»; импульсивный характер деятельности (ситуационно-импульсивная мотивация, мотивация с импульсивным побуждением к действию, неустойчивость мотивационной сферы), ригидность эмоциональной сферы – вошли в фактор «Мотивационная сфера»; расстройства психической сферы (помрачение сознания, сумеречное состояние, эффе́ктивно суженное сознание, патологическое опьянение), медицинский диагноз, отклонение от нормы (в онтогенезе) – вошли в фактор «Клиническая сфера (нейро- и патопсихология)».

Методы исследования:

При помощи кластерного анализа методом «Ближайший сосед» (Nearest neighbor) и методом «Дальний сосед» (Furthest neighbor) были выявлены наиболее близкие и отдаленные по своим значениям кластеры. Расчет производился с помощью агломеративного иерархического алгоритма, в основе которого лежало Евклидово расстояние. После того как автором исследования был получен результат по кластерам, коэффициенты расстояний были проверены по методу Варда Уорда, а также составлена дендрограмма иерархий.

Выводы:

1) «гомосексуальные интересы» в преступном поведении сексуальных садистов имели близкие значения с параметром «сочетание парафилий», и были объединены в один кластер с параметром «ригидность эмоциональной сферы». Такое сочетание может указывать на сложности в удовлетворении физиологической потребности другими способами, нежели те, которые уже были выбраны для этого ранее. Деятельность в этом случае становится импульсивной и жестко фиксируется на средствах, способных удовлетворить насущную физиологическую потребность;

2) параметры «расстройства психической сферы» и «медицинские диагнозы» оказались близки по значениям и были объединены в один кластер с «отсутствием критичности». После их объединения к данному кластеру близким по значению параметром оказалась «импульсивная мотивация». Отсутствие критичности (пренебрежение опасностью, неспособность трезво оценить ситуацию, уровень высокого риска) и импульсивная мотивация – рассматривались автором исследования как общеизвестные черты, присущие психопатическим личностям;

3) параметры «расторможенность» и «доминирование» были близки по своим значениям и оказались в одном кластере с «нарастанием агрессии». Таким образом, расторможенность влечений и желание немедленно их удовлетворить, в контексте поведения сексуальных садистов соответствует доминированию над жертвами и соучастниками, что ведет к постепенному нарастанию агрессии от эпизода к эпизоду. Так, например, один из кейсов содержал эпизоды, в которых преступник перешел от похищения одной жертвы к похищению одновременно 2-х, а в следующем эпизоде 3-х жертв и т.п.

Таким образом, в *modus operandi* сексуальных садистов выявились и оказались наиболее близкими по значениям при проведении кластерного анализа следующие психопатические реакции: отсутствие критичности (в смысле пренебрежения опасностью, неспособность ее здраво оценить, что вело к высокой степени риска в момент деликта), импульсивность, расторможенность, манипулирование другими. Результаты дают основания строить предположения о поведении субъекта преступления. Например, отсутствие критичности может

говорить о его готовности совершить очередной эпизод не обращая внимание на светлое время суток, общественное место или наличие возможных свидетелей и т.п.

Автор исследования считает необходимым продолжить изучение степени проявления данных реакций и их сочетание с сексуальным садизмом, поскольку результаты дают эффект понимания такого поведения и помогают в профилировании.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология садизма // Общество и право – 2020. – № 2(72). – С. 41–48.
2. Нечесова С.В. Клинические аспекты криминального поведения серийных сексуальных убийц и их использование в географическом профилировании // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2021. – № 1. – С. 82–88.
3. Hare R.D. Psychopathy: Assessment and forensic implications / R.D. Hare, C.S. Neumann // The Canadian Journal of Psychiatry. – 2009. – Vol. 54. – № 12. – P. 791–802. – doi: 10.1177/070674370905401202.
4. Knight R.A. Risk factors for sexual violence / R.A. Knight, J. Sims-Knight // Eds. J.W. White, M.P. Koss, A.E. Kazdin. – Washington, DC: American Psychological Association, 2011. – Vol. 1: Mapping the terrain. – P. 125–150.
5. Lethal predators: Psychopathic, sadistic, and sane / F.M. Ochberg [et al.] // International Journal of Emergency Mental Health. – 2003. – № 5(3). P. 121–136.
6. Robertson C.A. The Similar Sequelae of Psychopathy and Sexual Sadism: From Developmental Perturbations to Disorders / C.A. Robertson, R.A. Knight // Poster presented at the 5th biennial meeting of the Society for the Scientific Study of Psychopathy. – Washington, DC: 2013.
7. Stone M.H. Sadistic personality disorder / M.H. Stone, J.R. Butler, K.M. Young // Oxford textbook of psychopathology / Eds. P. Blaney, T. Millon. – 2nd edition. – New York: Oxford University Press, 2009. – P. 651–670.

Объяснительные модели и факторы риска формирования отклоняющегося поведения

Сборщик А.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Различные аспекты нарушений поведения и развития личности в подростковом и юношеском возрасте являются предметом изучения многих научных дисциплин и представляют особый интерес в юридической психологии. Эмоционально-волевая сфера лиц данной категории недостаточно устойчивая, возможны всплески эмоций, импульсивность, резкие смены настроения, конфликтные отношения со взрослыми и сверстниками. Одной из психологических составляющих подобных моделей поведения нередко является агрессивность, разрушительный характер которой проявляется в девиантном или отклоняющемся поведении. Отклоняющееся поведение является опасным феноменом современного общества. Как показывает статистика, с каждым годом количество лиц с отклоняющимся поведением увеличивается, а подростковый возраст является самым благоприятным для его формирования при воздействии определенных факторов – как внешних, так и внутренних.

Многие исследователи выделяют три общие составляющие, которые оказывают влияние на формирование отклоняющегося поведения (Шнейдер Л.Б., 2005): фрустрация (внутренний конфликт, направленный на подавление агрессии), психотравмирующая ситуация, обратное отрицание.

А. А. Реан в структуре отклоняющегося поведения выделяет четыре основных блока (Реан А.А., 2003):

1. Характер и особенности личности, так как поведение во многом определяется личностными особенностями и особенностями характера. К этим особенностям можно отнести – невротичность, интроверсию, педантичность и демонстративность.
2. Самооценка личности. Чем больше аутоагрессии у личности, тем ниже самооценка.
3. Интерактивность, которая оказывает влияние на способность адаптации в социуме и развитие межличностных отношений.
4. Социально-перцептивный блок. Поведение во многом зависит от особенностей восприятия личности другими людьми.

Наиболее склонны к возникновению отклоняющегося поведения лица в возрасте 12-17 лет, что приходится на подростковый и ранний юношеский возраст (Менделевич В.Д., 2005).

А.Е. Личко выделил основные мотивы отклоняющегося поведения среди подростков и юношей: обида, одиночество, отчужденность и непонимание; действительная или мнимая утрата любви родителей, неразделенное чувство или ревность; переживания, связанные со смертью, разводом, или уходом родителей из семьи; чувства вины, стыда, оскорбленного самолюбия, самообвинения; боязнь позора, насмешек или унижения; страх наказания, нежелание извиниться; любовные неудачи, сексуальные эксцессы, беременность; чувство мести, злобы,

протеста; угроза или вымогательство; желание привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие, избежать неприятных последствий, выйти из трудной ситуации; сочувствие или подражание товарищам, героям книг или фильмов (Личко А.Е., 1983).

В ходе исследований А.Е. Личко было установлено, что подросток с неадекватной самооценкой, повышенным уровнем тревожности и агрессивности, с эмоционально-волевой неустойчивостью чаще всего становится жертвой насилия (Личко А.Е., 1983).

Основными причинами возникновения девиантного поведения, а именно распространения и употребления алкогольных, наркотических и других психоактивных токсических веществ среди подростков и юношей являются (Менделевич В.Д., 2005):

- дезадаптированность и дисфункциональность семьи;
- личностные особенности (возрастные, характерологические, психические и т.д.);
- учебная дезадаптация;
- воздействие асоциальной неформальной среды;
- причины социально-экономического и демографического характера.

По мнению А.Е. Личко, провоцирующими факторами отклоняющегося поведения у подростков считаются психическая неустойчивость, акцентуации характера, поведенческие реакции группирования, реакции эмансипации и другие особенности подросткового и раннего юношеского возраста (Личко А.Е., 1983).

Существует ряд поведенческих стереотипов, характерных для этого возрастного периода: реакция оппозиции, реакция имитации, реакция отрицательной имитации, реакция компенсации, реакция гиперкомпенсации, реакция эмансипации, реакция группирования и реакция увлечения.

Одной из значимых проблем общества является агрессивное криминальное поведение несовершеннолетних. По данным статистики, одна треть совершенных подростками правонарушений имеет агрессивно-насильственный характер. Насилие – одна из форм деструктивного поведения, которая заключается в преднамеренном нанесении физического вреда или психологическом воздействии против самого себя или других людей, которое приводит к травмам или смерти. Разработка эффективной стратегии по предупреждению насилия требует детального изучения формирования личности подростков, их личностных особенностей, а также факторов, влияющих на формирование отклоняющегося поведения (Назарова, Н.Г., 2016).

Факторы риска возникновения агрессивного криминального поведения

делятся на биологические, индивидуально-психологические (личностные) и социальные. Были проведены исследования, где была выявлена закономерность, что при наличии у подростка психических расстройств риск возникновения агрессивного поведения значительно увеличивается. Некоторые авторы связывают агрессивное поведение с химической зависимостью (наркотической, алкогольной и др.). По их мнению, это обусловлено тем, что психоактивные вещества не только воздействуют на сознание личности, но и стимулируют агрессивные побуждения.

Исследователями был выделен ряд личностных особенностей, при которых увеличивается риск возникновения такого поведения: эмоциональная неустойчивость, гнев, повышенная раздражительность, импульсивность, низкий уровень интеллекта, низкий уровень самоконтроля. Они также указывают на следующую закономерность: чем раньше проявилось отклоняющееся поведение, в особенности агрессивно-насильственного характера, тем тяжелее будут последствия в дальнейшем (Менделевич В.Д. 2005; Реан А.А, 2003).

Таким образом, основными факторами возникновения отклоняющегося поведения у подростков и юношей являются неблагоприятная семейная ситуация, воздействие асоциальной среды, эмоциональная неустойчивость, сильные эмоциональные переживания, связанные с непониманием со стороны взрослых и сверстников, отсутствием взаимности в любви, буллингом, а также психологические травмы, личностные особенности и акцентуации характера.

Литература

1. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Ленинград: Медицина: Ленингр. отделение, 1983. – 255 с.
2. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов / В.Д. Менделевич. – СПб.: Речь, 2005. – 445 с.
3. Назарова Н.Г. Оценка факторов, повышающих и снижающих риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних (обзор исследований) // Психология и право. – 2016. – Том 6. – № 3. – С. 89–103. – doi: 10.17759/psylaw.2016060308.
4. Психология подростка / Ред. А.А. Реан. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 432 с.
5. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л.Б. Шнейдер. – М.: Трикта, 2005. – 334 с.

Виктимность и ее детерминанты в молодом возрасте

Смирнова В.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Наша действительность содержит немало угроз и опасностей, требующих от человека бдительности, осмотрительности и осторожности. Возросшая криминальная опасность, угроза стать объектом обмана, мошенничества, нападения обуславливают неизбежный рост рисков виктимизации. В современной России виктимность стала одной из наиболее болезненных социальных проблем (Абдулмуслимова Л.Г., 2015).

В таком возрастном периоде, как молодость, человек, как правило, утверждает себя в жизни, определяет свой жизненный путь, свои ориентиры и ценности, ставит перед собой цели и продвигается к их достижению. Период молодости характеризуется активным развитием личности, психических функций и самосознания человека, формированием целостного образа «Я» (Баксанский О.Е., 2020). Главными особенностями социального взаимодействия в молодом возрасте являются открытость новым контактам, интенсивность общения, зачастую специфичность межличностных взаимоотношений (Ривман Д.В., 1975).

Неустойчивая психика молодых людей уязвима в большей степени, чем психика людей в зрелом возрасте (Субботина Р.А., 2016). Молодые люди характеризуются как любознательные, стремящиеся к приключениям, доверчивые, внушаемые, не умеющие быстро адаптироваться к новым жизненным условиям (Терещенко В.В., 2019).

Исследования последних лет показали, что большинство отклонений социального поведения вызвано не какой-то одной причиной, а сложным взаимодействием большого количества факторов. В зависимости от индивидуального своеобразия, воздействия средовых факторов и условий жизнедеятельности, воспитания, а также личной самостоятельной деятельности, человек нуждается в помощи по предупреждению и преодолению негативных последствий социализации. Любая жертва преступления, как потенциальная, так и реальная, наделена определенными качествами, которые делают ее в большей или меньшей степени уязвимой (Wilcox P., 2010).

Риск виктимизации во многом зависит от ряда индивидуальных факторов социализации будущей жертвы в детстве (неправильное воспитание или же вовсе его отсутствие, неудачный брак родителей, доминирование в семье кого-то

одного из родителей, непринятие ребенка), индивидуальных психологических факторов (низкая самооценка, подавленность, психопатии, невротизм, фрустрации, травмы, фобии), антиобщественного образа жизни, а также опыта и частоты предыдущей виктимизации потенциальной жертвы (Кузьмин Ю.А., 2016).

В моменты совершения преступлений рядом с прямыми жертвами могут также оказаться случайные, дополнительные жертвы. Это говорит о том, что человек не является хозяином обстоятельств и в любой момент может стать их заложником (Бачинин В.А., 2017). При одном предположении, что можно стать жертвой социально-опасного явления, человека охватывает страх за свою жизнь. Страх перед преступностью возрастает, когда люди осознают свою уязвимость. В значительной степени нагнетают страх средства массовой информации, представляющие населению приукрашенную, полную ужаса информацию, зачастую не объективную и не соответствующую действительности (Абдулмуслимова Л.Г., 2015).

При анализе виктимологической литературы нам удалось заметить, что преступники всегда следовали такому принципу: нельзя оставлять без внимания потенциальную жертву. Регулярно в мире миллионы людей становятся жертвами преступных посягательств. На современном этапе меры по защите населения от преступных посягательств и предупреждению преступлений имеют междисциплинарный, комплексный характер – сюда включается как работа правоохранительной системы, так и органов опеки и попечительства, социальная и педагогическая сферы, медицинская и психологическая службы. Законодательство четко определяет действия, совершаемые во время преступлений, направленные на неприкосновенность личности. Заслуживает быть отмеченным, что на международном уровне разработаны минимальные стандарты, которые регулируют вопросы возмещения вреда лицам, которые стали потерпевшими от преступлений (Варпаховская Е.М., 2017).

Таким образом, существует множество классификаций детерминант виктимного поведения. В общем смысле, виктимизация детерминируется объективными или субъективными факторами. Виктимизация поведения в молодом возрасте объясняется внутренними переживаниями и чувствительностью к социальным изменениям. Тот или иной уровень виктимности присущ каждой личности, для профилактики и снижения которого современное государство принимает все необходимые меры.

Литература

1. Абдулмуслимова Л.Г. Виктимность и виктимизация на современном этапе // Евразийский юридический портал. – 2015. – № 5(84). – С. 222–223.

2. Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: автореф. дис... канд. психол. наук. – Новосибирск., 2005. – 16 с.
3. Баксанский О.Е. Психологические особенности развития личности в период молодости / О.Е. Баксанский, А.В. Скоробогатова // Образовательные технологии (г. Москва). – 2020. – №2. – С. 77–86.
4. Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. – 430 с.
5. Башанаева Г.Г. Исследование структуры внутриличностных детерминант юношей и девушек разного виктимного типа / Г.Г. Башанаева, Р.А. Субботина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 2. – С. 76–83.
6. Варпаховская Е.М. Защита прав жертв преступлений на международном уровне и в России. – Кишинев: LAP Lambert Academic Publishing, 2017. – 252 с.
7. Кемяшова П.Н. Обзор современных исследований виктимного поведения у студентов / П.Н. Кемяшова, А.Г. Фаустова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2017. – Том 5. – № 4(19). – С. 745–761. – doi: 10.23888/humJ20174745-761.
8. Кузьмин Ю.А. Виктимологическая профилактика преступлений // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юридического факультета (Чебоксары, 2 декабря 2016 г.) / Отв. ред. С.Б. Верещак. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 370–374.
9. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений / Д.В. Ривман. – Ленинград: [б. и.], 1975. – 273 с.
10. Терещенко В.В. Особенности виктимного поведения студенческой молодежи в период взросления / В.В. Терещенко, О.А. Анисимова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 9(65). – С. 63–68. – doi: 10.24158/spp.2019.9.10.
11. Холыст Б. Факторы, формирующие виктимность // Вопросы борьбы с преступностью. – 1984. – № 41. – С. 73–74.
12. Wilcox P. Victimization, Theories of // Encyclopedia of Victimology and Crime Prevention / Eds. B.S. Fisher, S.P. Lab. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2010. – P. 978–985. – doi: 10.4135/9781412979993.n334.

Особенности профессионального самоопределения несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением

Смоленкова В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

На рубеже подросткового и юношеского возраста возникает потребность в профессиональном самоопределении. Мы определяем профессиональное самоопределение как «детерминированный отдаленными жизненными целями **процесс** поиска и нахождения личностного смысла в выбираемой, осваиваемой или уже выполняемой трудовой деятельности, который не сводится к одномоментному выбору конкретной профессии».

Подростки с устойчивым противоправным поведением сталкиваются с большими трудностями, поскольку находятся в негативной социальной среде, зачастую имеют личностные особенности, не способствующие успешному удовлетворению этой потребности. Социокультурная среда таких подростков чаще отличается семейным неблагополучием, занимаемой подростком позицией «отшельника» или «козла отпущения» в коллективе сверстников (Арон И.С., 2016), конфликтными отношениями с учителями, педагогической запущенностью и др. (Тоистева О.С., 2011). Ситуация выбора профессии осложняется также личностными дисгармониями, наиболее яркие из них – это агрессивность, вспыльчивость, инертность, лживость, повышенная конфликтность, заниженная самооценка, стремление избежать ответственности, пониженная переносимость повседневных трудностей, стереотипность поведения, нарушение ощущения самостоятельности, принадлежность к среде, не поддерживающей интереса к профессиональному развитию. Также установлено, что профессиональные планы подростков группы риска сформированы слабо и нередко противоречиво (Арон И.С., 2016). Из этого вытекает, что трудности профессионального самоопределения подростков с устойчивым противоправным поведением проявляются в более утрированной, форме, в силу этого они нуждаются в повышенном внимании к себе со стороны семьи и специалистов, что требует глубокого изучения данного вопроса для совершенствования методологической основы профориентационной работы с такими подростками.

С целью выявления особенностей профессионального самоопределения у несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением и трудностями в социальной адаптации проведено эмпирическое исследование на базе МБОУ СШ №15 г. Иваново и ГБОУ Спецшкола №1 г. Москва. В нем приняли участие

63 подростка старшего пубертатного возраста (15-17 лет): 30 подростков с нормой поведения и 33 – с устойчивым противоправным поведением. Нами выдвинуты три гипотезы. Мы предположили, что, **во-первых**, подростки с устойчивым противоправным поведением более нерешительны, зависимы и инфантильны в профессиональном самоопределении. **Во-вторых**, если у подростков группы риска отмечается низкий уровень рационализма и самостоятельности профессионального выбора, то они более склонны к нарушению норм и правил, агрессивному и делинквентному поведению. **В-третьих**, высокий уровень рационализма, решительности, самостоятельности профессионального выбора, самооценки и оптимизма в отношении профессионального будущего может быть связан с высоким уровнем саморегуляции поведения и осознанности жизни и доминирующей копинг-стратегией «разрешение проблем».

Методы исследования: опросники «Диагностика профессиональных установок подростков» И. М. Кондакова, «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел), «Индикатор копинг-стратегий» (Д. Амирхан), «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), «Тест смысложизненных ориентаций личности» (Д. А. Леонтьев); методы математической статистики: непараметрический метод сравнения – U-Манна-Уитни, метод r-Спирмена в программе SPSS.

Удалось выяснить, что профессиональный выбор подростков с противоправным поведением принимает более инфантильную, зависимую форму. Это еще раз подтверждает результаты исследований Д.И. Фельдштейна, Т.А. Шиловой, С.Н. Чистяковой, Н.Ф. Родичева (Арон И.С., 2016; Федонкина А.А., 2016). Можно предположить, что зависимость профессионального выбора, как один из возможных факторов, предопределяет то, что большинство подростков, вступивших в конфликт с законом, имеют впоследствии диффузный статус профессиональной идентичности.

Мы еще раз убедились в том, что подростки с противоправным поведением более склонны к разного рода аддикциям, к иллюзорно-компенсаторному или агрессивно-насильственному способу решения личностных проблем, что связано с несформированностью регуляторного процесса моделирования, а также обладают большим «делинквентным потенциалом».

Установлено, что чем более **подростки с нормой поведения** зависимы от мнения окружающих, тем чаще они подстраивают свое поведение под ожидания референтной группы. Вероятно, в таком случае мы можем столкнуться с распространенной ошибкой – выбор профессии под влиянием друзей (Климов Е.А., 2010). Далее, чем более старшеклассники рассудительны в ситуации выбора профессии, тем более склонны к самоповреждающему поведению, и у

них сильнее развит регуляторный процесс моделирования. Связь между шкалами профессиональных установок «нерешительность профессионального выбора» и «высокая самооценка» и всеми показателями осознанности жизни говорит о том, что чем выше самооценка и уверенность в профессиональном выборе, тем более жизнь воспринимается как эмоционально насыщенная и наполненная смыслом.

Что касается **подростков с устойчивым противоправным поведением**, то те, кто имеют высокий уровень рационализма профессионального выбора, менее склонны к преодолению норм и правил, у них более развиты регуляторные процессы планирования и программирования. Отмечено, что чем лучше развит регуляторный процесс программирования, тем выше самооценка и подростки более уверены в отношении профессионального будущего. Кроме этого, чем выше самооценка и уверенность в отношении профессионального будущего и ниже уровень идеализации профессионального выбора, тем больше старшеклассники с устойчивым противоправным поведением задумываются о будущем, их профессиональные планы более реалистичны и детализированы. Вместе с тем заниженная самооценка наиболее сопряжена с низким общим уровнем саморегуляции и копинг-стратегией «избегание проблем».

Таким образом, рекомендуется включать в профориентационные занятия упражнения, направленные на развитие самостоятельности, рефлексии, правосознания, представлений о своей умелости, компетентности, положительных качествах, на осознание значимости собственного выбора и перспектив на будущее. Кроме этого, следует привлекать подростков к активной жизни в обществе и общественно полезному труду, что позволит закрепить паттерны просоциального поведения и ценности, связанные с активной, осознанной жизнедеятельностью, что также положительно повлияет на процесс профессионального самоопределения.

Перспективными направлениями развития исследования может быть изучение специфики профессионального самоопределения подростков, находящихся в конфликте с законом, обусловленной дополнительно гендером, семейным воспитанием или проблемами психического или физического развития.

Литература

1. Арон И.С. Психология готовности к профессиональному самоопределению: подходы и результаты исследований: монография / И.С. Арон. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2016. – 284 с.

2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.А. Климов. – М.: Академия, 2010. – 304 с.
3. Тоистева О.С. Профессиональное самоопределение подростков: актуальность, проблемы, пути решения // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 4. – С. 60–64.
4. Федонкина А.А. Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2016. – Том 6. – № 3. – С. 178–192. – URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n3/82936.shtml> (дата обращения: 01.04.2022). – doi: 10.17759/psylaw.2016060313.

**Коммуникативные стратегии и индивидуально-психологические
особенности жертв сексуальных домогательств
(на примере молодых взрослых)**

Староверова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем, связанных с нежелательными действиями сексуального характера, стало сексуальное домогательство, исследования причин и последствий которого начали проводиться сравнительно недавно, в 60-х годах XX века. Результаты проводимых исследований показали, что сексуальные домогательства наносят тяжелый вред здоровью и психическому развитию подвергшегося такому виду насилия человека. Кроме того, исследования продемонстрировали наличие характерного отклоняющегося поведения у жертв сексуальных домогательств.

Проблема заключается в том, что сексуальное насилие приводит к возникновению тяжелых последствий в психике пострадавшей. В зарубежных странах существуют программы психологической реабилитации и социальной адаптации лиц, подвергшихся насильственным действиям сексуального характера. В России на данный момент данному вопросу уделяется незначительное внимание.

Одной из причин данной проблемы является то, что проблема возникновения в психике жертвы насилия определенных травм фактически не воспринимается всерьез, и, следовательно, не принимаются меры по работе с жертвами. Актуальность данной работы заключается в том, что необходимо

применять меры не только по правовой защите потерпевших, но и меры по их лечению и реабилитации.

Сексуальное домогательство представляет собой ситуацию, когда одно лицо (лица) становится объектами нежелательных для них сексуальных действий, жестов или комментариев со стороны другого лица (лиц).

Исследование девиантного сексуального поведения осуществляется с точки зрения разных подходов, основными из которых являются: биологический, социологический, психологический, культурологический и педагогический.

Выделяют две разновидности виктимного поведения жертвы сексуального преступления:

– провоцирующее поведение (которое со стороны преступника может заключаться во всем: внешний вид, определенные действия, выход на улицу в темное время суток), которое сразу создает у преступника уверенность в доступности жертвы;

– благоприятствующее поведение, т.е. поведение, постепенно создающее у преступника впечатление о возможности совершения действий сексуального характера, например, флирт, беседа, согласие куда-то поехать и т.д. В данном контексте особенно необходимо упомянуть флирт как разновидность виктимного поведения жертвы, которая довольно часто приводит к совершению сексуального преступления.

Е. А. Игнатенко отмечает, что «довольно наглядными являются данные о состоянии опьянения потерпевших в причинности отношений, связанных с преступниками, а также местом, где было совершено преступление. Особое виктимное качество состояния алкогольного опьянения определяется тем, что оно характеризуется в основном активным участием самой жертвы преступления. Граница между легким опьянением и физической слабостью, которая не зависит от жертвы, достаточно очевидна» (Игнатенко Е.А., 2018).

О. Н. Ивасюк считает, что изложенные выше факты «свидетельствует об особой роли поведения женщины при формировании механизма преступного поведения при совершении сексуальных посягательств» (Ивасюк О.Н., 2018).

Е. С. Фоминых отмечает, что «в основе виктимности лежит социально-психологический механизм, основанный на взаимодействии внешних, социальных (комплекс социальных условий, обладающих виктимогенным потенциалом), и внутренних, психологических факторов (индивидуальные особенности, проявляющиеся на индивидуальном и личностном уровнях)» (Фоминых Е.С., 2014).

Психологический механизм виктимности в ситуации коммуникации между жертвой и агрессором является определенной совокупностью

деформированных жизненных установок, специфических черт личности, которые проявляются исключительно при возникновении определенной ситуации, в частности, при взаимодействии с агрессором.

Жертвы сексуального насилия характеризуются достаточно широкими взглядами на сексуальные отношения, их сексуальные взгляды представляют собой крайний вариант нормы или не вписываются вообще в представления большинства членов социума о понятии приемлемости данного вида сексуальных отношений, с медицинской точки зрения не являющихся болезненными, т.е. не носящих навязчивый, обсессивно-компульсивный характер. Основными индивидуально-личностными характеристиками жертв сексуальных домогательств являются следующие: достаточно молодой возраст; низкий уровень образования; отсутствие серьезных или брачных отношений; не очень высокий уровень дохода; семья с авторитарным характером воспитания; доверчивость, легкомыслие; наличие вредных привычек и морально-этическая незрелость.

В свою очередь к коммуникативным стратегиям жертв сексуальных домогательств можно отнести действия, которые позволяют лицу, совершающему насилие, предположить отсутствие запрета на свои действия, или уверенность в собственной безнаказанности, т.е. коммуникативную стратегию согласия.

В нашей исследовательской работе мы провели психодиагностическое тестирование с целью выявления связи виктимности и коммуникативной направленностью, типологическими особенностями, социальной адаптации у жертв сексуальных домогательств. В исследовании приняли участие 40 человек, от 18 до 31 года (38 женского пола и 2 мужского пола). Диагностический аппарат состоял из следующих методик:

1. Методика «Направленность личности в общении»;
2. Методика «ИТО»;
3. Методика «Методика определения и классификация типов социальной дезадаптации населения»
4. Методика «Склонность к виктимному поведению».

Из проведенного эмпирического исследования можно заключить:

1. для лиц, переживших сексуальное насилие, в большей степени характерна склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению (активный тип потерпевшего);

2. наибольшая выраженность социальной дезадаптации встречается в группе респондентов с такими тенденциями виктимного поведения, как агрессивный тип потерпевшего, некритичным типом потерпевшего, а также связи с реализованной виктимностью;

3. исследуемые с авторитарной направленностью в общении имеют такие особенности виктимного поведения, как некритичный тип потерпевшего и пассивный тип потерпевшего, а также реализованную виктимность;

4. исследуемые с активным типом потерпевшего имеют такие типологическими особенности, как спонтанность, агрессивность, ригидность;

5. исследуемые с инициативным типом потерпевшего обладают такими типологическими особенностями, как агрессивность и интроверсия;

6. респонденты с пассивным типом более склонны к спонтанности, агрессивности и интроверсии;

7. некритичный тип потерпевшего связан с такими типологическими особенностями, как агрессивность, ригидность, сензитивность, лабильность.

8. реализованная виктимность имеет связь с такими типологическими особенностями, как спонтанность, агрессивность, ригидность, сензитивность и интроверсия.

Выводы, сделанные по итогу исследования, еще раз подчеркивают важность внедрения в России комплексной политики помощи жертвам изнасилований. Игнорируя данную проблему, общество сталкивается с сотнями социально дезадаптированных людей с психологическими проблемами.

Литература

1. Игнатенко Е.А. Негативные факторы виктимного поведения женщин в половых преступлениях / Е.А. Игнатенко, Д.С. Доброскок // Аллея науки. – 2018. – Том 3. – № 10(26). – С. 227–231.
2. Ивасюк О.Н. Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемых в отношении женщин / О.Н. Ивасюк, И.В. Калашников // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 104–110.
3. Фоминых Е.С. Психологические механизмы виктимности // Концепт. – 2014. – № 5. – Article ID 14132. – С. 116–120.

Специфика предпочтений в темах медиаконтента у подростков и юношей с разными типами поведения

Туйчиева М.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В наше время интернет и цифровые технологии играют огромную роль в социализации и формировании личности человека, что особенно ярко отражается на подростках, так как именно подростковый возраст является наиболее сензитивным для любых влияний. Кроме того, подростки и юноши являются наиболее активными пользователями интернета, они постоянно сталкиваются с различным медиаконтентом в нем. Медиаконтент безусловно может оказывать положительное влияние (удовлетворять социальные, информационные и эмоциональные потребности человека), однако он может содержать в себе и определенные риски. Именно поэтому сейчас так важно изучать влияние медиаконтента на людей в целом и на их поведение в частности.

Под медиаконтентом понимаются любые данные (текст, звук, зрительные образы или комбинации мультимедийных данных), представленные на разнообразных носителях (бумага, различные электронные носители) (Шестеркина Л.П., Лободенко Л.К., 2014). Также в наше время часто в науке медиаконтент определяется как любое наполнение сети, в том числе и новостных порталов, сайтов традиционных СМИ, социальных сетей – то есть совокупность всего, что опубликовано в Интернете (Самарцев О.Р., 2017).

При этом исследователи говорят о том, что посредством управления информационными потоками, генерируемыми в медиасреде (наполнением которой и является медиаконтент), осуществляется целенаправленное воздействие на ценности, суждения, оценки, мнение и поведение людей (Кузьмин А.М., 2011). Из этого мы можем сделать вывод, что медиа способны влиять на поведение людей, а значит, медиаконтент с определенным содержанием может быть фактором риска формирования девиантного поведения.

Девиантным поведением обычно считается поведение, которое: не соответствует наиболее важным общепринятым социальным нормам; вызывает негативную оценку общества; причиняет вред самому человеку и окружающим его людям; сопровождается проявлениями социальной дезадаптации; является многократным, длительным, стойко повторяющимся (Змановская Е.В., 2008).

Отдельным вопросом в психологии является поиск причин девиантного поведения. В некоторых случаях оно связывается с потреблением различного медиаконтента, который в настоящее время преимущественно находится в сети интернет. Например, одним из направлений научной работы в этой области является профайлинг в социальных сетях. В одном из исследований было показано, что о пресуицидальном состоянии можно судить по подпискам человека в соцсети «ВКонтакте» на сообщества, тематика которых связана с коллекционированием рисунков и сообщества, в которых можно встретить

отражение суицидальных мыслей, в том числе и риски, связанные с ними (Пономарева Е.С., Делибалт В.В., 2021).

В нашем исследовании мы предположили, что существуют различия в склонности к девиантному поведению у подростков и юношей в зависимости от предпочитаемых тем в медиаконтенте.

Методиками исследования выступили: тест «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леус, А.Г. Соловьев (Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г. и др., 2017) и авторская анкета «Предпочтения в медиаконтенте».

Выборку нашего исследования составили 96 человек в возрасте от 12 до 18 (средний возраст - 15,7 лет). Из них юношей - 48 чел., девушек - 48 чел. Респонденты набирались в сети интернет посредством опроса через Google-форму.

Описывая полученные результаты, можно сказать, что в среднем современные подростки и юноши проводят 3-6 часов свободного времени в интернете. Самыми популярными и предпочитаемыми соцсетями являются ВКонтакте, YouTube, Instagram и Tik-tok. Наиболее интересными и предпочитаемыми темами являются музыка, спорт, культура, политика, кулинария, мода и косметика.

В нашем эмпирическом исследовании в среднем респонденты показали следующие результаты: ориентацию на социально обусловленное поведение (подростковую реакцию группирования), отсутствие признаков делинквентного, зависимого и агрессивного поведения и ситуативную предрасположенность к аутоагрессивному поведению.

Мы провели анализ результатов и выявили статистически значимые различия в склонности к девиантному поведению у подростков и юношей в зависимости от двух предпочитаемых тем в медиа.

U-критерий Манна-Уитни показал, что подростки и юноши, которые предпочитают научно-технический контент, имеют меньшую склонность к агрессивному поведению, чем те, которые его не предпочитают; те, кто предпочитают контент, связанный с темой любви, имеют меньшую склонность к зависимому поведению, чем те, которые не предпочитают. По всем остальным темам в медиаконтенте значимых различий в склонности к девиантному поведению обнаружено не было.

Различия в склонности к агрессивному поведению у предпочитающих и не предпочитающих научно-технический медиаконтент можно попытаться объяснить тем, что в данном возрасте интерес к научно-технической информации проявляют те школьники, у которых значимой деятельностью является не общение со сверстниками, а учеба. Учитывая гетерохронность развития, развитие умственной сферы подростков часто идет вразрез с

физической сферой, что может приводить к тому, что агрессивное поведение, связанное с физической силой, не проявляется.

Что касается темы любви в медиа – учитывая то, что во многих случаях любовь можно считать одним из видов нехимической зависимости, мы предполагаем, что подростки, увлекающиеся медиаконтентом, с нею связанным, не склонны проявлять другие виды зависимостей. Также вероятно подростки и юноши, склонные к зависимому поведению, имеют другую сферу интересов и не заинтересованы в вопросах, касающихся любви.

Данные интерпретации спорны и требуют дальнейшего изучения с расширением методического инструментария, наше исследование не позволяет установить точную причинно-следственную связь.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). – 5-е изд. – М.: Академия, 2008. – 288 с.
2. Кузьмин А.М. Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – 6 с.
3. Пономарева Е.С. Индикаторы пресуицидального состояния несовершеннолетних в интернет-пространстве / Е.С. Пономарева, В.В. Делибалт // Психология и право. – 2021. – Том 11. – № 3. С. 47–61. – doi: 10.17759/psylaw.2021110304.
4. Программно-методический комплекс дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+»: методическое руководство: сборник тестов / Н.В. Дворянчиков [и др.]. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 198 с.
5. Самарцев О.Р. К вопросу о функциональной дифференциации понятий «медиаконтент» и «журналистика» // Вестник электронных и печатных СМИ. – 2017. – № 1(25). – С 72–89.
6. Шестеркина Л.П. От медиатекста к медиабренду: к вопросу о взаимодействии журналистики, рекламы и PR в конвергентных СМИ / Л.П. Шестеркина, Л.К Лободенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – Том 11. – № 3. – С 50–55.

Особенности самоорганизации подростков с девиантным поведением

Шаповалова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Согласно статистическим данным, в 13 лет некоторые дети пробуют алкоголь, в период от 13 до 18 лет около трети школьников употребляют спиртные напитки ежедневно, наркотики же впервые пробуют до 19 лет более 60% (Туркина Г.Т., 2017). Также на подростковый возраст выпадет первый пик суицидальной настроенности (15-16 лет), около 30% подростков толерантно относятся к суициду (Тараненко А.Н., 2016).

Отмечается, что отрицательные проявления в поведении подростков связаны в значительной мере с недостаточным уровнем развития у них самоорганизации (Махлеева Л.В., 2017). Развитие отдельных ее компонентов уже выделялось как одна из задач профилактики. Однако самоорганизация как целостный конструкт практически не рассматривается в одном научном поле с девиантным поведением.

Таким образом, целью данного исследования является выявление особенностей самоорганизации подростков с девиантным поведением.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. чем выше у подростков уровень самоорганизации, тем ниже склонность к различным видам девиантного поведения;
2. у подростков с легкой и выраженной степенью склонности к девиантному поведению низкая выраженность таких компонентов самоорганизации, как целеполагание, планирование и настойчивость.

В качестве объекта в данной работе выступает самоорганизация подростков. Предметом является самоорганизация подростков с девиантным поведением.

Выборка составила 60 человек – ученики 9 классов, среди которых 23 человека (15 мальчиков и 8 девочек) без склонности к девиантному поведению и 37 человек (20 мальчиков и 17 девочек) со склонностью к тому или иному виду девиантного поведения. Средний возраст 15 лет в обеих группах.

База исследования: школа №293 имени А.Т. Твардовского.

В данном исследовании мы использовали опросник диагностики особенностей самоорганизации (А.Д. Ишков), опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова) и тест Склонности к девиантному поведению (Э.В. Леус), а также методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Согласно полученным результатам по опроснику диагностики особенностей самоорганизации А.Д. Ишкова, у подростков со склонностью к девиантному поведению выше среднего уровень развития целеполагания и средний уровень развития анализа ситуации, планирования, самоконтроля, коррекции, волевых усилий, общего уровня самоорганизации. В свою очередь у

подростков без склонности к девиантному поведению по всем вышеперечисленным шкалам выявлен уровень развития выше среднего, кроме шкалы «коррекция», результаты которой так же равны среднему уровню развития.

По опроснику самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой значения по шкале планомерность одинаковы у подростков без и со склонностью к девиантному поведению, по шкалам целеустремленность и настойчивость – выше у подростков без склонности, по фиксации, самоорганизации и ориентации на настоящее – выше у подростков с наличием склонности к девиантному поведению. Согласно приведенным в данной методике нормам, результаты обеих групп по всем шкалам находятся в среднем диапазоне.

На основе полученных данных по двум методикам, направленным на психодиагностику особенностей самоорганизации, у подростков со склонностью к девиантному поведению отмечается преобладание среднего уровня развития как общего уровня самоорганизации, так и ее компонентов. Таким образом, можно выделить следующие особенности их самоорганизации:

- выше среднего уровень развития навыков принятия и удержания цели;
- средний уровень развития навыков: выявления и анализа обстоятельств, значимых для достижения цели; планирования собственной деятельности; контроля своих действий, психических процессов и состояний; исправления своих целей, способов и направлений анализа ситуации, плана действий, критериев оценки, форм самоконтроля и особенностей волевой регуляции;
- средний уровень развития способностей: мобилизовать силы и концентрировать активность в необходимом направлении; концентрироваться на цели;
- средний уровень развития склонности к: фокусированию на созданном плане, ригидности в изменении этапов планирования; использованию дополнительных средств для повышения эффективности самоорганизации; ориентации на настоящем моменте, нежели прошлом или будущем.

Анализ данных, полученных по опроснику диагностики особенностей самоорганизации А.Д. Ишкова с помощью расчета U-критерия Манна-Уитни, показал наличие значимых различий между результатами подростков без склонности к девиантному поведению и с ней по шкалам «целеполагание», «планирование» и «уровень самоорганизации» – нулевая гипотеза отклоняется на уровне значимости $p < 0,05$.

Средний ранг по шкале «целеполагание» у группы с девиантным поведением составил 26,05, у группы без него – 37,65; по шкале «планирование»

у группы со склонностью – 26,74, без – 36,54; по шкале «уровень самоорганизации» у группы со склонностью к девиантному поведению – 26,34, без нее – 37,20. Таким образом, можно отметить низкую выраженность у подростков со склонностью к девиантному поведению общего уровня самоорганизации, а также таких ее компонентов, как целеполагание и планирование.

Анализ данных, полученных по опроснику самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой с помощью расчета U-критерия Манна-Уитни, показал наличие значимых различий между результатами подростков без склонности к девиантному поведению и с ней по шкале «настойчивость» – нулевая гипотеза отклоняется на уровне значимости $p < 0,01$. Средний ранг у группы со склонностью к девиантному поведению здесь равен 24,45, а у группы без – 40,24. Таким образом, у подростков без склонности к девиантному поведению низкая выраженность результатов по настойчивости.

Анализ данных с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показал значимые обратные связи ($p < 0,01$) уровня самоорганизации с делинквентным и самоповреждающим поведением, а также значимую обратную связь ($p < 0,05$) уровня самоорганизации и агрессивного поведения. То есть, чем выше у подростков уровень развития самоорганизации, тем ниже склонность к делинквентному, агрессивному и самоповреждающему поведению, и наоборот.

Таким образом, первая гипотеза нашего исследования подтвердилась частично: чем выше у подростков уровень самоорганизации, тем ниже склонность к делинквентному, агрессивному и самоповреждающему поведению. Вторая же гипотеза подтвердилась полностью: у подростков с легкой и выраженной степенью склонности к девиантному поведению низкая выраженность таких компонентов самоорганизации, как целеполагание, планирование и настойчивость.

Полученные эмпирические данные подтверждают актуальность нашего исследования и показывают возможность разработки развивающей или психокоррекционной программы по профилактике девиантного поведения у подростков через развитие их самоорганизации.

Литература

1. Махлеева Л.В. Роль самоорганизации в профессиональном становлении старшеклассников // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – Том 3. № 76. – С. 247–250.
2. Тараненко О.Н. Суицидальная настроенность молодежи как социально-психологическая проблема общества / О.Н. Тараненко, Я.А. Идрисова // Молодой ученый. – 2016. – № 6. – С. 710–713.

3. Туркина Г.Т. Проблемы современной молодежи: девиантное поведение // Политехнический молодежный журнал. – 2017. – № 2. – С. 1–6. – doi: 10.18698/2541-8009-2017-2-60.

Влияние ведущей сенсорной системы на деятельность курсантов

Васильева Е.Д., Косыгина С.В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(г. Москва)

Сенсорная система – это совокупность периферических и центральных структур в нервной системе, отвечающих за восприятие импульсов разных модальностей от окружающей и внутренней среды.

Информация об определённом виде ведущей сенсорной системы используется для выявления типа доминирующей системы у человека. Сотрудник ОВД в работе, как и курсант в процессе обучения, использует одновременно множество входных сенсорных механизмов, которые обладают такой способностью как сохранение информации на ограниченное время, об этом говорил А. Велфорд. На надёжности в действиях сказывается оценка значимости поступившей информации или случившейся ситуации. Ж. Пиаже писал о такой особенности процессов восприятия, как построение личной схемы сенсорного входа одновременно со схемой ситуации, что в совокупности влияет на построение психометрической схемы для каждого индивида в отдельности. (Клиническая психология..., 2002).

Также сенсорными системами называют анализаторы. Данное понятие ввел российский физиолог И.П. Павлов. Анализаторы – это совокупность образований, которые воспринимают, передают и анализируют информацию из окружающей и внутренней среды организма. Представлены анализаторы органами чувств: нос, уши, кожные покровы и другие. Каждый из этих анализаторов как в совокупности, так и в отдельности, то есть самостоятельно, активно используется и курсантом, и уже работающим сотрудником ОВД. (Ровный А.С., 2001).

Правоохранительная деятельность всегда отличалась своей специфичностью в действиях и тем самым обосновывается тот факт, что в ней активны все типы сенсорной системы, поэтому лучшим сотрудником можно считать того индивида, который активно владеет на высоком уровне как визуальной и аудиальной сенсорной системой, так и кинестетической.

Необходимо сказать несколько слов о каждом типе сенсорной системы, потому что они значимы для деятельности сотрудников ОВД.

1) Визуальный тип - Посредством зрения - благодаря использованию наглядных пособий или непосредственно наблюдая за тем, как выполняются соответствующие действия. Описывают видимые детали обстановки - цвет, форму, размер и внешний облик вещей. Хорошо запоминают зримые детали обстановки, а также тексты и учебные пособия, представленные в печатном или графическом виде.

2) Аудиальный тип - Посредством слуха - в процессе разговора, чтения вслух, спора или обмена мнениями со своими собеседниками. Испытывают потребность в непрерывной слуховой стимуляции. Описывают звуки и голоса, музыку, звуковые эффекты и шумы, которые можно услышать в окружающей их обстановке, а также пересказывают то, что говорят другие люди.

3) Кинестетический тип - Посредством активных движений скелетных мышц - участвуя в подвижных играх и занятиях, экспериментируя, исследуя окружающий мир, при условии, что тело постоянно находится в движении. Привыкли к тому, что вокруг них кипит деятельность. Широко применяют слова, обозначающие движения и действия. Хорошо запоминают свои и чужие поступки, движения и жесты (Ровный А.С., 2001).

Было проведено психологическое исследование с целью определения преобладающего типа сенсорной системы у курсантов 2 курса Института - факультета психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Использовалась методика «Ведущий орган чувств» (ВОЧ), перевод Ефремцевой.

По результатам проведенного исследования были получены следующие данные. 52% респондентов имеют в равной степени развитости все три типа сенсорных систем. У 38% участников исследования преобладает визуальная и кинестетическая модальность. 24% курсантов отметили, что у них доминирует визуальная сенсорная система. 35% респондентов считают ведущей аудиальную модальность. И 41% участников исследования презентовали кинестетическую сенсорную систему приоритетной.

Молодые люди, у которых развиты сразу несколько видов сенсорных систем, наиболее подходят к службе в органах внутренних дел. Ведущая сенсорная система играет важную роль в процессе выбора индивидуальных методов и средств передачи информации, построении общения, совместной деятельности, семейном взаимодействии и других видов деятельности. Так, например, визуальная сенсорная система помогает сотруднику ОВД вовремя выявлять, предотвращать и пресекать преступления и другие правонарушения. Аудиальная модальность способствует раскрытию и расследованию преступлений, обеспечению общественной безопасности (дорожного движения, пожара). Кинестетическая сенсорная система у сотрудника органов внутренних

дел обеспечивает формирование положения тела и «мышечного чувства» в пространстве. Способствует контролю скорости при движении, изменению ориентиров направления и регулированию силы в процессе задержания нарушителей.

Таким образом, курсантам Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя необходимы в образовательном процессе все 3 типа сенсорных систем для эффективного и качественного выполнения служебных задач. Так же надо заниматься саморазвитием: для развития визуальной системы – необходимо акцентировать внимание на мелкие детали, которые нас окружают (цвет, форму разных предметов, их изменение под воздействием потока света и пр.). Для развития аудиальной сенсорной системы – необходимо чаще прислушиваться к шумам внешнего мира (пение птиц, различные шумы, гудение компьютеров среди играющей музыки и т.д.). Для развития кинестетической системы – необходимо развивать чувствительность кожных покровов (прикосновение к поверхностям с закрытыми глазами и определение их характеристик (теплое/холодное, вибрация), а также быть внимательным к болевым ощущениям.

Для сотрудника правоохранительных органов необходимы все вышеперечисленные типы сенсорных систем в силу специфики профессиональной деятельности. Лучшим сотрудником можно считать того индивида, который активно владеет на высоком уровне визуальной, аудиальной и кинестетической модальностью.

Литература

1. Клиническая психология: учебник / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 2002. – 960 с.
2. Психотерапия: учебник / Ред. Б.Д. Карвасарский. – СПб.: Питер, 2007. – 672 с.
3. Реброва Н.П. Физиология сенсорных систем: учебно-методическое пособие / Н.П. Реброва. – СПб., Стратегия будущего, 2007. – 119 с.
4. Ровный А.С. Сенсорные механизмы управления точными движениями человека / А.С. Ровный. – Харьков: ХаГАФК, 2001. – 78 с.

Судебный стресс у представителей по доверенности в гражданском (арбитражном) процессе

Вдовин А.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Профессиональная деятельность судебных юристов (представителей) является одной из наиболее сложных с точки зрения психологии юридической деятельности. Им приходится постоянно действовать в ситуациях с высокой психологической нагрузкой. Часто они связаны со сложностью принятия решений, а также ответственностью за результаты своего труда перед доверителями, госструктурами, правоохранительными органами и профессиональным сообществом.

Можно утверждать, что участие в судебных заседаниях в качестве представителя существенно влияет на формирование профессионального стресса у юристов. Судебный стресс является следствием психологического напряжения, соответствующего атмосфере судебного заседания, т.к. оно характеризуется целым рядом факторов стресса: высокое чувство ответственности, быстрое переключение при необходимости принятии решений в ходе заседания, степень соответствия между ожидаемым и действительным результатом, а также длительное эмоциональное напряжение.

Таким образом, вопрос о сущности и формировании судебного стресса, его влияние на работоспособность судебных представителей приобретает особую актуальность и требует глубокого исследования.

Объект исследования - судебный стресс.

Предмет исследования - судебный стресс у представителей в гражданском (арбитражном) процессе.

Целью нашего исследования являлось выявление особенностей судебного стресса у представителей в гражданском (арбитражном) процессе.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Выявить феноменологию судебного стресса;
2. Выявить компоненты защитного поведения, способствующие преодолению эмоционального выгорания у представителей в гражданском (арбитражном) процессе на фоне судебного стресса;
3. Выявить способы копинга, используемые представителями для совладания с судебным стрессом;
4. Оценить специфику судебного стресса у представителей мужского и женского пола;
5. Выявить мишени психологической профилактики и коррекции судебного стресса у представителей в гражданском (арбитражном) процессе.

Нами была выдвинута гипотеза. Мы предположили, что рациональные и функциональные способы копинга способствуют уменьшению выраженности компонентов эмоционального выгорания как стратегии защитного поведения и состояний сниженной работоспособности у представителей в гражданском (арбитражном) процессе.

Выборка составила 40 юристов с высшим юридическим образованием и опытом участия в судебных заседаниях в качестве представителей в гражданском (арбитражном) процессе: 24 мужчины и 16 женщин.

Для того, чтобы изучить судебный стресс у представителей, мы выбрали «Методику диагностики уровня эмоционального выгорания» В.В.Бойко. Данная методика позволила нам выявить выраженность компонентов «выгорания» как стратегии защитного поведения у представителей. Также мы использовали «Методику «Способы совладания» С. Фолкман (S. Folkman), Р. Лазарус (R. Lazarus) и др. (в адаптации Е. В. Битюцкой), которая позволила нам определить, какие способы копинга используют представители.

Кроме этого, нами была использована «Методика дифференцированной оценки состояний сниженной работоспособности (ДОРС) А.Б. Леоновой и С.Б. Величковской, которая позволила оценить состояния сниженной работоспособности и результативности профессиональной деятельности представителей.

Также для более углубленного понимания особенностей судебного стресса у представителей нами был составлен опросник, содержащий 10 вопросов закрытого типа. Вопросы были направлены на выявление стрессовых ситуаций, связанных с судебным процессом.

В результате нашего исследования были сделаны следующие выводы. Преобладающим у представителей в гражданском (арбитражном) процессе является средний уровень эмоционального выгорания.

Корреляционный анализ шкал показал, что такие способы копинга как: «Планомерное решение проблем» и «Позитивная переоценка» способствуют уменьшению выраженности компонентов эмоционального выгорания как стратегии защитного поведения и состояний сниженной работоспособности у представителей в гражданском (арбитражном) процессе. В свою очередь, такой способ копинга как «Фантазирование и надежда на внешние силы» способствует формированию эмоционального выгорания и состоянию сниженной работоспособности.

На основании опроса респондентов выявлены факторы стресса. К внутренним стрессогенным факторам, которые по мнению респондентов наиболее сильно влияют на представителей, в частности являются: Высокий уровень ответственности, связанный с выбором правильной правовой позиции в

рамках судебного заседания и необходимость защищать интересы доверителя, который заведомо нарушил требования закона. К наиболее влияющим внешним факторам респонденты отнесли, в частности, задержку начала судебного заседания на несколько часов из-за плотного графика судебных заседаний, проигрышную позицию по делу, судебные ошибки, непрофессионализм работников суда, сбои в работе судебных органов, которые приводят к непрогнозируем результатам судебного процесса.

В ходе нашего исследования было выявлено, что у представителей мужского и женского пола судебный стресс выражен практически одинаково. Основными стрессогенными факторами у представителей в гражданском (арбитражном) процессе являются:

- постоянный дефицит времени;
- необходимость оперировать большим объемом информации и постоянно поддерживать высокий профессиональный уровень;
- высокая ответственность за принимаемые решения;
- эмоциональное напряжение в рамках судебного процесса.

В итоге можно сделать вывод о том, что наша гипотеза частично подтвердилась.

Данное исследование может стать основой для дальнейшей разработки научно-обоснованных рекомендаций и мер по профилактике профессиональных стрессовых расстройств.

Литература

1. Бодров В.А. Информационный стресс: монография / В.А. Бодров. – М.: Пер Сэ, 2000. – 352 с.
2. Бердин Д. Главные источники стресса в профессии юриста / Д. Бердин, Е. Грибкова, Ю. Зачек. // Legal Insight. – 2017. – № 8. – С. 59–61.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. – СПб.: Питер, 2009. – 329 с.

Особенности жизнестойкости у студентов-психологов с синдромом выгорания

Горюнова Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В последние годы проблема эмоционального выгорания становится все более актуальной. Этому способствуют нестабильные условия труда вследствие пандемии, перевода на дистанционный режим работы, закрытия организаций, сокращения сотрудников и прочих объективных условий. Также считается, что наиболее подвержены этому синдрому люди социальных профессий. Однако можно выделить ряд факторов, которые предупреждают его появление. И, по нашему мнению, одним из таких факторов является жизнестойкость. Это обосновывается наличием тесной связи между жизнестойкостью и стрессом. Однако, проблема редко рассматривается в контексте учебной деятельности, в особенности, в социальной-направленной учебной деятельности, подразумевающей активную эмоциональную вовлеченность. Учитывая все вышесказанное, мы считаем актуальным исследовать данную проблему именно у студентов-психологов.

Объект исследования – психологические аспекты жизнестойкости.

Предмет исследования – особенности жизнестойкости при синдроме выгорания у студентов-психологов.

Целью нашего исследования являлось установление особенностей жизнестойкости у студентов-психологов с синдромом выгорания.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Дать определение понятию “жизнестойкость” и описать основные компоненты жизнестойкости;
2. Раскрыть понятие и ключевые фазы синдрома эмоционального выгорания;
3. Описать специфику профессионального развития студентов-психологов;
4. Установить наличие синдрома эмоционального выгорания у студентов-психологов;
5. Определить уровень жизнестойкости у студентов-психологов;
6. Выявить особенности жизнестойкости у студентов-психологов с синдромом выгорания.

Нами были выдвинуты две гипотезы. Мы предположили, что, во-первых, у студентов-психологов с синдромом эмоционального выгорания присутствуют такие особенности жизнестойкости как: низкая выраженность компонентов “вовлеченность”, “контроль” и “принятие риска”, а во-вторых, что уровень жизнестойкости обратно коррелирует с уровнем эмоционального выгорания.

Выборка составила 40 человек, которыми являлись студенты 5 курса факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета в возрасте от 21 до 24 лет.

Для определения особенностей жизнестойкости студентов-психологов мы использовали тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И.

Рассказовой). Данная методика позволила нам выявить и рассмотреть не только общий уровень жизнестойкости, но и выраженность отдельных компонентов, входящих в структуру данного феномена.

Также мы использовали “Методику диагностики уровня эмоционального выгорания” В. В. Бойко, которая позволила нам определить не только сформированность или несформированность фаз эмоционального выгорания, но и выраженность отдельных симптомов, входящих в его структуру.

В результате нашего исследования были сделаны следующие выводы.

Под понятием “жизнестойкость” понимается такая черта личности, которая посредством объединения жизнестойких убеждений позволяет не только эффективно сопротивляться стрессовым факторам, но и преобразовывать их в ресурсы.

Под жизнестойкими убеждениями подразумевается три компонента, входящие в структуру рассматриваемого понятия, согласно концепции С. Мадди – вовлеченность, контроль, принятие риска (Леонтьев Д. А., 2006).

Также мы пришли к выводу, что под определением эмоционального выгорания будем подразумевать синдром, который возникает, развивается и прогрессирует под воздействием хронических стрессов в профессиональной среде, приводя к состоянию психоэмоционального истощения. Следовательно, возникновение эмоционального выгорания происходит в тех стрессогенных ситуациях, в которых адаптационные возможности профессионала превышены.

Согласно концепции В.В. Бойко, выделяются такие фазы эмоционального выгорания как: напряжение, резистенция и истощение (Бойко В.В., 2003).

Кроме того, мы рассмотрели этапы профессионального становления и определили, что выпускной курс в университете сопряжен с наличием кризиса профессионального выбора согласно Э.Ф. Зееру (Зеер, Э.Ф., 2003), исходя из этого, в нашем исследовании рассматривались студенты-старшекурсники.

В ходе нашего исследования было выявлено примерно равное преобладание низкого и среднего уровней жизнестойкости у студентов-психологов.

А также мы определили, что у 35% испытуемых сформирована фаза «напряжение», что говорит о наличии постоянных и усиливающихся стрессовых факторов, способствующих формированию тревожного напряжения, которое является «запускающим механизмом в формировании эмоционального выгорания. Также можно сделать вывод о том, что наиболее распространенной является фаза резистенции, так как она сформирована у большего количества испытуемых (47,5%), в сравнении с другими фазами. Эти результаты говорят об активном сопротивлении стрессовым обстоятельствам с целью уменьшения нервного напряжения. В фазе «Истощение» у равного количества испытуемых

(32,5%) сформирована и не сформирована данная фаза. Это свидетельствует о том, что у 32,5% присутствует снижение общего энергетического тонуса, ослабление нервной системы. Стоит также отметить, что у 35% фаза находится в стадии формирования.

Для обработки результатов мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В результате была выявлена обратная связь между уровнем жизнестойкости и степенью выраженности синдрома эмоционального выгорания у студентов-психологов. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). Следовательно, чем выше уровень жизнестойкости, тем более успешно человеку удается справляться со стрессовыми факторами, преобразовывать их в возможности для личности и тем ниже возможность формирования синдрома эмоционального выгорания, и наоборот.

Для рассмотрения особенностей жизнестойкости у студентов-психологов мы выделили две группы испытуемых с целью сравнения результатов участников с синдромом эмоционального выгорания и без. Для статистической обработки данных мы использовали U-критерий Манна-Уитни. Согласно полученным результатам, группа без выгорания демонстрирует большую выраженность компонентов «вовлеченность», «контроль» и «принятие риска», чем группа с выгоранием.

Итак, можно сделать вывод о том, что обе наши гипотезы подтвердились. В качестве рекомендации по повышению эффективности профессиональной подготовки психологов предлагаем создание программ, направленных на профилактику эмоционального выгорания на этапе обучения в университете через развитие компонентов жизнестойкости.

Литература

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – СПб: Речь, 2003. – 87 с.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов / Э.Ф. Зеер. – 2. изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 329 с.
3. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости. / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – Москва: Смысл, 2006. – 63 с.

Уровень правосознания студентов, обучающихся по специальности, связанной с компьютерной безопасностью

Дадашова С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Широкое применение и развитие информационных технологий делает информацию подверженной влияниям чрезвычайно многих факторов. Количество несанкционированных воздействий на информационные системы и утечек конфиденциальной информации ежегодно увеличивается. Отметим, что наиболее опасным риском, связанным с утечками информации, является ее неконтролируемая передача внутренним нарушителем — человеком. По статистике наибольшее количество утечек информации происходит по инсайдерским каналам, то есть когда сотрудники организаций умышленно ее воруют и передают третьим сторонам.

Если оценивать на сегодняшний день процедуру отбора кадров, можно наблюдать следующее: компании и банки акцентируют своё внимание лишь на определении уровня профессиональных знаний будущих кандидатов. Этот уровень определяется по формальным признакам: образование, опыт работы. И лишь немногие компании уделяют внимание личностным качествам будущих соискателей. В современных условиях каждый сотрудник может представлять интерес для конкурентов или же криминальных групп. В связи с этим у работодателя повышаются требования к личным качествам кандидатов на ту или иную должность: как правило, риск утечки информации по техническим каналам ниже, чем по каналам, заключающим в себе человеческий фактор.

Современная ситуация информационной безопасности, повышение роли права в жизни людей предъявляют новые требования к подготовке специалиста любого профиля. Особое внимание уделяется студентам, обучающимся по специальности, связанной с компьютерной безопасностью.

Цель исследования — определить уровень правосознания студентов, обучающихся по специальности, связанной с компьютерной безопасностью.

Гипотезы исследования:

- 1) Уровень правосознания у большинства студентов как минимум, средний, поскольку в качестве своей будущей специальности они выбрали защиту информации.
- 2) Нет различий в уровне правосознания и его составляющих между студентами, обучающимися на различных курсах (первом и втором, третьем, четвертом - вместе).
- 3) Нет связи между уровнем правосознания и личностными ценностями испытуемых.

Эмпирический материал исследования. Эмпирическое исследование проводилось на базе МГТУ им. Баумана, в период с сентября 2021 года по февраль 2022 года. В исследовании приняли участие 133 студента: 19 девушек и 114 юноши, обучающихся на 1, 2, 3 и 4 курсах по специальностям 10.05.01 – «Компьютерная безопасность» и 10.05.03 – «Информационная безопасность автоматизированных систем». Средний возраст испытуемых составил 18 лет.

Методики исследования:

- 1) Методика изучения обыденного правосознания (Л.А. Ясюкова);
- 2) Методика анализ компонентов правового сознания (Муслумов Р.Р.);
- 3) Методика PVQ-R2.

Перейдем к обсуждению результатов. По методике Р.Р. Муслумова «Анализ компонентов правового сознания» значение медианы шкалы «Знания права» равно 71, что соответствует высокому уровню развития этого компонента. Это означает, что у респондентов достаточно развит кругозор в сфере правового знания. Они ориентируются в основных законах и правовых нормах. Медианы всех остальных шкал «Правовая система», «Институты права», «Правовые установки», «Правовая активность», «Непредубежденность» соответствуют среднему уровню развития компонентов.

Если смотреть на процентиля, мы увидим, что только около 30% студентов имеют высокий уровень развития всех компонентов правосознания.

Перейдем к методике Л.А. Ясюковой. Значение медианы шкалы Общий уровень развития правового сознания равно 16, из этого следует что у большинства студентов основы правосознания заложены. Если смотреть процентиля по данной шкале, мы увидим, что лишь около 10% испытуемых набрали выше 19 баллов (хороший уровень сформированности).

Перейдем к значениям медиан сфер правосознания. Бытовая сфера и правовые знания – хороший уровень сформированности, деловая и гражданская сферы – средний уровень.

Подведем итог проверки первой гипотезы исследования, которая заключалась в том, что уровень правосознания у большинства студентов как минимум, средний, поскольку в качестве своей будущей специальности они выбрали защиту информации.

В соответствии с методикой Р.Р. Муслумова гипотеза подтверждается: по шкале Знания права медианное значение всей выборки соответствует высокому уровню развитию данного компонента. По остальным пяти шкалам – среднему уровню сформированности.

В соответствии с методикой Л.А. Ясюковой гипотеза также верна: медианное значение общего уровня развития правового сознания соответствует

среднему. При этом бытовая сфера и правовые знания имеют хороший уровень сформированности, деловая и гражданская сферы – средний уровень.

Чтобы определить есть ли различия по уровню сформированности компонентов правосознания между первым курсом и старшими курсами (2, 3, 4 курсы) воспользуемся критерием U-Манна-Уитни.

По методике Р.Р. Муслумова гипотеза принимается только для шкалы, соответствующей правовым установкам студентов. По остальным пяти шкалам принимается нулевая гипотеза, то есть различий между студентами разных курсов нет. Отметим, что все гипотезы проверялись на уровне значимости равном 0,05.

Таким образом, у респондентов разных возрастов различается именно уровень сформированности просоциальных правовых установок.

Оценим результаты, полученные с помощью методики Л.А. Ясюковой. Сравним, есть ли различия в уровнях правосознания между первым курсом и старшими курсами.

По общему уровню правосознания принимается нулевая гипотеза, соответственно различий нет. Различия есть только по гражданской сфере. Она связана с самоидентификацией испытуемых как гражданина государства.

Подведем итог проверки второй гипотезы. По методике Р.Р. Муслумова различия есть только по шкале правовые установки. По остальным пяти шкалам: знание права, правовая система, институты права, правовая активность, непредубежденность различий между студентами разных курсов нет. По методике Л.А. Ясюковой по общему уровню различий нет. Различия есть только по гражданской сфере.

Для проверки третьей гипотезы, которая заключается в том, что нет связи между компонентами и уровнем правосознания и личностными ценностями испытуемых. мы используем коэффициент ранговой корреляции ρ Спирмена.

Мы наблюдаем слабую положительную либо слабо отрицательную связь между правосознанием и личностными ценностями. Заметим, что для мета-ценности «Сохранение» методики Шварца PVQ-R2, как правило, характерна слабая положительная связь. В то время как для мета-ценности «Самоутверждение» характерна слабая отрицательная связь с правосознанием.

На основании полученных данных можно сделать вывод о существовании некоторой тенденции, которая заключается в том, что, в отношении сферы правосознания испытуемые придерживаются консервативных взглядов. То есть они выступают за сохранение устоявшихся культурных и правовых ценностей, традиций и законов. В то же время респонденты признают тот факт, что законодательные нормы могут ограничивать свободу их действий. Эти нормы в их сознании ассоциируются с ригидностью, малоподвижностью и отсутствию

чувственного удовольствия. В пользу этого говорит наличие слабой положительной связи с мета-ценностью «Сохранение» и слабой отрицательной связи с мета-ценностью «Открытость к изменениям».

Подводя итог, можно отметить, что у студентов наблюдается средний уровень правосознания как по методике Р.Р Муслумова, так и по методике Л.А Ясюковой. Корреляционный анализ правовой сферы и ценностных ориентацией показал наличие только слабых связей личностных ценностей с компонентами правосознания.

Особенности отношения к людям, страдающим психическими расстройствами

Беликова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Лица с психическими расстройствами – одна из наиболее стигматизированных социальных групп, подвергающаяся дискриминации. Анализ литературы показывает, что агрессивность, склонность к насилию, опасность, непредсказуемость, потеря контроля – преобладающие характеристики, приписываемые обществом данной категории лиц (Бовина И.Б., Панов М.С., 2005; Голенков А.В., 2010). В связи с этим 68% американцев не желает создавать семью с людьми, имеющими психические расстройства, 58% не хочет работать с ними в тесном сотрудничестве, 56% - проводить свободное время (Martin, J. K., 2000). Кроме стигматизации, выделяют и другие факторы, влияющие на отношение к психически больным: опыт взаимодействия, осведомленность в области психических заболеваний, ценностные ориентации и т.д. (Lolich M, Leiderman EA., 2008; Шевеленкова Т.Д., 2015; Расулов А.Р., 2018).

В настоящее время происходит реформирование психиатрической службы в сторону перехода к нестационарной форме обслуживания. Статьей 18 федерального закона от 02.08.1995 N 122-ФЗ (ред. от 25.11.2013) "О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов" предусмотрена возможность социально-медицинского обслуживания на дому в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, в стадии ремиссии. В рамках юридической психологии решаются задачи разработки критериев перевода получателей стационарных социальных услуг, страдающих психическими расстройствами, на нестационарные формы обслуживания. При этом основным барьером на пути к полноценной общественной интеграции, по нашему мнению и по мнению специалистов, может стать высокий уровень общественной стигматизации и низкая общественная толерантность (Вагина Е.С., 2017).

Целью исследования является изучение общественного мнения о людях, страдающих психическими расстройствами. С этой целью нами было разработано интервью, позволяющее исследовать особенности отношения к

людям, страдающим психическими расстройствами и находящимся не в закрытых медицинских или социальных учреждениях. Интервью представляет собой 27 вопросов открытого, полужакрытого и закрытого типа и включает в себя пять блоков: опыт взаимодействия с людьми, страдающими психическими расстройствами, представления о психических заболеваниях, осведомленность о получении психиатрической помощи, отношение людей к возможности нестационарного проживания лиц с психическими заболеваниями и поведенческие особенности в различных социально-бытовых ситуациях. Целью настоящей публикации является представление результатов пилотажного применения интервью.

Выборка исследования: 5 студентов 3-го курса, обучающихся по специальности «Клиническая психология».

Результаты: Установлено, что испытуемые, как правило, описывали опыт взаимодействия с людьми, имеющими тяжелую симптоматику, используя такие формулировки, как: «не подавал признаков социальной активности», «почти не проявлял эмоций». Преобладающими эмоциями при взаимодействии с лицами, страдающими психическими заболеваниями, были страх за свою безопасность, неловкость, обеспокоенность: «не знаю, что от него ожидать». Некоторые испытуемые отмечали сильную усталость при взаимодействии.

В рамках представлений о психических заболеваниях шизофрению испытуемые ассоциировали преимущественно с возникновением галлюцинаторно-бредовой симптоматики и «собственным видением мира». Часть испытуемых указывали на агрессивность и непредсказуемость. Человека с аутизмом представляли, как замкнутого, социально отстраненного, совершенно не настроенного на общение. Болезнь Альцгеймера связывали с поздними возрастными рамками и проблемами с памятью: «забывает закрыть кран, выключить плиту, ухаживать за собой». В связи с возникшей сложностью в разграничении деменции и болезни Альцгеймера многие испытуемые дали схожие ответы при описании деменции, описывали больного как «взрослого ребенка»: «может разучиться держать ложку, привычные вещи становятся новыми». Больше половины испытуемых главным фактором при описании умственной отсталости выделяли несоответствие интеллектуального уровня возрастным нормам.

В рамках осведомленности о получении психиатрической помощи один респондент из пяти совсем не знал, куда можно обратиться за помощью. Трое из пяти испытуемых предпочитали частные клиники, пояснив, что «в государственных врачам нет до тебя дела», «не хочется становиться на учет». Они не были осведомлены о месте приема участкового психиатра.

Для большинства испытуемых наличие соседа с психическим заболеванием было бы нежелательным, но препятствовать этому они бы не стали. Основными опасениями, преимущественно со стороны женской части выборки, были страх за свою собственную жизнь и безопасность. Они боялись, что «в подъезде или в лифте непонятно, что придет ему в голову», не доверяли способности больных разумно решать бытовые ситуации: «устроит пожар», «случайно затопит». Многие испытуемые признавались, что не смогли бы дружить и поддерживать близкий контакт с одноклассником, страдающим психическим расстройством, вне зависимости от того, какое это заболевание.

При встрече с человеком, который высказывает странные суждения и разговаривает сам с собой, большинство респондентов прошли бы мимо, если со стороны такого человека не наблюдаются противоправные действия. В ситуации необъяснимого шума в квартире, где проживает человек с психическим расстройством, большинство вызвало бы полицию, «скорую» или службу спасения, а некоторые не стали бы предпринимать действий из-за непредсказуемости поведения такого человека.

Таким образом, результаты пилотажного исследования подтверждают наличие негативных предубеждений в отношении лиц, страдающих психическим расстройством. Пилотажное исследование позволило предварительно оценить само интервью как интересный, перспективный метод изучения стигматизации.

Литература

1. Бовина И.Б. Обыденные представления о психически больных в студенческой среде / И.Б. Бовина, М.С. Панов // Социологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 103–117.
2. Голенков А.В. Общественные предубеждения к психиатрии в Чувашии // Психическое здоровье. – 2010. – Том 8. – № 4(47). – С. 42–46.
3. Голенков А.В. Отношение жителей Алатырского района к психическим больным и психиатрии / А.В. Голенков, С.А. Сафронов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2010. – № 6. – С. 132–138.
4. Ениколопов С.Н. Стигматизация и проблема психического здоровья // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы: к 85-летию Юрия Федоровича Полякова // Под общей ред. Н.В.Зверевой, И.Ф.Рощиной. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2013. – С. 109–121.
5. Расулов А.Р. Исследование факторов, влияющих на отношение к пациентам с психическими расстройствами, в Азербайджане // Журнал неврологии и психиатрии. – 2018. – Том 118. – № 5. – С. 104–110. – doi: 10.17116/jnevro201811851104.

6. Шевеленкова Т.Д. Отношение к психически больным людям в современном российском обществе / Т.Д. Шевеленкова, Н.А. Твердохлеб. // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2015. – № 2(145). – С. 139–149.
7. Lolich M. Estigmatización en la esquizofrenia y otros trastornos mentales / M. Lolich, E.A. Leiderman. – Vertex. – 2008. Vol. 19. – P. 165–173.

Психометрическая оценка интеллекта у больных Тюрмеровского психоневрологического интерната

Габси М.Ф.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Д. Векслер определяет интеллект как «...глобальную способность человека действовать целенаправленно, рационально мыслить и эффективно взаимодействовать с окружающей средой» (Wechsler D., 1955). Для оценки интеллекта в психологии применяются стандартизированные методы оценки, использование которых является обязательным для установления клинического диагноза умственной отсталости (Новикова Г.Р., 2021). В российской клинической практике самым популярным методом психометрической оценки интеллекта является тест Векслера, адаптированный А.Ю. Панасюком (1973). Однако и за рубежом, и у нас хорошо известны ограничения данной методики, основным из которых является наличие «популяционных критериев» и необходимость регулярно их пересматривать (Зверева Н.В., 2015).

Цель настоящей работы – анализ психометрических показателей интеллекта у лиц с психическими расстройствами, являющихся получателями стационарных социальных услуг психоневрологического интерната (ПНИ). Исследование проводилось как часть комплексного психолого-психиатрического обследования получателей стационарных социальных услуг.

Материал исследования

Тюрмеровский ПНИ – учреждение стационарного социального обслуживания Владимирской области, созданный как социально-реабилитационный центр подготовки получателей стационарных социальных услуг к повышению гражданско-правового статуса и переводу на нестационарные формы социального обслуживания. Исследование носило сплошной характер. Выборку составили 30 человек: 13 мужчин, 17 женщин, в

возрасте от 25 до 75 лет. Из них 12 страдали шизофренией, 14 – умственной отсталостью, 4 – органическими психическими расстройствами.

Методики исследования: тест Векслера, Монреальская шкала когнитивных способностей (шкала MoCa).

Результаты

У обследуемых с умственной отсталостью наибольшую сложность вызывали субтесты «Арифметический» и «Складывание фигур». У 39% человек данной группы степень выраженности интеллектуальных нарушений, измеряемых стандартизированными методами, не соответствовала их диагнозу: IQ был выше 69, тогда как согласно диагностическим критериям МКБ-10, при легкой умственной отсталости этот показатель должен быть от 50 до 69; при умеренной умственной отсталости – от 35 до 49.

У лиц, страдающих шизофренией, обращали на себя внимание высокие оценки по субтестам вербального интеллекта, в сопоставлении с показателями невербального интеллекта. При сравнении показателей IQ у испытуемых разного возраста и с разными формами заболевания значимых различий выявлено не было.

У пациентов с органическими расстройствами также был выявлен менее развитый невербальный интеллект. Наибольшие затруднения у них вызвали субтесты «Кубики Косса», «Последовательность картинок» и «Складывание фигур».

У испытуемых, которые по результатам комплексного обследования могут быть переведены на нестационарные формы социального обслуживания, были существенно выше уровень общей осведомленности, показатели долговременной памяти.

Согласно результатам корреляционного анализа шкал MoCa и теста Векслера выявлены значимые корреляции между субтестами: Шифровка – Зрительно-конструктивные навыки ($r = 0,366$), Повторение цифр – Внимание ($r = 0,423$). Первый субтест шкалы MoCa «Зрительно-конструктивные навыки» может соотноситься с субтестом «Узор» теста Векслера IV.

Выводы

Применение в экспериментально-психологическом исследовании стандартизированных методов оценки интеллекта является необходимым как для комплексной оценки степени выраженности интеллектуальных нарушений, так и для соотнесения с диагностическими критериями.

Нерегулярность пересмотра популяционных норм в отношении средних показателей интеллекта, недостаточная дифференциация показателей интеллекта для обследуемых со спецификой интеллектуальной деятельности при разных вариантах патологии ограничивают возможности применения теста

Векслера. Тест Векслера, адаптированный в конце XX века, не в полной мере отвечает современным критериям оценки интеллекта как за счет устаревших нормативных показателей, так и за счет недоработки содержательных параметров (Зверева Н.В., 2009). В то же время он по-прежнему остается наилучшим из возможных альтернатив. За рубежом тест Векслера регулярно пересматривается и дополнен следующими субтестами: «Фигура и вес фигуры», «Классификация», «Матричное рассуждение». В IV версию теста Векслера в субтесты «Шифровка», «Повторение цифр» включены дополнительные параметры.

По нашему мнению, при использовании в клинической практике Векслера II, применяемого в РФ, для того, чтобы полученные с его помощью результаты можно было сопоставлять с результатами зарубежных исследований, в которых используется Векслер IV, необходимо применять дополнительно методики Корректирующая проба Бурдона, Тест комплексной фигуры Рея, «Классификация предметов», Прогрессивные матрицы Равена.

Литература

1. Зверева Н.В. Медицинская (клиническая) психология: научные проблемы, практическая деятельность и вопросы подготовки специалистов / Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина, Е.Г. Каримулина // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2009. – № 1. – URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2009-1-1/nomer/nomer04.php (дата обращения: 15.02.2022).
2. Зверева Н.В. Проблемы дизонтогенеза в клинической психологии / Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина // Культурно-историческая психология. – 2008. – Том 4. – № 3. – С. 39–43.
3. Новикова Г.Р. Психодиагностическая компетентность психолога при оценке умственной отсталости в детско-подростковом возрасте: переход к классификациям DSM-5 и МКБ-11 // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы: к 110-летию С.Я. Рубинштейн: материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: 25–26 ноября 2021 г. / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – С. 146–149.
4. Психометрическая оценка интеллекта у детей с нарушениями психического развития / Н.В. Зверева [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2015. – Том 115. – № 5-2. – С. 21–27. – doi: 10.17116/jnevro20151155221-27.

5. Skala inteligencji Wechslera: WAIS-R: pol. adaptacja, standaryzacja, normalizacja i wykorzystanie w diagnostyce psychologicznej / Pod red. J. Brzezińskiego i E. Hornowskiej. – Warszawa: Wydaw. nauk. PWN, 1993. – 461 с.
6. Wechsler D. Manual for the Wechsler Adult Intelligence Scale / D. Wechsler. – New York: The Psychological Corporation, 1955. – 110 p.

**Особенности эмоционального отношения к образу Я у лиц, совершивших
насильственные действия в отношении несовершеннолетних, в
зависимости от отношения к собственному сексуальному влечению**

Кривоколиско В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н. В.

Насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних являются крайне травматичными и приводят к тяжелым последствиям, ведущим к дезадаптации во всех сферах жизни. Последствия не ограничиваются проблемами медицинского характера, они затрагивают сферы интимно-личностных, социальных отношений. Также возможно возникновение сексуальных аномалий ввиду закрепления пережитого опыта (Арутюнян А.В., 1984; Морозова Н.Б. 1996).

Необходимо отметить важность разграничения лиц, имеющих расстройство влечения, и тех лиц, у которых данного расстройства нет. В настоящей работе исследовались лица с установленным диагнозом педофилии.

В МКБ-10 педофилию определяют как наличие устойчивого или доминирующего полового влечения к несовершеннолетним вне зависимости от пола в допубертатном и раннем пубертатном возрасте. Важно отметить, что возраст субъекта должен превышать шестнадцатилетний порог, а также необходима разница с объектом посягательства в 5 лет.

Цель исследования – изучение особенностей эмоционального отношения к образу Я у лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, в зависимости от отношения к собственному сексуальному влечению.

В исследовании использовались архивные материалы по делам о действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетних 44 человек с расстройством сексуального влечения в виде педофилии, проходивших комплексную судебную психолого-сексолого-психиатрическую экспертизу в ГНЦССП им. Сербского за 2012 год.

Полученные в процессе исследования данные о модальности эмоционального отношения к образу Я у лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, а также данные о характере отношения к собственному сексуальному влечению позволяют выявить и описать следующие особенности:

– Преобладание при эго-синтонном варианте преимущественно положительных характеристик содержания образа Я соотносится с имеющимися представлениями о спаянности аномальной потребности с личностью, при которой патологическое влечение занимает место ведущей, основной потребности, перестраивая тем самым мотивационную сферу, что ведет к обслуживанию личностью собственного аномального влечения.

– При эго-синтонном варианте выявляется и распространенность амбивалентного самоотношения к содержанию образа Я, что, вероятно, можно интерпретировать как особенность адаптации к собственной личности и влечению, при которой, несмотря на относительное принятие собственных особенностей, ввиду возможного частичного сохранения критичности, возникает внутреннее напряжение, обуславливающее амбивалентное самоотношение, которое может быть связано с утратой привычных способов удовлетворения собственных сексуальных потребностей. Возможно, амбивалентное самоотношение является отражением слабой личностной организации, внутренней фрустрированности, которые возникают вследствие того, что у лиц с эго-синтонным вариантом отношения к собственному влечению нет четкой дифференциации объекта влечения, так как главным для них является удовлетворение собственной патологической потребности (Дворянчиков, Н.В., 2018), куда включается имеющееся искажение в принятии мужской половой идентичности, недифференцированность образа Я, а также нарушения целостности самосознания, проявляющиеся в диффузности, неустойчивости Я (Дворянчиков, Н.В., 2006). Вследствие этого у такого лица нет эталона, который можно было бы взять за основу личностной организации, а также образа, с которым можно идентифицироваться.

Эти гипотезы требуют дальнейшего исследования на большей выборке, но уже сейчас можно предположить, что данные выводы могут быть использованы в рамках разработки психокоррекционных программ. Например, коррекционные программы могут быть направлены на развитие самосознания лиц, у которых, по мере прохождения программы, содержание представлений о себе будут более определенными, а также в них будут включены мужские полоролевые стереотипы, ввиду которых будет осуществляться идентификация с мужским образом.

– Преобладание при эго-дистонном варианте преимущественно отрицательных характеристик содержания образа Я соотносится с имеющимися представлениями авторов о наличии конфликта, обусловленного несовпадением ценностно-смысловой сферы личности с аномальной потребностью, что перед непосредственной реализацией патологического влечения запускает процесс борьбы мотивов, ввиду чего образ объекта влечения представляется конфликтным.

- При эго-дистонном варианте влечения выявляется отсутствие амбивалентных характеристик содержания образа Я, что также является значимым показателем, который можно интерпретировать как сохранность личностной организации, отвечающей за оценку собственного поведения и содержания личностных характеристик. Это отражается в контроле собственного поведения на основе его критического оценивания, что проявляется при описании лицами с эго-дистонным вариантом отношения к собственному влечению образов полов в социально приемлемых и стереотипных понятиях. Однако данное предположение требует дальнейшего изучения на большей выборке.

Литература

1. Арутюнян А.В. Сексуальные перверзии у лиц с органической патологией головного мозга в судебно-психиатрической практике: автореф. дисс. канд. мед. наук. / А. В. Арутюнян. – М.:, 1984. – 25 с.
2. Дворянчиков Н.В. Особенности гендерной идентичности при педофилии и их роль в реализации аномального сексуального влечения [Электронный ресурс] // Психология и право: электронный научный журнал / Н.В. Дворянчиков, Н.Н. Юшина, Т.Е. Макарова – 2018. – Том 8. – №3. С. 179– 189. doi:10.17759/psylaw.2018080313
3. Дворянчиков Н.В. Противоправные сексуальные действия в отношении детей / Радченко Н.А., Дворянчиков Н.В. // Аномальное сексуальное поведение: коллективная монография / под ред. А.А. Ткаченко. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 70 – 222.
4. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, онлайн версия. Принята 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения С изменениями и дополнениями Всемирной Организации Здравоохранения 1990-2021 гг.
5. Морозова Н.Б. Психические отклонения у детей и подростков жертв сексуального насилия: материалы всероссийской научно-практической конференции Дети и насилие. – Екатеринбург, 1996. – С.78-81.

Нейропсихологический подход к изучению субнормы

Потапов А.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Проблема возможности построения континуума «норма-патология», «здоровье-болезнь» с однозначным определением его полюсов и спектра промежуточных состояний психики рассматривается сегодня представителями разных наук. В практическом плане решение этой проблемы способствовало бы развитию существующих подходов к первичной профилактике, коррекции, консультированию, клинико-психологической диагностике. Данные современных исследований указывают на перспективность модели «ступенчатого» перехода от здоровья к болезни, где один полюс континуума представлен практическим здоровьем, противоположный – болезнью, а промежуточные состояния обозначены как ослабленное здоровье и предболезнь (Бойко О.В., 2004).

Нас особенно интересует последнее состояние, при котором в связи с недостаточностью приспособительных механизмов формируется тенденция к разного рода болезненным реакциям на меняющиеся жизненные обстоятельства. Функциональное неблагополучие мозговых структур, лежащее в основе такой недостаточности, получило название субнормального типа минимальной мозговой дисфункции (Линьков В.В., Новикова А.Е., Лобанова Л.В., 2002; Тиганов А.С., 1998). Соответствующий вариант психического развития ребенка нейропсихологи обозначают как иррегуляционное (Микадзе Ю.В., Корсакова Н.К., 1994) или атипичное (Усанова О.Н., 1995). Во всех случаях основным патогенетическим механизмом оказывается задержка формирования функциональных связей между различными мозговыми структурами, обусловленная воздействием негрубых пре- и перинатальных вредностей. При этом сколь бы то ни было заметные анатомо-морфологические и физиологические отклонения на уровне ЦНС отсутствуют.

Общая недостаточность нейродинамики на фоне легкого дисбаланса процессов возбуждения и торможения, неравномерность формирования отдельных нейропсихологических факторов оставляют возможность выхода на нормативный уровень, однако это возможно только при наличии достаточных индивидуальных компенсаторных возможностей и благоприятных средовых условий развития. Детализируя предпосылки для возможного перехода от

субнормы к норме с учетом представлений о критических периодах развития, можно выделить:

- нейросоматическую готовность всех систем организма и, прежде всего, головного мозга к актуализации адекватного адаптивного спектра реакций и программ взаимодействия с внешним миром;
- обогащенность внешней среды, изменчивость и постоянство которой должны находиться в оптимальном соотношении;
- учет законов онтогенеза психики при реализации воспитательных и обучающих воздействий (а также при повседневном общении с ребенком).

Обсуждая нейропсихологическую субнорму, очевидной группой особого внимания следует назвать часто болеющих детей. Респираторные заболевания, имеющие большую распространенность в детской популяции и сопровождающие многих детей практически постоянно, снижают качество кислородного обеспечения мозга, ограничивают ребенка в общении со сверстниками и заставляют его пропускать занятия, а также оказываются причиной специфических дисфункций субкортикальных образований (Антропов Ю.Ф., Шевченко Ю.С., 2000; Горячева Т.Г., 2013). Согласно данным синдромного анализа, часто болеющие дети значительно отличаются от сверстников по показателям развития динамического праксиса и пространственного компонента психической деятельности (Горячева Т.Г., 2003). Это позволяет говорить о функциональном неблагополучии не только на общемозговом и подкорковом уровнях, но и на уровне коры – в частности, заднелобной и теменно-затылочной.

Эти и подобные литературные данные позволяют поставить вопрос о выборе подхода к классификации вариантов нейропсихологической субнормы. Опираясь на представления о функциональном вкладе той или иной мозговой структуры в психическую деятельность, можно выделить синдромы неблагополучия стволовых, подкорковых образований, мозолистого тела и пр., а принимая во внимание периодизацию функциогенеза каждой структуры, добавить подразделение на синдромы несформированности и дефицитарности (Семенович А.В., 2017). В практическом отношении может вполне оправдывать себя и другая классификация, основанная на факторном составе имеющихся отклонений. Она позволяет выделить синдромы несформированности динамики двигательных и речевых процессов, слухоречевой памяти и слухоречевого восприятия, оптико-пространственных и квазипространственных процессов (Котягина С.Н., 2006). Своевременное обнаружение случаев нейропсихологической субнормы затрудняется тем, что ее признаки становятся очевидными лишь в критические периоды развития, а в остальное время она может никак о себе не заявлять. Даже неврологическая симптоматика, типичная

для субнормального функциогенеза мозга, не носит постоянного характера и имеет мягкие проявления, которые могут быть замечены только в ходе прицельного, очень тщательного осмотра. Между тем, распространенность субнормального типа достигает 30% от всех случаев минимальной мозговой дисфункции у детей (Земляной Д.А., Львов С.Н, Александрович И.В., Маньков А.В., 2012; Соколова Е.В., 2000), а последняя, в свою очередь, выявляется среди 5-21% общей детской популяции (Фёдорова Е.А., 2017). Сочетание высокой распространенности нейропсихологической субнормы и трудностей ее своевременной диагностики выводит обсуждаемую проблему за рамки детской нейропсихологии и делает актуальным изучение признаков субнормального развития мозговых механизмов психики в последующие возрастные периоды.

Литература

1. Антропов Ю.Ф., Психосоматические расстройства и патологические привычные действия у детей и подростков / Ю.Ф. Антропов, Ю.С. Шевченко. – М.: Издательство Института Психотерапии, , 2000. – 320 с.
2. Бойко О.В. Охрана психического здоровья: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / О.В. Бойко. – М.: Академия, 2004. – 265 с.
3. Горячева Т.Г. Нейропсихологический статус детей, часто болеющих респираторными заболеваниями [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2013. – Том 2. – № 2. – URL: <https://psyjournals.ru/psyclin/2013/n2/62053.shtml> (дата обращения: 05.04.2022).
4. Котягина С.Н. Нейропсихологический анализ сформированности психической сферы у детей, поступающих в общеобразовательную школу // Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста: учеб. пособие / Под ред. Л.С. Цветковой. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2006. – С. 152–191.
5. Линьков В.В. Минимальная мозговая дисфункция у детей и подростков: учеб. пособие / В.В. Линьков, А.Е. Новикова, Л.В. Лобанова. – Иваново, 2002. – 72 с.
6. Минимальные мозговые дисфункции у детей младшего и среднего школьного возраста / Д.А. Земляной [и др.] // Сибирский медицинский журнал. – 2012. – № 6. – С. 117–120.
7. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учебное пособие / А.В. Семенович– М.: Генезис, 2017. – 321 с.
8. Соколова Е.В. Психологические условия оптимизации психического развития в дизонтогенезе: дис... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2000. – 266 с.

9. Тиганов А.С. Патология психического развития / А.С. Тиганов. – М. [б. и.], 1998. – [121] с.
10. Усанова О.Н. Социально-психологический контекст инклюзивного образования [Электронный ресурс] // Специальное образование. – 2021. – № 1. – С. 85–99. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskiiy-kontekst-inklyuzivnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 04.05.2022). – doi: 10.12345/1999-6993_2021_01_07.
11. Федорова Е.А. Психологические особенности юношей призывного возраста с наличием перинатального гипоксического поражения ЦНС в анамнезе: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2017. – 236 с.

Влияние родительских моделей на адаптивный потенциал гендерной идентичности юношей

Репкина В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В научном психологическом сообществе существует много исследований, посвящённых тем или иным факторам, влияющим на социально-психологическую адаптацию, но вопрос влияния на этот процесс гендерной идентичности изучен недостаточно (Коротаева А.И., 2020). Гендерная идентичность как одна из форм социальной идентичности меняется вместе с теми установками и ценностями, которые присущи обществу в целом. Находясь в новых для себя условиях, человеку необходимо осознать своё место в изменившейся ситуации, видоизменить свою идентичность для успешной адаптации к происходящему (Чуркина Н.А., 2018). Невозможность реализовать эти задачи в кратчайшие сроки приводит к высокому уровню невротизации, который также обусловлен и трудностями формирования гендерной идентичности (Дмитриева С.Ю., 2018).

Изучение возникновения и динамики развития факторов, оказывающих влияние на гендерные особенности личности, представляет большую значимость, чем исследование конкретных феноменов, которые характеризуют её в статике. О необходимости изучения связей гендерной идентичности и других личностных структур, а также социальных отношений, говорит в своих работах И.С. Клецина (2013). Семья как первичный институт социализации оказывает большое влияние на личность человека, в том числе и на его гендерную идентичность. Определение родительских моделей, которые внесли

вклад в процесс формирования гендерной идентичности юношей – это одно из направлений, по которому возможно изучать всё многообразие факторов, влияющих на успешное становление идентичности. Кроме того, те или иные стратегии родительского воспитания, личность самих родителей сказываются и на уровне социально-психологической адаптации юношей, которая, как уже было обозначено выше, является необходимым условием для благополучного функционирования в обществе.

Изучение вопроса о влиянии родительских моделей на адаптивный потенциал гендерной идентичности актуально также в сферах юридической и клинической психологии. Нарушение процесса социально-психологической адаптации является одним из признаков или последствий психического нездоровья, может приводить к усугублению патологического состояния, приводить к формированию девиантного и делинквентного поведения. Не меньшее влияние на психическое здоровье оказывает и гендерная сфера личности. С.Н. Ениколопов и Н.В. Дворянчиков приходят к заключению, что «дисбаланс полоролевой структуры личности признается патогенетическим или predisпозиционным фактором формирования неврозов, психосоматических расстройств, девиантного материнского поведения, а также криминального поведения» (Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В., 2001).

Мы провели исследование, в котором приняли участие 30 испытуемых мужского пола в возрасте от 20 до 26 лет, воспитывавшихся в семьях с обоими родителями. В качестве методов исследования выступили анкета для сбора социально-демографической информации и методики для тестовой диагностики: Методика МиФ (маскулинность и феминность), модифицированная Н.В. Дворянчиковым с введением новых шкал для диагностики гендерных образов отца и матери, а также полоролевых родительских ожиданий («Мой папа», «Моя мама», «Мой папа хотел бы, чтобы я был», «Моя мама хотела бы, чтобы я был»); Методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, модифицированная А.К. Осницким; Методика «Родителей оценивают дети» (РОД), модифицированная И.А. Фурмановым и А.А. Аладыным. Был проведён качественный и количественный анализ в программе IBM SPSS Statistics с использованием коэффициента корреляции Пирсона.

Поиск значимых связей производился по 4 направлениям:

1) поиск связей между особенностями гендерной идентичности испытуемых и образами их родителей, родительскими полоролевыми ожиданиями (Методика МиФ); поиск связей между особенностями гендерной идентичности испытуемых, образами родителей, полоролевыми родительскими ожиданиями (Методика МиФ) и теми или иными стратегиями родительского воспитания (Методика «Родителей оценивают дети»);

2) выявлялось наличие связей между показателями маскулинности и феминности реального и идеального образа Я, гендерных стереотипов, уровня андрогинности (Методика МиФ) и интегративными показателями социально-психологической адаптации (Методика диагностики социально-психологической адаптации);

3) поиск связей между родительскими образами, полоролевыми родительскими ожиданиями (Методика МиФ) и показателями социально-психологической адаптации (Методика диагностики социально-психологической адаптации); проверялось наличие связей между стратегиями семейного воспитания (Методика «Родителей оценивают дети») и интегративными показателями социально-психологической адаптации (Методика диагностики социально-психологической адаптации);

4) сопоставлялись данные о наиболее адаптивных родительских моделях с наиболее адаптивными гендерными идентичностями.

По итогам исследования были получены следующие результаты. Материнский образ, полоролевые родительские ожидания и такие типы семейного воспитания, как гипер- и гипопротекция, потворствование, чрезмерность и недостаточность требований-обязанностей оказывают наибольшее влияние на особенности гендерной идентичности юношей.

Наибольший адаптивный потенциал имеют юноши с маскулинной гендерной идентичностью. Адаптивность маскулинной гендерной идентичности наблюдается по всем показателям социально-психологической адаптации: общий уровень адаптации, самопринятие, принятие других, эмоциональная комфортность, интернальность и стремление к доминированию. Андрогинная гендерная идентичность не влияет на уровень социально-психологической адаптации юношей.

Наиболее адаптивная гендерная идентичность – маскулинная гендерная идентичность – не обнаруживает связи с неадаптивными типами семейного воспитания.

Существует необходимость дальнейшего исследования данной темы, можно выделить следующие направления:

1) изучение влияния родительских моделей на адаптивный потенциал гендерной идентичности индивидов разного возраста и пола с целью составления полноценной картины динамики развития гендерной идентичности обоих полов в зависимости от обозначенных факторов;

2) выявление факторов риска, способствующих возникновению нарушений в этом процессе;

3) изучение данной тематики не только в группах нормы, но и на носителях патологии.

Литература

1. Дмитриева С.Ю. Участие полоролевых качеств в регуляции поведения // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2018. – № 3(63). – С. 48–52.
2. Ениколопов С.Н. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии / С.Н. Ениколопов, Н.В. Дворянчиков // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 2. – С. 1–18.
3. Клецина И.С. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 2(67). – С. 3–13.
4. Коротаева А.И., Кузьмин М.Ю. Особенности социально-психологической адаптации школьников с разной гендерной идентичностью // Педагогический ИМИДЖ. – 2020. – Том 14. – № 4(49). – С. 729–742. – doi: 10.32343/2409-5052-2020-14-4-729-742.
5. Чуркина Н.А. Гендерная идентичность в аспекте трансформации гендерной ментальности // Социодинамика. – 2018. – № 9. – С. 98–104.

Клинико-психологические критерии невменяемости и ограниченной вменяемости

Сергеева Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Как отмечает С.Н. Шишков (2007), общий смысл концепции невменяемости можно выразить одной фразой – «помешанный не отвечает за свои поступки и не подлежит наказанию, так как, совершая их, он не понимает, что делает».

Анализ действующего законодательства стран англо-саксонской и романо-германской правовых систем свидетельствует о том, что ситуация не настолько однозначна.

В соответствии с российским законодательством невменяемым признается лицо, которое в момент совершения общественно опасного деяния не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия

либо иного болезненного состояния психики, при этом такое лицо освобождается от уголовной ответственности и ему могут быть назначены принудительные меры медицинского характера (ст. 21 УК РФ).

Лицо, которое в момент совершения общественно опасного деяния в силу психического расстройства не в полной мере могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими признается вменяемым и подлежит уголовной ответственности, однако такое психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ст. 22 УК РФ).

Ввиду того, что к возрасту наступления уголовной ответственности далеко не все несовершеннолетние достигают уровня психического развития, необходимого для соблюдения принципа виновной ответственности, несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественного опасного деяния не способный в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ не подлежит уголовной ответственности («возрастная невменяемость»).

В Германии невменяемым лицо может быть признано ввиду возраста и ввиду психического состояния.

Невменяемыми по возрасту признаются лица в возрасте до 14 лет, которые во время совершения противоправного деяния по своему духовному и умственному развитию не были достаточно зрелы, чтобы предвидеть неправомерность деяния и поступить в соответствии с этим предвидением (п. 19 УК ФРГ).

Невменяемым по психическому состоянию признается лицо, которое, вследствие болезненного психического расстройства, глубокого расстройства сознания, слабоумия или другого тяжкого психического отклонения не способно осознать неправомерность деяния или действовать согласно этому осознанию (п. 20 УК ФРГ).

Согласно п. 21 УК ФРГ, если способность лица осознать неправомерность своего деяния или действовать согласно этому осознанию значительно уменьшена по одной из причин, указанных в п. 20 УК ФРГ, наказание смягчается.

В соответствии со ст. 122-1. УК Франции не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения деяния было подвержено

какому-либо психическому или нервно-психическому расстройству, лишившему его способности осознавать или контролировать свои действия.

Лицо, которое в момент совершения деяния было подвержено какому-либо психическому или нервно-психическому расстройству, снизившему его способность осознавать или мешающему его способности контролировать свои действия, подлежит уголовной ответственности; однако суд учитывает данное обстоятельство при определении наказания и установления режима его исполнения.

В Великобритании применяется правило Мак-Натена, согласно которому лицо признается невменяемым, если в момент совершения противоправного деяния оно находилось под воздействием такого дефекта разума, что не понимало природу (характер) и свойства совершаемого им деяния, а если даже и понимало это, то не понимало, что поступает неправильно (Закон о невменяемости 1964 г.).

В приведенной формуле присутствуют медицинский (наличие душевного заболевания, дефекта разума) и юридический критерии, представленный только интеллектуальным признаком («не понимал природу (характер) и свойства совершаемого им деяния, а если даже и понимал это, то не понимал, что поступает неправильно»).

«Невиновным по причине безумия» в Англии и Уэльсе, согласно положениям Закона о детоубийстве, признается также и лицо, которое в силу психического расстройства, хоть и осознавало противоправность своих действий, но не могло удержать себя от совершения преступления (критерий непреодолимого импульса).

В Шотландии для того, чтобы лицо было признано невменяемым, необходимо доказать наличие у обвиняемого такого умственного дефекта, который обусловил невозможность использования им разума для контроля своего поведения, в Северной Ирландии – если в момент совершения инкриминируемого ему деяния лицо страдало психическим расстройством, вследствие которого оно не понимало, что делало, или не понимало, что его действия были неправильными, или не могло не совершить преступление.

Согласно п.п. 37.2, 37.3 Закона о психическом здоровье, если правонарушитель страдает душевным заболеванием или тяжелой умственной отсталостью, и суд убежден, что он совершил инкриминируемое ему деяние, суд может направить его на принудительное медицинское лечение без разрешения дела по существу, а при наличии заключения двух медицинских специалистов о необходимости и эффективности медикаментозного лечения, суд может заменить лишение свободы на принудительное лечение.

Т.Б. Дмитриева, Б.В. Шостакович и А.А. Ткаченко (2004), называют указанные положения Закона о психическом здоровье «суррогатной формулой невменяемости, состоящей только из медицинского критерия».

Как отмечает В.В.Мотов (2008), российскому судебному психиатру трудно понять, как можно признать вменяемым обвиняемого с бредом или слуховыми галлюцинациями в период совершения уголовно-наказуемого деяния. Так же трудно и американскому коллеге понять, почему обвиняемый, с недавно возникшим, медленно прогрессирующим паранойальным бредом ревности, совершивший правонарушение, не вытекающее из фабулы бреда, должен признаваться невменяемым или не способным предстать перед судом.

В США существуют три формулы невменяемости: правило Мак-Натена, формула американского института права, на основании которой лицо освобождается от ответственности, если оно вследствие душевной болезни или психической неполноценности было в существенной степени лишено возможности отдавать себе отчет в незаконности своего поведения или согласовывать свое поведение с нормами закона, и правило Дюрхэма, согласно которому противоправное деяние, являющееся продуктом психической болезни или дефекта, не уголовно наказуемо. В четырех штатах защита на основании невменяемости не применяется.

Общим для законодательства стран романо-германской правовой системы является следование принципам субъективного вменения и уголовной неответственности лиц, которые в момент совершения противоправного деяния в силу психического заболевания не могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими.

Для стран англо-саксонской правовой системы характерно решение вопроса о невменяемости субъекта противоправного деяния на основании правила Мак-Натена, которое, во-первых, не учитывает волевой компонент юридического критерия, во-вторых, предъявляет завышенные требования к глубине психического расстройства. Ограниченная вменяемость как правовая категория не распространена.

Литература

1. Мотов В.В. Фундаментальные вопросы американской судебной психиатрии и психиатрии и права / В.В. Мотов. – М.: Фолиум, 2008. – 252 с.
2. Руководство по судебной психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. – М.: Медицина, 2004. – 591 с.

3. Шишков С.Н. «Идея неменяемости» и здравый смысл (историко-культурологический аспект) // Юридическая Психология. – 2007. – № 4. – 19–25.

Факторы ложных воспоминаний в сфере свидетельствования

Скичко Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бовина И.Б.

Ложные воспоминания – один из аспектов некорректных свидетельских показаний, способных направить следствие по ложному следу, поэтому изучение формирования ложных воспоминаний с целью их выявления и купирования актуально и необходимо.

Проблема исследования: будет ли наличие определенных защитных механизмов и копингов влиять на частоту возникновения ложных воспоминаний.

Цель: определить личностные факторы склонности к формированию ложных воспоминаний.

Задачи:

1. Определить копинги респондентов;
2. Определить защитные механизмы респондентов;
3. Выявить респондентов, склонных к появлению ложных воспоминаний;
4. Определить, у респондентов с какими защитными механизмами и копинг-стратегиями склонность к формированию ложных воспоминаний более выражена.

Объект исследования: ложные воспоминания.

Предмет исследования: защитные механизмы и копинг-стратегии как факторы склонности к формированию ложных воспоминаний.

Изучив работы Э. Лофтуса, рассмотревшей механизмы запоминания и забывания, а также доказавшей уязвимость воспоминаний при свидетельствовании (Лофтус Э., 2018), Г.С. Джозефсона и М.Л. Фон-Бейетта, изучавших различные аспекты насилия, пережитого в раннем детстве, а также формирование ложных воспоминаний посредством ведения некорректной клинической беседы молодыми специалистами (Josephson G. S., Fong-Beyette M.L., 1987), А.А. Бочаровой и А.А. Смирной, изучивших конфабуляции в повседневной жизни человека (Бочарова А.А., Смирная А.А., 2020),

А.К. Кузьмичевой и В.Ф. Спиридонова, исследовавших влияние содержания ложных воспоминаний на частоту их возникновения (Кузьмичева А.К., Спиридонов В.Ф., 2019), М.И. Нелюбова и В.А. Гершкович, исследовавших влияние поверхностной обработки на формирование ложных воспоминаний (Нелюбов М.И., Гершкович В.А., 2015), было определено, что на формирование ложных воспоминаний во многом влияют травматичность и стрессовость, проявление которых зависит от защитных механизмов и копингов. Это позволяет предположить, что защитные механизмы и копинги также влияют на искажение памяти. Чтобы определить характер влияния были рассмотрены защиты и копинги в рамках концепций Р. Плутчика (Plutchik R, Kellerman H. & Conte H.R., 1979) и С. Хобфолла (Водопьянова Н.Е., 2009). Это сделало возможным выдвинуть следующие **гипотезы**:

1) Респонденты с такими защитными механизмами как вытеснение, отрицание и замещение, в большей степени склонны к формированию ложных воспоминаний, чем респонденты с таким защитным механизмом как рационализация;

2) Респонденты с избегающим и импульсивным копингом в большей степени склонны к формированию ложных воспоминаний, чем респонденты с осторожным и социально-ориентированным.

Выборка исследования: 36 человек в возрасте от 20 до 29 лет.

Методики исследования:

– опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI) / «Тест для диагностики механизмов психологической защиты» (Кружкова О.В., Шахматова О.Н., 2006);

– тест SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла (Водопьянова Н.Е., 2009);

– DRM-процедура (Roediger H.L.I., McDermott K.B., 1995), модифицированная с учетом метода «Да – Нет», разработанного в рамках Теории обнаружения сигнала по примеру А.К. Кузьмичевой и В.Ф. Спиридонова (Кузьмичева А.К., Спиридонов В.Ф., 2019);

– корреляционный анализ при помощи статистического пакета SPSS и критерия Пирсона.

Процедура:

1. Обсуждение условий проведения.
2. Проведение методик с помощью Google форм.
3. Проведение видеоконференции по методике DRM.
4. Обработка и представление данных.

Статистика собранных материалов показала наличие значимых корреляционных связей между замещением (на уровне значимости 0,01 по всем

показателям: $r_{\text{общ}}=0,583$, $r_1=0,509$, $r_2=0,476$) и частотой появления ложных следов, а также между вытеснением (на уровне значимости 0,01 по общему показателю $r_{\text{общ}}=0,439$ и на уровне значимости 0,05 по частным показателям $r_1=0,412$, $r_2=0,333$) и частотой появления ложных следов. Установлено, что между защитными механизмами замещения и вытеснения и ложными следами прослеживается прямая корреляция. Выявлена значимая корреляционная связь обратного характера между рационализацией (на уровне значимости 0,01 по общему $r_{\text{общ}}= -0,524$ и первому частному показателю $r_1= -0,509$ и на уровне значимости 0,05 по второму частному показателю $r_2= -0,382$) и частотой появления ложных следов.

На основании полученных данных можно утверждать, что у респондентов с защитными механизмами отрицающего и вытесняющего типа чаще встречаются ложные следы в памяти, чем у респондентов с рациональным типом защиты, что частично подтверждает первую гипотезу исследования.

Кроме искомых связей обнаружена корреляционная связь между регрессией (на уровне значимости 0,05 по общему $r_{\text{общ}}=0,421$ и второму частному $r_2=0,380$ показателям) и частотой появления ложных следов прямого характера. Это обстоятельство требует дальнейшего экспериментального исследования для уточнения уровня влияния данного показателя на частоту появления ложных воспоминаний.

Вторая гипотеза не нашла подтверждения в результате проведенного исследования.

Подводя итог, стоит отметить, что полученные данные можно использовать для дальнейшего изучения связи защитных механизмов и ложных воспоминаний в сфере свидетельствования – это будет способствовать улучшению качества свидетельствования и предупреждению формирования ложных воспоминаний и, как следствие, снизит количество ложных обвинений.

Литература

1. Бочарова А.А., Смирная А.А. Ложные воспоминания как часть жизнедеятельности человека / А.А. Бочарова, А.А. Смирная // Мир человека: материалы ежегод. конф. Вып. 1 (48) / Под общ. ред. В.В. Игнатовой; СибГУ им. М.Ф. Решетнева. – Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнева, 2020. – С. 62–64.
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса / Н.Е. Водопьянова. – СПб.: Питер, 2009. – 329 с.

3. Кружкова О.В. Психологические защиты личности: учебное пособие / О.В. Кружкова, О.Н. Шахматова. – Екатеринбург: Изд-во Российского гос. проф.-пед. ун-та, 2006. – 152 с.
4. Кузьмичева А.К. Влияет ли содержание ложных воспоминаний на частоту их возникновения? / А.К. Кузьмичева, В.Ф. Спиридонов // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции 19 июня 2019 г. / Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. – М.: Буки Веди, ИППиП, 2019. – С. 280–283.
5. Лофтус Э. Память: пронзительные откровения о том, как мы запоминаем и почему забываем / Э. Лофтус. – М.: КоЛибри, 2018. – 254 с.
6. Лофтус Э., Свидетель защиты: шокирующие доказательства уязвимости наших воспоминаний / Э. Лофтус, К. Кетчем. – М.: КоЛибри, 2018. – 412 с.
7. Нелюбов М.И., Гершкович В.А. Ложные воспоминания при поверхностной обработке // Когнитивная наука в Москве: новые исследования: материалы конференции 16 июня 2015 г. / Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. – М.: Буки Веди, ИППиП, 2015. – С. 323–328.
8. Josephson G.S. Factors assisting female clients' disclosure of incest during counselling / G.S. Josephson, M.L. Fong-Beyette // Journal of counseling and development. – 1987. – Vol. 65. – № 9. – P. 475–478. – doi: 10.1002/j.1556-6676.1987.tb00759.x.
9. Plutchik R. A structural theory of ego defenses and emotions / R. Plutchik, H. Kellerman, H.R. Conte // Emotions in personality and psychopathology / Ed. C.E. Izard. – New York: Plenum Press, 1979. – P. 229–257. – doi: 10.1007/978-1-4613-2892-6_9.
10. Roediger H.L.I., McDermott K.B. Creating false memories: Remembering words not presented in lists / H.L.I. Roediger, K.B. McDermott // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 1995. – Vol. 21. – № 4. – P. 803–814.

Психометрическая оценка интеллекта у больных Тюрмеровского психоневрологического интерната

Чернышова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

С 2019 года идёт активная работа по реформированию психоневрологических интернатов (Тюменкова Г.В., 2019). Она включает

развитие реабилитационных программ, одним из планируемых результатов которых является повышение гражданско-правового статуса некоторых получателей стационарных социальных услуг, признанных ранее недееспособными (Сафуанов Ф.С., 2016, Кекелидзе З.И., 2020). Понимание социально-психологических особенностей лиц, проживающих в психоневрологических интернатах, своевременная оценка их реабилитационного потенциала, целенаправленная организация реабилитационных программ будет способствовать достижению этого результата (Курбатова О.А., 2017).

Целью настоящей работы было выявление социально - психологических особенностей у дееспособных и недееспособных лиц, проживающих в психоневрологических интернатах, значимых для оценки реабилитационного потенциала и повышения гражданско-правового статуса.

Материал исследования. Было проведено сплошное исследование, включавшее процедуру персонального осмотра получателей стационарных социальных услуг Тюрмеровского психоневрологического интерната, диагностику их когнитивной сферы, уровня владения социально-бытовыми и школьными навыками, навыков социального взаимодействия и способности поддерживать устойчивые социальные связи. Выборку составили 30 человек, 6 из которых не смогли выполнить весь комплекс методик. Из 24 человек, включённых в исследование, 58,33% – женщины, 41,67% – мужчины. Количество получателей стационарных форм социального обслуживания с диагнозом шизофрения (F20) и умственная отсталость (F70-F79) составило по 11 человек (по 45,83%), с диагнозом органического расстройства – 2 человека (8,33%).

Результаты

1. Средний ранг у дееспособных с диагнозом шизофрения составляет 5,57, а у недееспособных 6,75 соответственно. Исследование когнитивной сферы дееспособных и недееспособных с диагнозом умственная отсталость показало, что средний ранг у дееспособных с диагнозом умственная отсталость составляет 7,21, а у недееспособных 3,88 соответственно. Таким образом, по результатам методики Векслера в группах недееспособных и дееспособных лиц с диагнозом шизофрения общий балл оказался выше у недееспособных.

2. В ходе исследования были получены данные, которые свидетельствуют о различии в группах дееспособных и недееспособных лиц с диагнозом шизофрения и группах дееспособных и недееспособных лиц с диагнозом умственная отсталость, где количество ориентированных на трудовую деятельность в группе лиц с умственной отсталостью выше (72% от всех лиц с умственной отсталостью, при этом 37% от тех, кто ориентирован, являются недееспособными), чем у группы лиц с диагнозом шизофрения (55% от всех лиц с диагнозом шизофрения, при этом 20% от тех, кто ориентирован, являются недееспособными). Таким образом, количество ориентированных на труд в

группе лиц с умственной отсталостью больше, чем у лиц с шизофренией, что может быть обусловлено нарушением мотивационно - волевой сферы у второй группы.

3. Значимыми различиями является выстраивание социальных связей в группах дееспособных и недееспособных лиц с диагнозом шизофрения и диагнозом умственная отсталость. Так, в группе лиц с диагнозом умственная отсталость 81% от общего количества имеют устойчивые социальные связи (дружеские связи в ПНИ). Из тех, кто имеют устойчивые социальные связи 66% являются дееспособными и 44% недееспособными. А в группе лиц с диагнозом шизофрения только 36% от общего числа имеют устойчивые социальные связи, из которых 75% – дееспособны и 25% – недееспособны. Таким образом, у недееспособных лиц с диагнозом шизофрения результат по коммуникации, выстраиванию социальных связей ниже, чем у недееспособных лиц с диагнозом умственная отсталость.

Выводы

Анализ полученных данных демонстрирует, что при различных психических расстройствах разные социально-психологические характеристики определяют реабилитационный потенциал и возможность повысить гражданско-правовой статус (Русаковская О.А., 2021). Реабилитационный потенциал лица напрямую не зависит от уровня развития когнитивных способностей. Важными показателями реабилитационного потенциала является социальная компетентность, выражающаяся в способности выстраивать устойчивые социальные связи и ориентированность на трудовую деятельность.

Данные, полученные в ходе исследования, подтверждают необходимость усовершенствования реабилитационных программ с учетом взаимосвязи различных клинических картин заболевания и социально-психологических особенностей.

Литература

1. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности и вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы / Ф.С. Сафуанов // Российский психиатрический журнал. – 2016. – № 2. – С. 37–43.
2. Курбатова О.А. Психосоциальная терапия и реабилитация психических расстройств // Содружество. – 2017. – № 14. – С. 8–11.
3. Русаковская О.А. К вопросу реформирования системы стационарных учреждений социального обслуживания // Интердисциплинарный подход к коморбидности психических расстройств на пути к интегративному лечению: XVII Съезд психиатров России совместно с международным Конгрессом

Всемирной психиатрической ассоциации: 15–18 мая 2021 года, Санкт-Петербург / Под общ. ред. Н.Г. Незнанова. – СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2021. – С. 1401–1402.

4. Сплошной персональный осмотр получателей стационарных социальных услуг: организация и оценка гражданско-правового статуса / З.И. Кекелидзе [и др.] // Российский психиатрический журнал. – 2020. – № 6. – С. 13–20. – doi: 10.24411/1560-957X-2020-10602.
5. Тюменкова Г.В. К вопросу реформирования психоневрологических интернатов // Психическое здоровье. – 2019. – № 9. – С. 11–15. – doi: 10.25557/2074-014X.2019.09.11-15.

Клинико-социальные характеристики получателей стационарных социальных услуг Владимирской области, которым рекомендован переход на нестационарные формы социального обслуживания

Шатрова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Зачастую для проживающих в психоневрологических интернатах (ПНИ) выход на самостоятельное проживание оказывается затруднительным. Несмотря на их способность к этому, существует ряд проблем, таких как отсутствие соответствующих условий, в частности специальных рабочих мест, а также негативное отношение со стороны общества. Так, получатели стационарных социальных услуг порой оказываются отрезанными от полноценного функционирования в социуме, причём сами проживающие свыкаются с привычной за долгие годы обстановкой и не изъявляют желания проживать самостоятельно (Тюменкова Г.В., 2019). При этом важно понимать, что актуальный гражданско-правовой статус лица и форма, в которой он получает социальные услуги, не имеют прямой зависимости друг от друга. В ряде случаев недееспособные и ограниченно дееспособные граждане способны проживать самостоятельно, а некоторые дееспособные лица, наоборот, нуждаются в стационарном обслуживании (Кекелидзе З.И., 2020). Настоящее исследование было посвящено обследованию получателей стационарных социальных услуг, проживающих в ПНИ, и выявлению у них клинико-социальных характеристик, имеющих значение при их переводе на нестационарные формы социального обслуживания (НФСО).

Некоторые учреждения проявляют интерес к описанной проблематике и самостоятельно прикладывают усилия для помощи в модернизации имеющейся системы. Стараясь реорганизовать привычное устройство среды обитания своих пациентов, они внедряют различные меры, призванные изменить их уклад жизни таким образом, чтобы он способствовал повышению реабилитационного потенциала. В конечном итоге происходит переход отдельных ПНИ к иному функционированию, создающему из них реабилитационные центры, занимающиеся постепенной подготовкой лиц к выводу на НФСО (Русаковская О.А., 2021).

Тюрмеровский ПНИ Владимирской области, ставший базой для проведения исследования, является одним из таких учреждений. Так называемая стационарозамещающая технология, разворачивающаяся в его стенах, представляет собой «сопровожаемое проживание», цель которого – поддерживать самостоятельность своих пациентов в значимых социальных проявлениях, таких как быт, досуг, коммуникация. С этой целью учреждение разрабатывает мероприятия и внедряет специальные обучающие программы.

Летом 2021 года был организован выезд студентов МГППУ в город Владимир в указанный ПНИ. В рамках диагностического этапа было проведено патопсихологическое, клинико-психологическое, социальное исследование. Материалом исследования стали результаты проведённого комплексного обследования в отношении 30 человек (17 женщин и 13 мужчин). По этим результатам была составлена таблица, где качественные характеристики оценивались дихотомически. Обработка проводилась методами описательной и математической статистики, использовался частотный анализ, а также непараметрические методы оценки значимости различий между качественными характеристиками выборки.

При сравнении двух групп (лиц, страдающих шизофренией, и лиц, страдающих нарушениями интеллектуального развития) были выявлены значимые различия в тех факторах, которые определяют реабилитационный потенциал и способность получать социальное обслуживание в нестационарной форме. Наиболее значимыми сферами оказались наличие социально-бытовых навыков и ориентация на трудовую деятельность. Данные характеристики можно рассматривать в качестве эффективных мишеней работы с постояльцами интернатных учреждений.

При этом имеет значение диагноз, поставленный проживающему. При интеллектуальных нарушениях, особенно у тех, кто воспитывался в детском доме-интернате, отмечаются трудности в осведомлённости в вопросах личной собственности, а также финансовой грамотности. Недостаточно умелое пользование бытовой техникой в совокупности с низкой осведомлённостью в

важных для социальной жизнедеятельности аспектах оправдывает затруднение их перевода на НФСО. Данной категории лиц чаще, чем другим, необходим патронаж. При шизофрении работа должна быть нацелена на мотивацию вносить разнообразие в свой досуг и заниматься трудовой деятельностью. Для данной категории лиц наиболее характерно свыкание с имеющимися условиями и отсутствие желаний менять устоявшийся уклад жизни.

Нам представляется, что сегодня система ПНИ меняется. Тенденция совершенствовать имеющуюся систему функционирования учреждений, предоставляющих стационарные услуги, всё больше толкает их к внедрению новых программ, нацеленных на повышение реабилитационного потенциала проживающих. Всё чаще стандартные ПНИ меняют свою ориентацию и начинают работать по принципу реабилитационных центров, внедряя стационарозамещающие технологии и обеспечивая систему преемственности.

Литература

1. Гурович И.Я. Международный опыт реформы психиатрической помощи и дальнейшее развитие психиатрической службы в России / И.Я. Гурович, Я.А. Сторожакова, Б.Б. Фурсов // Социальная и клиническая психиатрия. – 2012. – Том 22. – № 1. – С. 5–19.
2. Русаковская О.А. К вопросу реформирования системы стационарных учреждений социального обслуживания // Интердисциплинарный подход к коморбидности психических расстройств на пути к интегративному лечению: XVII Съезд психиатров России совместно с международным Конгрессом Всемирной психиатрической ассоциации, 15–18 мая 2021 года, Санкт-Петербург / Под общ. ред. Н.Г. Незнанова. – СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2021. – С. 1401–1402.
3. Сплошной персональный осмотр получателей стационарных социальных услуг: организация и оценка гражданско-правового статуса / З.И. Кекелидзе [и др.] // Российский психиатрический журнал. – 2020. – №6. – С. 13–20. – doi: 10.24411/1560-957X-2020-10602.
4. Тюменкова Г.В. К вопросу реформирования психоневрологических интернатов // Психическое здоровье. – 2019. – № 9. – С. 11–15. – doi: 10.25557/2074-014X.2019.09.11-15.

Применение компьютерных игр в различных сферах психологической практики

Воробьева К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Секераж Т.Н.

Игровая деятельность в классическом ее представлении достаточно обширно изучена как отечественными учёными, так и зарубежными. Выготский Л. С., Эльконин Д. Б., Пиаже Ж., Запорожец А. В., Лисина М. И. являются авторам, ставшими классическими исследователями детской игры в психологии.

Выделяя главное, стоит сказать, что сама игра рассматривается как деятельность, которая отражает конкретное отношение индивида к окружающему, что она связана с воображением и выражает потребность в преобразовании этой окружающей действительности. Говоря о мотивах игры, Рубинштейн С. Л. акцентировал внимание на том, что сущность игры заключается в том числе и в многообразных переживаниях, значимых для играющего (Рубинштейн С.Л., 2007), а Эльконин Д. Б. указывал главным мотивом игры ребенка – стремление не быть взрослым, а действовать как взрослые (Эльконин Д.Б., 1989).

Еще в далеком 1988 году Шмелев А. Г. предпринял попытку создать классификацию компьютерных игр. Автор делит все игры на:

1. Ролевые компьютерные игры, которые включают в себя три подтипа – игры с видом «из глаз», извне на своего компьютерного героя и руководительские игры.

2. Неролевые делятся на аркады, головоломки, игры на быстроту реакции и традиционно азартные игры (Шмелев А.Г., 1988).

В настоящее время ряд таких психологов, как Рубцов В. В., Войскунский А. Е., Смирнова Е. О., Солдатова Г. У подчеркивают, что варьирующиеся определения компьютерной игры, ее методологии и исследований, сама научная область нуждается в методологической структуре (Рубцов В. В., 1996; Смирнова Е. О., 2000; Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., 2016).

Мясников И. В. в своей работе на тему «Возможность применения компьютерной игры в качестве проективного метода исследования личности» предлагает свою классификацию компьютерных игр, которую строит через

позицию, что определенный жанр игры активирует свою сферу способностей и психических процессов (Мясников И. Н., 2008). Предложенная им классификация выглядит следующим образом:

- Стратегии. Возможности для диагностики пространственного мышления, способности к анализу и синтезу ситуации.
- Экшн (как правило, от первого лица). Возможно проследить динамический компонент личности, его черты характера и направленность личности.
- Квест. Особенности протекания мыслительных операций, а также внимание и память.
- Симуляторы. Эмоционально-личностная сфера, темперамент.

Рассуждая о широкой области применения компьютерной игры, Шмелев А. Г. делает акцент на существующей возможности использования специальных программ для развития сенсомоторных и пространственных функций (Шмелев А.Г., 1988). В процессе игротерапии, как указывает автор, улучшаются не только внимание и когнитивные способности, но и развиваются коммуникативные навыки.

В статье Григорьева И.С. «Зарубежный опыт использования компьютерных игр в обучении детей» автор описывает несколько направлений исследования компьютерных игр: 1) область использования компьютерных игр в образовании; 2) изучение влияния компьютерных игр на развитие когнитивной области детей, а также на формирование различных умений и навыков (Григорьев И.С., 2016).

Однако сама возможность использовать компьютерные игры в диагностических целях находится только в начале своего пути, отчего эта область исследований наиболее открыта для возможностей науки.

Корниенко П. А. в своем исследовании делает акцент на том, что сама игра как метод исследования применяется в психологии давно, однако преимущественное отличие компьютерных программ заключается в наглядности регистрируемого действия, а содержание игры, как ее сценарий и правила должны соответствовать требованиям валидности и надежности (Корниенко П.А., 2008).

Если рассматривать компьютерную игру как один из видов диагностики, то ее несомненно можно отнести к проективным методам, преимуществом которых является выявление глубинных, базовых структур личности, а их уязвимость заключается в том, что достаточно сложно обозначить четкие границы и добиться некой стандартизации и объективации. Компьютерные игры в своей сути могут помочь устранить слабые стороны и усилить преимущество проективного вида диагностики.

Если научной обоснованности проективных методов как таковых посвящены работы таких ученых, как Соколова Е. Т, которая опирается на теорию личностного смысла Леонтьева А. Н. (Соколова Е.Т. 1980), то полноценных работ, нацеленных конкретно на использование виртуального пространства как материала диагностики в отечественной психологии практически нет. Здесь важно подчеркнуть, что упомянутые ранее работы авторов нацелены на использование компьютерных игр в основном для обучения, развития и терапии, а исследование Корниенко П. А. нацелено на оценку компонента саморегуляции.

Одним из наиболее приблизившихся к данной теме можно считать уже упомянутое ранее исследование Мясникова И. Н., в котором автор предлагает использовать компьютерные игры, включающие в себя психологическое моделирование, которое в свою очередь провоцирует проявление скрытых личностных характеристик. Раскрывая принцип работы, автор подчеркивает, что в зависимости от предмета и задач исследования создаются специфические психогенные ситуации, благодаря чему моделируется поведение человека, что в свою очередь при сопоставлении исходных условий ситуации с поведением дает «косвенные данные об организации и работе психики» (Мясников И. Н., 2008). Также он делает вывод о том, что данный вид диагностики соединяет в себе качественный и количественный анализ результатов, при этом являясь более гибким и точным, чем стандартизированные самоотчеты, интервью и др.

Переходя к вопросу о возможности использования компьютерной игры в качестве проективной диагностики стоит подчеркнуть, что традиционная игровая диагностика не является чем-то новым. Ряд авторов (С. Миллер, Кляйн М, Оклендер В.) подчеркивают преимущество игровой формы за счет символического значения проявлений в игровой форме у ребенка.

Литература

1. Григорьев И.С. Зарубежный опыт использования компьютерных игр в обучении детей // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2016. – Том 8. – № 4. – С. 33–40. – doi: 10.17759/psyedu.2016080404.
2. Корниенко П.А. Компьютерная игра как метод диагностики индивидуальных особенностей саморегуляции // Психологическая наука и образование. – 2008. – Том 13. – № 5. – С. 175–181.
3. Мясников И.Н. Возможность применения компьютерной игры в качестве проективного метода исследования личности // Школьные технологии. – 2008. – № 6. – С. 148–150.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн – СПб.: Питер, 2007. – 720 с.

5. Рубцов В.В. Ученик за компьютером: что можно, что нельзя // Основы социально-генетической психологии: избранные психологические труды / В.В. Рубцов. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – С. 222–234.
6. Смирнова Е.О. Психологические особенности компьютерных игр: новый контекст детской субкультуры / Е.О. Смирнова, Р.Е. Радеева // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. / Под ред. В.С. Собкина. – М.: Институт социологии образования РАО, 2000. – С. 330–369.
7. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности / Е.Т. Соколова. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 174 с.
8. Солдатова Г.У. Модели цифровой компетентности и деятельности российских подростков онлайн / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 2(22). – С. 50–60. – doi: 10.11621/npj.2016.0205.
9. Шмелев А.Г. Мир поправимых ошибок // Компьютерные игры. Обучение и психологическая разгрузка / Ред. Д.Е. Фадеев. М.: Знание, 1988. – 95 с.
10. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

**Восстановительное правосудие по уголовным делам в отношении
несовершеннолетних как область реализации идей терапевтической
юриспруденции**

Гришина С.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Карнозова Л.М.

Одной из основных характеристик современной системы права в нашей стране является ориентация на гуманизацию правосудия, осуществляемого в отношении несовершеннолетних. Постановка новых задач перед существующей системой правосудия по делам в отношении несовершеннолетних продиктована развитием социально-гуманитарных знаний. Развитие методологии междисциплинарных исследований в сфере психологии и права приводит к необходимости изучения последствий применения законодательства, возможностей снижения негативных последствий правоприменения в отношении несовершеннолетних, а также способов повышения положительного, ресоциализирующего эффекта права.

К социально-ориентированным подходам, изучающим проблематику гуманизации права, относят восстановительное правосудие и терапевтическую юриспруденцию. Благодаря трудам Х. Зера, Дж. Брейтуэйта, Г. Бэйзмора, Н. Кристи и других авторов произошло становление и оформление восстановительного правосудия как целостной концепции. Исследованию развития и реализации восстановительного правосудия в нашей стране были посвящены работы Р.Р. Максудова, Л.М. Карнозовой, И.С. Маловичко и других.

В России восстановительное правосудие развивается с конца 90-х годов XX века, с этой областью практики и исследований отечественная научная аудитория в некоторой степени знакома (Карнозова Л.М., 2014). Менее известной является терапевтическая юриспруденция. Основные концептуальные положения терапевтической юриспруденции были разработаны Д. Векслером и Б. Виником. Возможности интеграции двух направлений – терапевтической юриспруденции и восстановительного правосудия – рассматривались в работах Дж. Брейтуэйта и Т. Шеффа.

Терапевтическая юриспруденция как подход сформировалась в США в 80-е годы XX века благодаря исследованиям и публикациям двух правоведов и практикующих юристов – Д. Векслера и Б. Виника. Термин «терапевтическая юриспруденция», на первый взгляд, отражает специфическое содержание, связанное с психическим здоровьем и правом, однако на современном этапе термин обрел более широкое значение. Первое появление данного термина связано с исследованием Д. Векслером американского Закона о психическом здоровье 1983 года. В выводах своего исследования Д. Векслер впервые употребил термины «терапевтический» и «антитерапевтический» эффект Закона как наиболее подходящие в рассмотрении последствий его применения. После публикации полученных результатов Д. Векслер распространил идею о необходимости исследований последствий и эффектов применения законодательства на все право в целом. Б. Виник, соавтор Д. Векслера и один из основоположников терапевтической юриспруденции, под терапевтическим понимает все, что улучшает, способствует сохранению психологического и физического благополучия человека (Wexler D.V., Winick V.J., 1996). Идея рассмотрения последствий воздействия Закона, правовых процедур и деятельности специалистов права, направленных непосредственно на людей, преступивших закон, а также наличие негативных и положительных последствий данного воздействия являются основой концепции терапевтической юриспруденции. Следствием опубликованных исследований стало желание судей, ведущих дела по наркотикам, применить идеи терапевтической юриспруденции в работе с преступниками, имеющими наркотическую

зависимость. В результате в конце 80-х годов в США появились специализированные суды по наркотикам.

Проведенный в нашем исследовании анализ научных трудов и исследований позволил установить, что главным направлением в праве, наиболее близком к терапевтической юриспруденции в своих ценностных установках, является восстановительное правосудие. Помимо ценностной близости двух подходов, восстановительное правосудие рассматривается нами подробно, поскольку имеет не только развитую методологию, но и широкую, устоявшуюся в других странах и в нашей стране, практику применения.

Целью нашего исследования является соотнесение концепций восстановительного правосудия и терапевтической юриспруденции, а также конкретизация концептуальных представлений о гуманизации детского правосудия.

Помимо анализа литературы и исследований, посвященных терапевтической юриспруденции и восстановительному правосудию, для достижения поставленной цели нами проведено эмпирическое исследование опыта реализации программ восстановительного правосудия. Эмпирическое исследование состояло из двух этапов: анализа количественных показателей межрегионального ежегодного мониторинга деятельности территориальных служб примирения за 2019-20 годы и качественного анализа кейсов – программ восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних по Архангельской области за 2017-18 годы. Банк данных для эмпирического исследования предоставил общественный центр «Судебно-правовая реформа». Также была разработана анкета для анализа опыта реализации программ восстановительного правосудия. В ходе анкетирования были опрошены 33 ведущих программ примирения и 7 судей.

По результатам исследования сделаны следующие выводы.

1. основополагающие идеи терапевтической юриспруденции, касающиеся необходимости исследований и выявления последствий применения Закона на общество в целом и отдельную личность в частности, наравне с идеей необходимости постоянного анализа и совершенствования правовой системы для минимизации негативного эффекта правоприменения, показали, что именно от этих идей необходимо отталкиваться при осуществлении правосудия, в особенности осуществляемого в отношении несовершеннолетних.

2. Основная идея терапевтической юриспруденции об уменьшении негативного и повышении положительного потенциала и эффекта от применения Закона реализуется в восстановительном правосудии.

3. Помимо сходства выявлено принципиально важное отличие между двумя концепциями. Терапевтическая юриспруденция ориентирована только на

правонарушителя. Жертва действий правонарушителя рассматривается в контексте терапевтической юриспруденции зачастую как инструмент для ресоциализации и восстановления преступника, в то время как концепция восстановительного правосудия сосредоточена как на правонарушителе, так и на жертве, на заглаживании причиненного ей вреда, а также на участии всех лиц, затронутых преступлением, в разрешении связанных с этим событием проблем, на восстановлении отношений между всеми участниками.

4. Выявлено, что восстановительное правосудие обладает реальными механизмами и методами, которые реализуют ключевые идеи терапевтической юриспруденции, актуализирующие задачу гуманизации права: позволяют достичь позитивных последствий правоприменения.

5. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о наличии развитого методического инструментария и организационных алгоритмов, обеспечивающих проведение восстановительных программ по делам в отношении несовершеннолетних. Однако степень распространения таких программ в России невелика. Серьезным препятствием для распространения этого опыта является отсутствие специального законодательства. Анкетирование показало, что представители системы уголовного судопроизводства, работающие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, недостаточно информированы о концепции восстановительного правосудия и возможностях применения таких программ. Все это позволяет сделать вывод о необходимости законодательного закрепления программ восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Литература

1. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография / Л.М. Карнозова. – М.: Проспект, 2014. – 262 с.
2. Law in a Therapeutic Key: Developments in Therapeutic Jurisprudence / Eds. D.B. Wexler, B.J. Winick. – Durham: Carolina Academic Press, 1996. – 996 p.

Результаты исследования потенциала традиционной игры для пробуждения сорадования

Дыденкова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Гармоничные межличностные отношения во многом зависят от умения человека понимать и принимать эмоциональное состояние другого, а также проявлять адекватный аффективный ответ. Данное умение, называемое эмпатией, традиционно исследуется вокруг реакции в ситуации страдания другого. Однако международным сообществом выделяется и иная валентность эмпатии - положительная, проявляющаяся в ситуации благополучия другого (Morelli S, 2015). В русском языке обнаружился емкий термин сорадование, то есть умение разделить радость другого или “чужая радость так же, как своя” по определению В.В. Абраменковой (Абраменкова В.В., 1999). Мы предполагаем, что подобное умение является не случайным качеством, но напротив, результатом нравственного развития личности.

Традиционная игра включает в себе колоссальный ресурс в развитии ребенка (Чернушевич В.А., 2021). Невозможно переоценить воспитательный потенциал традиционной игры, при этом ее ценностно-смысловым стержнем является переживание счастья-радости, порождаемое самой игрой (Теплова А.Б., 2021).

Дизайн исследования

Целью эмпирического исследования является определение влияния традиционной игры на способность к сорадованию у детей 8 - 9 лет. Гипотеза исследования: традиционная игра оказывает положительное воздействие на способность ощущать и проявлять сорадование у детей 8-9 лет.

В диагностическую батарею исследования вошли такие дополняющие друг друга методики, как “Волшебный цветок” (Т.А. Репина) для определения направленности ценностных ориентиров и “Что мы ценим в людях” (Е.Ф. Рыбалко) для выявления нравственных ориентаций. Кроме того, была адаптирована и применена методика “Незаконченные рассказы” Т.В. Гавриловой, показывающая характер эмпатической реакции, а также таблица наблюдения за поведением детей в игре (А.Б. Теплова, В.А. Чернушевич), фиксирующая количество поведенческих нарушений. Диагностика проходила в два этапа: на входе в эксперимент (в октябре) и на выходе (в марте) после 4х месяцев игровой практики. В группу испытуемых вошли 15 учеников и учениц 2-го и 3-го классов в возрасте 8-9 лет «Истоминской основной общеобразовательной школы».

Игровая программа включала 7 игр длительностью 30–35 минут и игралась с детьми 17 раз на еженедельной основе. В программу входило обязательное приветствие (имена) и игры: «Каравай», «Коза», «Тетера», «Коршун», «Змея», «Суп» и «Тук-тук, правая рука».

Обсуждение результатов

1. Статистический анализ данных с использованием критерия Вилкоксона, собранных в октябре и в марте по методике “Что мы ценим в людях”, дает значимые различия, свидетельствующие о тенденции увеличения балла к моменту финальной диагностики, то есть эмоциональные реакции и нравственные установки испытуемых становятся более адекватными, а отношение к нравственным нормам устойчивее.

4. Анализ данных, собранных по методике “Волшебный цветок” в октябре и в марте, также свидетельствует о положительной динамике в ценностных ориентациях у испытуемых. Так, количество желаний для себя сократилось с 45 до 23 ответов за счёт увеличения пожеланий другим. Количество ответов, ориентированных на бытовую сферу, сократилось с 23 до 10, а на игровую - с 27 на 19 ответов, т.к. испытуемые предпочли сферы, связанные с познанием и отношениями, увеличив в 3 раза количество ответов в данных категориях.

3. Значение коэффициента значимости оказалось ниже конвенционального уровня, равного 0,05, что свидетельствует о наличии значимых различий в данных, собранных в октябре и марте по Таблице наблюдения за поведением детей в игре. Данные свидетельствуют о тенденции к значимому снижению числа поведенческих нарушений в процессе игры.

4. Контент-анализ ответов испытуемых в “Незаконченных рассказах”, передающих характер эмпатии, показал рост “положительных” кодировок и сокращение “отрицательных”. Например, количество единиц кодов, напрямую связанных с сорадованием, таких как “Поздравит друга” и “Обрадуется” увеличивается на 92% (с 13 до 25 единиц) и 62% (с 13 до 21 единиц) соответственно, тогда как код “Будет обидно” снизил показатель на 61% (с 18 до 7 единиц).

Так, мы предполагаем, что полученные данные свидетельствуют о положительном воздействии традиционной игры на развитие нравственных ориентаций: появление значимого Другого в ценностном поле испытуемых, готовность желать для Другого лучшего, радоваться его успехам, осознавая собственную грусть. Вместе с тем, на наш взгляд, подобный рост морально-нравственных ориентиров прокладывает путь к развитию такой сверхчеловеческой способности, как сорадование, что, безусловно, должно быть предметом будущего исследования.

Кроме этого, предстоит выяснить в связи с чем в современной культуре не воспитывается сорадование, что, по нашему мнению, является зерном духовного начала в человеке и ключевым механизмом социализации.

Возможно, данные размышления послужат вдохновением для родителей к культивированию положительной эмпатии в своих детях, а также для более

масштабного распространения традиционной игры по стране, учитывая ее колоссальные воспитательные ресурсы.

Литература

1. Абраменкова В.В. Сорадование и сострадание в детской картине мира / В.В. Абраменкова. – М.: Эко, 1999. – 224 с.
2. Исследование уровня социально-коммуникативного развития дошкольников (эффективность программы «Сила народной игры» (Folkskills)) / А.А. Валевич [и др.] // Вестник практической психологии образования. – 2021. – Том 18. – № 3. – С. 18–30. – doi: 10.17759/bppe.2021180302.
3. Теплова А.Б. Аксиологический и методологический анализ народных игр / А.Б. Теплова, В.А. Чернушевич // Психолого-педагогические исследования. – 2021. – Том 13. – № 4. – С. 22–38. – doi: 10.17759/psyedu.2021130402.
4. Morelli S.A. The emerging study of positive empathy // Social and Personality Psychology Compass. – 2015. – Vol. 9. – № 2. – С. 57–68. – doi: 10.1111/spc3.12157.

Связь копинг-стратегий и субъективного благополучия родителей детей-инвалидов

Кургузова О.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Актуальность темы. Во всем мире, и в том числе в Российской Федерации, отмечается неуклонный рост детской инвалидности.

Защитные механизмы психики оказывают влияние на отношение к инвалидности, а, следовательно, на протекание и исход болезни. Для преодоления стрессовых ситуаций каждый человек использует определенные стратегии, так называемые копинг-стратегии, это то, что делает человек, чтобы справиться со стрессом. Совладающее поведение позволяет адаптироваться в стрессовых ситуациях, в частности к ситуации детской инвалидности (Абабков В.А., 2014).

В свою очередь программы по повышению эффективности копинг-стратегий родителей детей-инвалидов могут стать профилактической мерой для многих рисков в сфере детства, как в отношении ребенка, так и в отношении всей семьи.

Цель исследования – проанализировать особенности механизмов адаптации и субъективного благополучия родителей детей-инвалидов, определить их взаимосвязь.

Гипотезы: мы предполагаем, что

1) существуют различия в уровне субъективного благополучия родителей детей-инвалидов и родителей условно здоровых детей;

2) существуют различия в реализуемых копинг-стратегиях родителей детей-инвалидов и родителей условно здоровых детей;

3) между уровнем субъективного благополучия и реализуемыми механизмами адаптации существует взаимосвязь.

Итак, по итогам теоретического анализа нами было проведено эмпирическое исследование взаимосвязей копинг-стратегий и субъективного благополучия родителей детей-инвалидов. В исследовании приняли участие 80 испытуемых в возрасте от 30 до 55 лет. Основную группу испытуемых составили 40 родителей детей-инвалидов. Для выявления психологических особенностей родителей детей-инвалидов в исследование была включена группа мужчин и женщин, чьи дети не имели статуса инвалидности (40 человек). Все испытуемые психически здоровы.

В качестве методик мы использовали:

1. «Опросник способов совладания (WCQ) (в адаптации Л.И. Вассермана и др.)

2. «Методика «Шкала психологического благополучия» (автор – К. Рифф, адаптация Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко)

3. Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева.

Полученные данные мы обработали при помощи методов математической статистики, с использованием программы SPSS statistics. Количественные показатели оценивались на предмет соответствия нормальному распределению с помощью критерия Шапиро-Уилка. Сравнение двух групп по количественному показателю выполнялось с помощью U-критерия Манна-Уитни. Корреляционный анализ данных проводился с помощью статистического пакета программ SPSS. Направление и теснота корреляционной связи между двумя количественными показателями оценивались с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (при распределении показателей, отличном от нормального).

По результатам диагностики мы определили, что и у родителей детей-инвалидов, и у родителей условно здоровых детей ярко выражены такие копинг-стратегии, как «Положительная переоценка», «Планирование решения проблемы», «Поиск социальной поддержки». Наиболее популярным копингом является переосмысление проблемы и поиск помощи близких и родных людей.

Наименее востребованным способом защиты психики выступает «Дистанцирование» и «Принятие ответственности». Родители условно здоровых детей предпочитают при проблемах в первую очередь заручиться поддержкой близких, затем планировать разрешение сложившейся ситуации. Родители условно здоровых детей положительно переоценивают либо берут под контроль эмоции.

Родители условно здоровых детей направляют силы на разрешение ситуации, а родители детей-инвалидов умеренно действуют по всем копингам, кроме положительной переоценки.

При сравнении копингов между родителями детей-инвалидов и родителями условно здоровых детей было выяснено, что испытуемые обеих групп используют в основном одни и те же копинг-стратегии. Из всех данных статистически значимые различия были получены только при анализе показателя «Положительная переоценка». По остальным копинг-стратегиям не было получено статистически значимых различий.

Ограничение возможностей ребенка снижает довольство жизнедеятельностью родителей и, как следствие, уменьшает цели на будущее, желания и довольство жизнью. Выраженность параметров субъективного благополучия у родителей детей-инвалидов находится на среднем уровне, а у родителей условно здоровых детей – на уровне выше среднего. Следовательно, можно утверждать, что родители условно здоровых детей превосходят родителей детей-инвалидов по среднегрупповым значениям параметров субъективного благополучия, кроме такого параметра, как «Позитивные отношения», который выше в группе детей-инвалидов. Однако статистически значимых различий по показателям оценки субъективного благополучия в двух представленных группах выявлено не было.

При анализе смысложизненных ориентаций респондентов было выявлено, что родители детей-инвалидов чувствуют частичную неудовлетворенность в вопросах своей самореализации, это же касается пройденного жизненного пути, при этом они не ориентируются только на прошлое. Родители детей-инвалидов выступают в качестве сильных личностей, обладающих способностью совершения своего выбора при организации своей жизнедеятельности. Исходя из этого, высокие баллы по шкалам опросника СЖО и интегральному показателю осмысленности жизни позволяют сформировать представление о родителях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, как о целеустремленных людях, жизненные планы которых имеют под собой прочную основу в разрезе настоящего и будущего.

Результаты, полученные в группе родителей условно здоровых детей, демонстрируют, что планы этих респондентов опираются на осмысленность

настоящего и удовлетворенность прошлым. Продуктивность прошлого и результативность жизнедеятельности оценивались респондентами этой группы выше интенсивности своей жизнедеятельности на данный момент времени.

Однако при этом шкала «Локус контроля-Жизнь» набрала наивысшую по значимости оценку. Общий показатель в группе родителей условно здоровых детей незначительно превышает значение, полученное в группе родителей детей-инвалидов. Статистических различий по данной методике не выявлено.

Корреляционный анализ реализуемых копинг-стратегий и показателей субъективного благополучия позволяет сделать следующий вывод: чем большее принятие ситуации с воспитанием в семье ребенка-инвалида и реализация активных копинг-стратегий, тем выше субъективный уровень удовлетворенности жизнью. При корреляционном анализе данных в группе родителей условно здоровых детей получен следующий вывод: чем более респонденты данной группы берут на себя ответственность в решении проблем и достижении жизненных целей, тем более они удовлетворены собой, окружающей средой, социальным взаимодействиям и тем реже стремятся к пассивным копинг-стратегиям, замыканию в себе. Также чем более самостоятельным считает себя респондент данной группы, тем более он склонен выступать против стрессовой проблемной ситуации путем поведенческой активности, осуществления конкретных действий, направленных либо на изменение ситуации, либо на отреагирование негативных эмоций в связи с возникшими трудностями, и тем не менее он нуждается в социальном одобрении этого поведения и поддержке.

Гипотеза исследования может быть подтверждена, т.е. действительно существуют корреляции и качественные особенности взаимосвязи механизмов адаптации и субъективного благополучия родителей детей-инвалидов и родителей детей, не имеющих особенностей здоровья.

На основании полученных результатов исследования предложена программа, целью которой является формирование продуктивных когнитивных копинг-стратегий родителей детей-инвалидов с помощью передачи знаний и развития навыков сопротивления стрессам, устранение стереотипов поведения посредством его произвольной регуляции.

Литература

1. Абабков В.А. Адаптация к стрессу. Основные теории, диагностики, терапии / В.А. Абабков, М.А. Перре. – СПб: Речь, 2014. – 166 с.

Социально-психологическое сопровождение неблагополучных семей учреждениями профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Орлова К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

В настоящее время по-прежнему уделяется большое внимание проблемам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, выявлению причин социальной дезадаптации семей, воспитывающих несовершеннолетних, разработке методов влияния на сложившуюся ситуацию.

В соответствии с реализуемыми в последние годы технологиями работы служб системы профилактики, в том числе применяемой технологии раннего выявления семейного неблагополучия в Центрах поддержки семьи и детства в городе Москве, увеличиваются темпы выявления роста случаев жестокого обращения с ребенком: в 2018 году – 91,6% (к предыдущему году); в 2019 году – 98,2%, в 2020 году – 80,9% по Российской Федерации, по городу Москве: 2018 год – 47,4; 2019 – 62,5; 2020 – 133,3, при этом существует ряд процессов в семейной системе, при которых ее члены сталкиваются с ситуациями, регулируемые законодательством, в том числе с ситуацией, при которой несовершеннолетний может быть отобран из семьи (ст. 77 Семейного кодекса РФ), а также с ситуацией применения статей 24, 65, 66, 73, 76 СК РФ, которые являются основанием для проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что в поле отечественной психологии отмечается дефицит работ, посвященных роли психолога в работе служб системы профилактики, в том числе, недостаточно обоснованы научные и методические рекомендации их деятельности.

Объект исследования – социально-психологическое сопровождение семей с целью профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Предмет – особенности участия психолога в социально-психологическом сопровождении семей в учреждениях профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Цель – выявление особенностей применения специальных психологических знаний при сопровождении семей в учреждениях профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Гипотеза – существуют различия в эффективности социального сопровождения специалистами с базовым психологическим образованием и с отсутствием такового.

Материалом исследования выступили личные дела семей, состоящих на социальном сопровождении, с 2018 по 2022 год. Для анализа были выбраны личные дела категорий «семья, находящаяся в социально-опасном положении»/ «СОП» и «семья, находящаяся в трудной жизненной ситуации» / «ТЖС». Дополнительно данные о проведенной работе с семьей были получены из неструктурированной беседы со специалистами-кураторами. Специалисты цель беседы не знали, что позволило получить более развернутые, правдивые ответы.

Всего было проанализировано 53 личных дела, из них:

- К категории «СОП» относится – 31; к категории «ТЖС» - 22;
- Куратором семьи являлся специалист с базовым психологическим образованием – 27; без базового психологического образования – 26.

Семьи, которые состоят на социальном сопровождении как относящиеся к категории «семьи, принявшие на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей», в материал нашего исследования не входят, так как имеют свою специфику, в том числе организация работы с такими семьями является более изученным направлением (Ослон В.Н., Прихожан А. М., Толстых Н. Н.), а также требует других методических рекомендаций.

Методами нашего исследования является теоретический анализ научной литературы, методы эмпирического исследования – беседа, анализ документов, а также методы математической статистики.

Работа специалистов с семьей была проанализирована на основе следующих критериев:

- Открытая проверка – метод получения информации о ситуации в семье, при котором информация получается напрямую от клиента, без дополнительной проверки;
- Скрытая проверка - метод получения информации о ситуации в семье, при котором информация проверяется в других органах системы профилактики, а также запрашиваются подтверждающие документы у членов семьи (справки, договора, т.д.).
- Инициация межведомственного взаимодействия – метод работы с семьей, при котором в профилактику вовлекаются иные субъекты межведомственного взаимодействия, например, организуются совместные выходы и т.д.
- Личное сопровождение в учреждения – метод работы с семьей, при котором специалист сопровождает получателя социальных услуг в учреждения

(наркологический диспансер, МФЦ т.д.) с целью оказания содействия в получении государственной услуги.

- Содействие в оформлении документов, регистрации на порталах, т.д. – метод работы с семьей, при котором куратор помогает получателю социальных услуг в получении информации о возможных услугах, способствует их оформлению. Например, специалист помогает получателю социальных услуг встать на очередь в дошкольное учреждение.

- Инициатива контакта, превышающего профессиональную позицию специалиста, исходит от клиента. Зачастую семья, понимая, что ей готовы оказать помощь, превышает рамки взаимодействия со специалистом, совершая звонки в выходные дни и позднее время с целью «выговориться», прося одолжить денег и т.д. С одной стороны, такой формат взаимодействия может свидетельствовать об установлении доверительных отношений. Однако вместе с тем могут возникать обратные ситуации «использования» специалиста, при которых работа с семьей перестает быть эффективной.

При математической обработке данных с применением критерия ранговой корреляции Спирмена (отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$) и U-критерий Манна-Уитни получены следующие результаты:

1. Выявлена положительная корреляция качества работы (результативность проделанной работы) с выраженностью реализации метода «Открытая проверка», иными словами, получение информации о ситуации в семье напрямую от клиента, способствует более высокой результативности работы.

2. Выявлена отрицательная корреляция качества работы (результативность проделанной работы) с выраженностью реализации методов «Скрытая проверка» и «Инициация межведомственного взаимодействия», иными словами, использование обозначенных методов не способствует повышению качества сопровождения.

3. Корреляция между качеством работы (результативностью проделанной работы) с выраженностью реализации методов «Личное сопровождение в учреждения», «Содействие в оформлении документов, регистрации на порталах и т.д.», «Инициатива контакта, превышающего профессиональную позицию специалиста, исходит от клиента» отсутствует.

4. На основании математических данных, мы можем сделать надежный вывод о том, что эффективность социального сопровождения специалистами-психологами выше, чем у специалистов без базового психологического образования (U-критерий Манна-Уитни, получено эмпирическое значение 117,5 находится в зоне значимости $p=0.01$)

На основе результатов проведенного исследования найдено подтверждение гипотезы о том, что существуют различия в эффективности социального сопровождения специалистами с базовым психологическим образованием и с отсутствием такового.

Агрессивное поведение старших подростков и особенности детско-родительских отношений в их семьях

Стекачева А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Ремеева А.Ф.

В настоящее время в психологической науке одним из значимых объектов исследования является семья. Устойчивый интерес к ее изучению основывается, прежде всего, на понимании ее самоценности. Именно в семье ребенок получает свой первый опыт взаимодействия с окружающим миром, именно в семье начинают формироваться черты его личности. И, главным образом, на процесс становления личности ребенка влияет характер внутрисемейных отношений.

При дисфункции семейной системы, дисгармонии детско-родительских отношений возможно возникновение изменений и нарушений во всех сферах личности ребенка. Так, отсутствие заботы, поддержки и понимания, взаимного уважения между родителями и детьми приводит к повышению уровня агрессивности у последних (Варга А.Я., 1986). Попадая в ситуацию психологической небезопасности, они вынужденно могут занимать оборонительно-агрессивную, враждебную позицию по отношению к окружающему миру. В подростковом возрасте подобные условия семейного психологического неблагополучия могут стать предпосылкой учащения разных проявлений девиантного поведения, в частности именно агрессивного.

Все это пагубно отражается не только на дальнейшей жизни самих детей, но и в целом на развитии общества ввиду того, что его будущее в большей степени зависит именно от молодого поколения.

На сегодняшний день нельзя не упомянуть и о существенном негативном влиянии на описанные выше закономерности такого внешнего фактора, как пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19).

С целью определения гендерной специфики связи особенностей детско-родительских отношений и проявления агрессивного поведения у детей старшего подросткового возраста на базе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 293 имени А. Т.

Твардовского» было проведено исследование. В нем приняли участие учащиеся 8-9 классов в количестве 88 человек в возрасте от 13 до 16 лет (средний возраст – 14,5), из них 74 человека (40 мальчиков и 34 девочки) воспитываются в полных семьях и 14 человек (3 мальчика и 11 девочек) – в неполных семьях.

В эмпирическом исследовании была выбрана диагностика с использованием таких методик, как опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (И. М. Марковская), «Личностный опросник агрессивности Басса-Перри» и «Виды агрессивности» (Л. Г. Почебут). Для статистической обработки данных был использован статистический пакет IBM SPSS Statistics.

Для количественного и качественного анализов полученных результатов и формулирования выводов были взяты работы подростков, воспитывающихся только в полных семьях. Отдельно стоит заметить, что исследованы были именно представления подростков о характере детско-родительских отношений.

Обобщая результаты проведенного исследования, прежде всего, необходимо отметить, что подростки, воспитывающиеся в полных семьях, своими отношениями с родителями в целом удовлетворены. Как для девочек, так и для мальчиков мнение родителей, те или иные их действия являются авторитетными.

Вне зависимости от пола подростки считают родителей людьми требовательными, периодически чрезмерно их контролирующими, с которыми трудно достичь согласия. Но при этом, с точки зрения и мальчиков, и девочек, родители не являются людьми суровыми, в процессе воспитания они последовательны в своих действиях. Их поведение оценивается подростками как принимающее, в связи с чем они чувствуют эмоциональную близость к родителям, проявляют готовность делиться с ними самым сокровенным и важным. При определении характера их взаимодействия с родителями подростки отмечают наличие сотрудничества.

Если говорить об особенностях проявления агрессивного поведения у старших подростков, то в первую очередь, стоит отметить, что у девочек общий уровень агрессивности поведения является высоким, а адаптационные возможности – низкими, тогда как у мальчиков степень выраженности данных параметров средняя.

Согласно полученным данным, девочки в большей степени склонны к проявлению физической, вербальной и предметной агрессии в отличие от мальчиков. При этом учащение проявления подростками *предметной агрессии* связано с эмоциональным отвержением со стороны родителей и их непоследовательностью в процессе воспитания, а именно у мальчиков еще и с эмоциональной дистанцией с родителями, низкой степенью согласия с ними и в целом неудовлетворенностью их взаимоотношениями. А учащение проявления

подростками *вербальной агрессии* уже отдельно связано у девочек с эмоциональным отвержением со стороны родителей и поддержанием ими дистанции, а у мальчиков – лишь с непоследовательностью родителей в своих действиях.

Также у девочек-подростков обнаруживается большая *склонность к раздражительности*. И если у них повышение степени ее выраженности связано с эмоциональной дистанцией с родителями, низкой степенью согласия с ними и в целом неудовлетворенностью их взаимоотношениями, то у мальчиков-подростков – со строгостью и непоследовательностью родителей. Вместе с тем вне зависимости от пола данная склонность у старших подростков отрицательно коррелирует с принятием со стороны родителей, то есть, чем больше последние демонстрируют свое принятие подростков, тем меньше те проявляют раздражительность.

Помимо этого, в соответствии с полученными данными, девочки более враждебны при взаимодействии с другими людьми, они более подозрительны и обидчивы, нежели мальчики. К повышению *уровня враждебности* подростков, опять же вне зависимости от пола, могут предрасполагать низкая степень их удовлетворенности своими отношениями с родителями, неавторитетность для них последних, в целом – низкая степень согласия между сторонами, а также строгость и непоследовательность родителей, их эмоциональное отвержение, поддержание ими дистанции с детьми и в том числе несотрудничество с ними.

Аналогичные тенденции обнаруживаются относительно *склонности* девочек-подростков к *самоагрессии* (степень выраженности которой также выше, чем у мальчиков) и *общего уровня агрессивности их поведения*. Тогда как у мальчиков-подростков повышение общего уровня агрессивности их поведения связано лишь с низкой степенью согласия с родителями, непоследовательностью последних, их эмоциональным отвержением и поддержанием дистанции с детьми, а учащение проявления ими самоагрессии – вовсе только с последними двумя из перечисленных параметров.

Таким образом, на основании результатов, полученных в ходе нашего исследования, мы можем утверждать, что связь особенностей детско-родительских отношений и проявления детьми агрессивного поведения имеет качественные различия у мальчиков и девочек старшего подросткового возраста.

Литература

1. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: дис... канд. психол. наук. – М., 1986. – 206 с.

Связь уровня агрессии и учебной мотивации у учащихся старших классов

Шаульская А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В последнее время мы чаще сталкиваемся с существенным снижением учебной мотивации в старшем подростковом возрасте. Существует множество причин, способных на это влиять: от личных установок до взаимоотношений с окружающими. Мы предполагаем, что на мотивацию в целом, в особенности учебную, может влиять такая форма поведения, как агрессия.

Термин «агрессия» относится к ряду моделей поведения, приводящих к физическому и к психологическому вреду для себя, другого человека или просто окружающей нас действительности. Когда агрессия становится чрезмерной, неконтролируемой или экстремальной, это может быть связано с основным состоянием психического здоровья, с психическим расстройством или иной проблемой (Blair RJR., 2016).

Подростковая агрессия заслуживает особого внимания, в этом возрасте закладываются основные принципы, жизненные позиции, формируются социальные установки, отношение к себе, к окружающим и обществу. Также в этом возрасте стабилизируются черты характера и основные формы межличностного поведения.

Важно отметить, что с учетом особенностей подросткового возраста проявления физической агрессии рассматриваются как специальные индикаторы, которые позволяют определять различные траектории социализации, которые могут быть связаны со стилистическими особенностями поведения как в ситуациях современной микросоциальной среды, так и в ситуациях макросоциальной среды.

Для образовательного процесса одной из основных задач является развитие мотивационной сферы обучающихся. Рассматривая период подросткового возраста, можно выявить ориентировку на интенсивное развитие мотивационной сферы личности, происходит количественное и качественное преобразование мотивов. На данном возрастном этапе некоторые мотивы становятся устойчивыми, приобретают характер смыслообразующих. Однако основной проблемой для старшего подросткового возраста остаётся несформированность устойчивой познавательной мотивации (Михайлова М.С., Шамовская Т.В., 2021).

Л.И. Божович выделяла познавательные и социальные мотивы, считая, что первый тип включает в большей степени когнитивные интересы, потребность в интеллектуальной деятельности и стремление к приобретению новых знаний; второй тип включает необходимость общения с другими и желание быть признанным другими (Божович Л.И., 1972).

А.К. Маркова также впоследствии опиралась на теорию Божович и выделяла ещё несколько подтипов:

1. Познавательные мотивы:
 - 1.1. Широкие познавательные мотивы. Ориентированы на овладение учащимися новыми знаниями.
 - 1.2. Учебно-познавательные мотивы. Ориентированы на освоение способов усвоения знаний учащимися.
 - 1.3. Мотивы саморазвития. Ориентация учащихся на самостоятельный процесс познания способов получения знаний.
2. Социальные мотивы:
 - 2.1. Широкие социальные мотивы. Состоят в желании получать знания, чтобы быть полезным, в понимании необходимости учиться и в ответственности.
 - 2.2. Узкие социальные. Состоят в стремлении занять определенную позицию, получить одобрение, заслужить авторитет;
 - 2.3. Социальные мотивы. Состоят в том, что ученик не только хочет общаться и взаимодействовать с другими, но и стремится осознать, проанализировать способы, формы своего сотрудничества и взаимоотношений с окружающими (Маркова А.К., 2014).

Цель исследования: изучить особенности связи агрессивных проявлений и учебной мотивации.

Гипотезой послужило положение о том, что у учащихся старших классов с более высоким уровнем агрессивных проявлений более низкие показатели мотивации к обучению.

Выборку исследования составили 53 подростка, учащихся 10 классов общеобразовательной школы, из них 43% девочек и 56% мальчиков. Возрастной диапазон – 15-17 лет.

Для изучения связи агрессивных проявлений и учебной мотивации мы использовали следующий набор методик: «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев) для выявления склонности к конфликтности и агрессивности; для исследования агрессивного поведения Личностный опросник Басса-Перри (ВРАQ); «Методика изучения мотивации обучения старшеклассников» (М.И. Лукьянова, Н.В. Калинина) для определения наличия мотивации, ее видов и уровней; для подкрепления была выбрана

методика «Изучение типов и уровней мотивации учебной деятельности» (И.С. Домбровская), она также выявляет уровень мотивации к школьному обучению.

Для обработки данных использовались математические методы с использованием программы IBM SPSS Statistics 22: корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты. Относительно агрессивных проявлений было выявлено, что превалирует средний уровень склонностей по шкалам. Из общего количества обследуемых 24,5% склонны к вспыльчивости, 54,7% склонны к бескомпромиссности, 28,3% имеют склонность к подозрительности. Высокий уровень конфликтности составляет примерно 22,6% от общего числа испытуемых. По методике Басса-Пери доминирует средний уровень, 30,2% испытуемых склонны к гневу.

Методика изучения мотивации обучения старшеклассников имеет несколько блоков. Средние показатели по выборке говорят о том, что в большинстве выделенные блоки у учащихся находятся на высоком уровне – 49% опрошенных обладают высоким уровнем личностного смысла обучения. Высокий уровень способности к целеполаганию проявили 58,5% от общего числа обследуемых. В блоке «иные мотивы» доминируют, прежде всего, нормальный и высокий уровни мотивации, что составляет 41,5% и 37,7% от общего числа обследуемых соответственно. В этом блоке был выявлен ведущий мотив обследуемых – 98% учащихся имеют позиционный мотив. Учебный мотив оказался ведущим лишь у одного учащегося, то есть, можно предположить, что большинство старшеклассников осуществляют деятельность ради достижения определенного места среди сверстников и стремятся проявить себя. Итоговый уровень мотивации у старшеклассников на высоком уровне: 60,4% от общего числа обследуемых. Выявлено также, что у обследуемых присутствует как стремление к успеху, так и недопущение неудач в учебной деятельности, причем учебные мотивы реализуются в поведении довольно редко.

Результаты методики «Изучение типов и уровней мотивации учебной деятельности» показывают, что среди обследуемых доминирует приближенная к высокой и высокая степень выраженности познавательных мотивов. Мотив самореализации преобладает у 64,2% учеников, в то время, как широкие и узко познавательные мотивы - у 56,6% и 45,2% от общего количества обследуемых соответственно. Если рассматривать высокую степень выраженности в процентах, то превалирует широкий социальный мотив – 64,2%, затем следуют узкий социальный мотив – 47,2% и мотив социальных знаний – 18,9%.

В общем, у учащихся средние значения познавательного и социального мотивов имеют среднюю степень выраженности, но познавательный мотив встречается чаще.

Наша гипотеза частично подтвердилась. Эмпирические значения коэффициента корреляции Спирмена значимы на уровне 0,05. Корреляционный анализ показал, что существует связь между гневом и узкими познавательными мотивами и мотивами саморазвития, из чего следует, что чем выше данное агрессивное проявление, тем менее выражены упомянутые типы мотивации. Такая же связь наблюдается между физической агрессией и широкими познавательными мотивами.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки коррекционно-развивающих и тренинговых программ, посвященных работе с навыками самоорганизации или ассертивным поведением.

Литература

1. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благондежиной; Науч.-исслед. ин-т общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Педагогика, 1972. – С. 7–44.
2. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: пособие для учителя / А.К. Маркова. – М.: Просвещение, 2014. – 96 с.
3. Михайлова М.С. Развитие мотивационной сферы учащихся в старшем подростковом возрасте / М.С. Михайлова, Т.В. Шамовская // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: гуманитарные и общественные науки. – 2021. – Том 5. – № 1. – С. 11–20. – doi: 10.21603/2542-1840-2021-5-1-11-20.
4. Blair R.J.R. The neurobiology of impulsive aggression // Journal of Child Adolescent Psychopharmacology. – 2016. – Vol. 26. – № 1. – P. 1–6. – doi: 10.1089/cap.2015.0088.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований чувства вины и его влияния на ресоциализацию осужденных

Власова Е.А., Ушков Ф.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Исследование посвящено теоретическому анализу научных источников и выступает одним из этапов подготовки эмпирического исследования особенностей переживания чувства вины женщиной, осужденной за корыстное преступление.

В отечественной психологии изучению чувства вины посвящены работы Л.В. Алтуховой, И.А. Белика, О.С. Васильевой, С.В. Горнаевой, Е.П. Ильина, П.Ю. Калистратова, Е.В. Коротковой, Н.С. Козловой, О.М. Манхаевой, Ю.А. Момота, К. Муздыбаева, Р.А. Севостьянова, Н.Д. Узлова.

К. Муздыбаев создал комплексную теорию чувства вины и стыда в отечественной психологии (Манхаева Ю.А., 2010). Он считал, что переживание вины часто связано с агрессивностью и мстостью (Узлов Н.Д., 2014), определял вину как негативное чувство, которое возникает из-за совершения поступка, выходящего за грани моральных норм и связано с осознанием этого поступка (Муздыбаев К., 1995).

О.С. Васильева и Е.В. Короткова объясняли вину как чувство, которое определяется потребностью, находящейся на высшем уровне пирамиды потребностей. Тем самым, они сближают научное и житейское понимание чувства вины. Однако, одновременно они указывают на биологические истоки данного чувства.

Важным аспектом вины является тот факт, что она выступает в качестве регулятора социального поведения. Чувство вины мотивирует человека соблюдать общественные нормы. Более того, вина часто определяет те воспитательные методы, которые приняты в обществе, систему поощрений и наказаний (Горнаева С.В., 2012).

Вместе с тем, Е.П. Ильин указывал на недопустимость отождествлять вину и страх, что не стоит придавать большое значение внешнему наказанию, когда дело касается чувства вины. Чувство вины является самостоятельным феноменом, который необходим для снижения тревоги и профилактики

психических расстройств. Также в научных источниках исследователи указывают, что есть оптимальный уровень переживания чувства вины. Люди с таким показателем уровня вины показывают наибольшие адаптивные способности (Ильин Е.П., 2009).

В зарубежной психологии наиболее активно феномен вины изучался в психоаналитическом (З. Фрейд, А. Фрейд, К. Хорни и др.), гуманистическом (А. Маслоу и др.), экзистенциально-гуманистическом (И. Ялом, Дж. Бьюдженталь), экзистенциальном (В. Франкл, Р. Мэй и др.) и когнитивном (J. Tangney, M. Hoffman) подходах.

Дж. Тангней подчеркивает положительное влияние чувства вины, указывая, что чувство вины играет позитивную роль в социальном взаимодействии: оно толкает человека на действия по устранению данного чувства (например, к попыткам утешить пострадавшую сторону, найти способы загладить вину, проявить чуткость) (Tangney J., 1995).

Психологи-экзистенциалисты тоже рассматривают вину с точки зрения позитивного влияния, которое она может оказывать на человека. Это происходит из-за мысли о связи чувства вины со стремлением человека к самосовершенствованию (Белик И.А., 2006). И. Ялом описывает два типа вины: подлинная вина и невротическая вина (Гришина Н.В., 2015). Первая отличается тем, что появляется в случаях реального совершения какого-либо поступка по отношению к другому. Вторая же рождается из-за воображаемых преступлений. Эти типы воспринимаются людьми как равнозначные: им соответствуют одинаковые проявления. Однако, разнятся способы преодоления данного чувства: подлинная вина требует равносильного искупления, а от невротической можно избавиться с помощью психотерапии. Именно экзистенциальная перспектива рассмотрения феномена вины вносит существенные добавления в само понятие: его тесно связывают с чувством ответственности и направляют не только против других людей, но и против самого себя (Ялом И., 1999).

Существуют содержательные различия чувства вины у осужденных мужчин и женщин. Так, в исследовании П.Ю. Калистратова показано, что женщины чаще и охотнее мужчин берут на себя ответственность за свои поступки. Мужчины склонны на перекладывание ответственности: винят в происходящем обстоятельства (других людей) (Калистратов П.Ю., 2011).

При этом отрицание вины является важной характеристикой осужденных женщин. Ч. Ломброзо указывал, что женщины с необыкновенным упорством отрицают свою вину, даже при наличии доказательств, которые невозможно интерпретировать двояко (Янчук И.А., 2018).

Признание вины имеет большое значение для разрешения уголовного дела и является предпосылкой для назначения справедливого наказания. Однако

не стоит сводить признание вины исключительно к формальным, юридическим вопросам (Севостьянов Р.А., 2022).

Человек, который не чувствует вину, склонен совершать повторные правонарушения и преступления (Калистратов П.Ю., 2011). Для осуществления качественной и эффективной коррекционной работы необходимо осознание мотивов поступков осужденного, его психологических особенностей (Момот Ю.А., 2020). Таким образом, чувство вины является важной составляющей, направленной на осознание своих поступков, что ведет к успешной ресоциализации.

Следовательно, можно предположить, что результаты эмпирического исследования особенностей переживания чувства вины женщиной, осужденной за корыстное преступление, могут быть использованы пенитенциарными психологами при подготовке проектов программы по психологическому сопровождению.

Литература

1. Горнаева С.В. Вина и стыд в контексте психологической регуляции социального поведения личности // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2(33). – С. 47–49.
2. Гришина Н.В. Введение в экзистенциальную психологию: учеб. пособие / Н.В. Гришина, В.В. Знаков, Г.Л. Исурин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2015. – 120 с.
3. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.
4. Калистратов П.Ю. Гендерные особенности проявления вины у осужденных // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Том 11. – № 3. – С. 95–97.
5. Козлова Н.С. Гендерные различия в переживании чувства вины / Н.С. Козлова, Л.В. Алтухова // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. – 2015. – № 11–12(20). – 6 с.
6. Манхаева О.М. Теоретико-эмпирическое обоснование феномена «чувство вины» с точки зрения развития личности // Образование и саморазвитие. – 2010. – № 6 (22). – С. 221–227.
7. Момот Ю.А. Особенности переживания чувства вины у мужчин, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 61(9). – С. 67–71. – doi: 10.18411/lj-05-2020-194.
8. Муздыбаев К. Переживание вины и стыда / К. Муздыбаев; ред. В.А. Лазарева. – СПб.: Институт социологии РАН, 1995. – С. 39.

9. Севостьянов Р.А. К вопросу о понимании феномена признания вины в уголовном праве // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 1. – С. 18–20.
10. Узлов Н.Д. Чувство вины у осужденных с разными сроками лишения свободы // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2014. – № 4. – С. 245–252.
11. Янчук И.А. Особенности личности женщин, осужденных к лишению свободы, и их влияние на индивидуализацию исполнения наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 4(44). – С. 61–68.
12. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия / Пер. Т.С. Драбкиной. – М.: Класс, 1999. – 576 с.
13. Tangney J. Shame and guilt in interpersonal relationships // Self-conscious emotions: The psychology of shame, guilt, embarrassment, and pride / Eds. J. Tangney, K.W. Jischer. – New York: Guilford Press, 1995. – С. 114–139.

Лудомания как одна из форм деструктивного поведения сотрудников УИС

Кулешова Е.А.

Академия права и управления федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань)

Научный руководитель – Жильцова Ю.В.

Профессиональная деятельность сотрудников УИС связана с особыми рисками, которые обусловлены службой в экстремальных условиях. В настоящее время сотрудникам УИС приходится сталкиваться с влиянием стрессогенных факторов, связанных с тяжелым психоэмоциональным состоянием, стрессами, ненормированным графиком, нехваткой времени, а также личными и семейными проблемами. В состоянии постоянного агрессивного влияния внешней среды и напряженного психоэмоционального состояния в разы увеличивается вероятность возникновения деструктивного поведения у сотрудника УИС.

Е.Б. Усова считает, что деструктивное поведение является результатом взаимодействия индивидуального, педагогического, психологического и социальных факторов (Усова Е.Б., 2010).

Лудомания – это патологическая склонность к азартным играм, казино, ставкам. Как и любая зависимость, лудомания имеет определенные механизмы развития. Важно сочетание личностных особенностей человека, которые,

взаимодействуя с определенными факторами окружающей среды, способны вызвать игровую зависимость (Захарова Т.А., 2008).

В механизме развития лудомании, или игровой зависимости, важную роль играет мотив, которым руководствуется каждый игрок (Николаева О.К., 2008).

У сотрудника УИС, который страдает лудоманией, появляется желание таким образом уйти из окружающей реальности, отвлечься, отдохнуть, заработать больше денег. Игровая зависимость формируется медленно и постепенно. Сотрудник не понимает, во что он попал, а игру считает своим единственным спасением. Начинается череда мелких выигрышей, заниженная самооценка повышается, а желание играть лишь усиливается. За каждым выигрышем следует проигрыш. На данной стадии человек уже настолько втянут в игру, что происходит формирование замкнутого порочного круга: он ставит последние деньги, проигрывает их, берёт деньги в долг в надежде отыграться, но проигрывает, и цикл повторяется заново. Игра становится центром жизни сотрудника. Семья, служба и хобби уходят на последний план. Ради игры он способен прибегнуть ко лжи даже самым близким людям. Происходят изменения и в эмоционально-волевой сфере психики: появляются и нарастают раздражительность, утомляемость, обидчивость, возможны нарушения ночного сна.

Для изучения проблемы лудомании как одной из форм деструктивного поведения сотрудников УИС нами было проведено эмпирическое исследование игровой зависимости среди сотрудников одного из исправительных учреждений УФСИН России по Тамбовской области, а также предложены меры по профилактике данной деструкции.

Выборка составила 50 человек в возрасте от 21 года до 45 лет.

В эмпирическом исследовании мы использовали следующие диагностические методы: наблюдение, анкетирование, беседа, опросник «Степень вовлеченности в компьютерные игры», анкета идентификации компьютерной игровой зависимости И.М. Балонова, тест К. Янг для определения интернет-зависимости.

Результаты по опроснику «Степень вовлеченности в компьютерные игры».

1. 55% респондентов ответили, что регулярно пользуются интернетом как для развлечения, так и для сетевых игр; 28% участников тестирования ответили, что редко пользуются интернетом для развлечений; оставшиеся 17% ответили, что часто играют в компьютерные игры;

2. Больше половины опрошенных во время занятий и игры на компьютере не следят за временем;

3. Большая часть опрошенных (78%) сказали, что проявляют агрессию, испытывают стресс во время отвлечения от компьютера окружающими, они

отметили так же, что в неподходящее игровое время могут возникать конфликты с семьей или другими людьми;

4. Треть опрошенных (27%) отметили, что их больше привлекает виртуальное общение, нежели общение в живую;

5. Больше половины исследуемой группы (56%) ответили, что могут играть в компьютер всю ночь, при этом не замечая смены времени суток.

Результаты по методике «Анкета идентификации компьютерной игровой зависимости» И.М. Балонина: 50% участников эмпирического исследования посвящают компьютеру большую часть свободного времени, а у 21% тестируемых ярко выражены симптомы компьютерной зависимости, только треть опрошенных (29%) показывают норму в работе с компьютером.

Исходя из данных, полученных в результате тестирования респондентов по опроснику К. Янг, можно сделать вывод о том, что 48% опрошенных сотрудников исправительной колонии находятся на стадии увлеченности играми. У 27% испытуемых присутствует риск развития игровой зависимости. У 11% сотрудников присутствует игровая зависимость, а у 14% риск игровой зависимости отсутствует.

Исходя из данных, полученных в ходе проведенного эмпирического исследования сотрудников исправительной колонии УФСИН России по Тамбовской области, можно сделать вывод о том, что 17% участников исследования играют в компьютерные игры на постоянной основе, а у 11% респондентов присутствует игровая зависимость.

Можно сделать вывод о том, что лудомания среди сотрудников УИС является актуальной проблемой, которая требует решения. Лудомания негативно влияет на психическое и физическое состояние сотрудника, на его профессиональную деятельность.

Необходимо обозначить обязательные элементы психологической коррекции лудомании среди сотрудников УИС:

1. Психологическое сопровождение сотрудников УИС на этапе адаптации;

2. Систематическое психодиагностическое тестирование с целью выявления деструктивного поведения, а в частности склонности к азартным играм;

3. Психологическая работа с сотрудниками УИС, включенными в группу риска;

4. Психологическая работа, направленная на снижение стресса и стабилизацию морального климата в коллективе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деструктивное поведение имеет различную природу его появления. Профилактика лудомании среди сотрудников УИС должна осуществляться посредством снижения уровня

стресса в коллективе, а также помощи сотрудникам, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Литература

1. Ежова О.Н. Профилактика деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 3(39). – С. 73–79.
2. Захарова Т.А. Игромания. Зависимость от компьютерных игр / Т. Захарова, С. Медведева // Социальная педагогика. – 2008 – № 2. – С. 107–112.
3. Николаева О.К. Эпидемия XXI века: телевидение, Интернет и компьютерные игры / О.К. Николаева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 256 с.
4. Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238.
5. Усова Е.Б. Психология девиантного поведения: учеб.-метод. комплекс / Е.Б. Усова. – Минск: Изд-во МИУ, 2010. – 180 с.

Копинг-стратегии у несовершеннолетних осужденных, их психологическая коррекция и развитие

Куш С.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

По данным официальной статистики МВД и ФСИН России отмечается заметное снижение правонарушений, которые совершают несовершеннолетние, снижается также количество лиц, содержащихся в воспитательных колониях. Однако преступления, за которые несовершеннолетние отбывают наказание, становятся более тяжкими. Результаты проведенной в 2019 году сотрудниками НИИ ФСИН России (Полякова Я.Н., Дикопольцев Д.Е. и др., 2019) переписи осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях свидетельствуют о том, что несовершеннолетними осужденными были совершены следующие преступления по степени тяжести: небольшой тяжести – 1%; средней тяжести – 7,2%; тяжкое – 41,6%; особо тяжкое – 50,2%. Это требует более профессиональной работы по исправлению несовершеннолетних осужденных.

Анализ литературы показывает, что в процессе отбывания наказания многие осужденные испытывают пенитенциарный стресс и другие эмоциональные переживания (Гернет А.Н., 1925; Дебольский М.Г., Мельникова Д.В. и др., 2020). Истоки этих переживаний обусловлены индивидуально-психологическими свойствами осужденных, атрибутами лишения свободы и различными жизненными ситуациями, которые оказали травматическое психологическое воздействие на личность и прежде всего на несовершеннолетних (Е.В. Битюцкая, М.К. Бардышевская и др., 2011). Травматические жизненные ситуации, нарушая жизнедеятельность человека, влияют и на личностное развитие, что может способствовать сближению с криминальной средой. У многих подростков отмечается недостаточная развитость системы совладания с такими ситуациями (Нартова-Бочачер С. К., 1997). Для успешного преодоления травматической ситуации необходима сформированность адаптивных копинг-стратегий. Р. Лазарус понимал «копинг», как стабилизирующий фактор, который может помочь личности поддерживать психосоциальную адаптацию в период воздействия стресса (Лазарус Р., 1970).

Недостаточная развитость системы копинг-стратегий отмечается в дисбалансе в сторону доминирования дезадаптивных стратегий преодоления трудных ситуаций и частого активирования психологических защитных механизмов. Разнообразным формам преступного поведения соответствуют типичные способы самооправдания и конкретный набор защитных механизмов (А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова, 1976). Психологические защиты способствуют реорганизации осознаваемых и неосознаваемых элементов ценностной структуры личности, и это влияние противоречиво и непоследовательно. Осужденный может осуждать пренебрежение социальными нормами, но в то же время свое наказание за совершенное преступление считать несправедливым. Этот механизм психологической защиты в яркой художественной форме показал Л.Н. Толстой в романе «Воскресение»: «Обыкновенно думают, что вор, убийца, шпион, проститутка, признавая свою профессию дурною, должны стыдиться её. Происходит же совершенно обратное. Люди, судьбою и своими грехами-ошибками поставленные в известное положение, как бы оно ни было неправильно, составляют себе такой взгляд на жизнь вообще, при котором их положение представляется им хорошим и уважительным» (Л.Н. Толстой, 1977). Уменьшение общественного контроля приводит к самооправданию совершаемых правонарушений, к внутреннему избавлению от ответственности и к компенсаторному вытеснению негативной информации. Деформация всей системы преодоления стресса способствует возникновению поведенческих девиаций вследствие дефектов ресурсных возможностей личности. Нехватка социальных навыков, отсутствующее или слабо развитое проблемно-решающее

поведение, а также подобные деформации характерны для подросткового возраста, который в свою очередь является возможным основанием для образования девиантного и криминального поведения (Самойлина Т. Г., Михайлюк Е. Б., 2009).

Одной из основных дисфункций совладающего поведения выступает пониженная устойчивость к переживанию событий и ситуаций, которые предъявляют повышенные требования к личности, искажают образ криминальной ситуации, где преувеличивается важность одних компонентов и уменьшается значение других, а сама ситуация чаще представляется как роковое стечение обстоятельств.

Деформированность этой системы мешает эффективному преодолению стресса и разрешению конфликтов. Незрелость личностных ресурсов, которые находят свое отражение в нарушениях социальной адаптации, низком уровне фрустрационной толерантности, уменьшении критичности и ответственности, неустойчивости Я, дисгармоничном профиле личности, способствуют отклонениям в поведении и закреплению конфликтных, неконструктивных паттернов поведения, которые значительно снижают все дальнейшие возможности развития личности и конструктивного копинг-поведения для преодоления жизненных трудностей и стрессовых ситуаций.

На основе систематизированных данных о травматических ситуациях в жизни несовершеннолетних осужденных и их последствий для развития личности, а также с учетом роли совладающего поведения в преодолении таких ситуаций, была разработана психокоррекционно-развивающая программа для несовершеннолетних осужденных. В основе психокоррекционной работы лежит социально-психологический тренинг и используются элементы метода арт-терапии (А.И. Копытин, А. Хилл и др., 2014). Программа проводилась на базе ФКУ Можайской воспитательной колонии УФСИН России по Московской области. В программе принимали участие 21 несовершеннолетний осужденный в возрасте 16-18 лет.

По результатам проведения данной программы, у большинства несовершеннолетних осужденных (71,4%) отмечается снижение выраженности травматического стресса. Доля осужденных с высоким уровнем травматического стресса снизилась с 24% до 5%. Также по итогам проведения психокоррекционно-развивающей программы отмечается увеличение уровня развития адаптивных копинг-стратегий «разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки». Увеличение уровня развития копинг-стратегии «разрешение проблем» наблюдается в 76,1% случаев, а копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» в 71,4% случаев. По копинг-стратегии «избегание» значимых изменений по уровню не было обнаружено. Данная копинг-стратегия

многими исследователями признается неадаптивной и, учитывая, что у большинства осужденных она была выражена на низком уровне, отсутствие значимых изменений можно считать хорошим результатом.

Таким образом, проведение коррекционно-развивающей программы с несовершеннолетними правонарушителями, направленной на формирование и развитие конструктивных копинг-стратегий, является важной предпосылкой профилактики повторных преступлений и ресоциализации осужденных.

Литература

1. Битюцкая Е.В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14: психология. – 2011. – № 1. – С. 100–111.
2. Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии: с иллюстрациями / М.Н. Гернет. – М.: Право и жизнь, 1925. – 148 с.
3. Дебольский М.Г. Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения / М.Г. Дебольский, Д.В. Мельникова, А.С. Месниченко // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 35–50. – doi: 10.17759/psylaw.2020100204.
4. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. – Л. Медицина, 1970. – С. 178–208.
5. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – Том 18. – № 5. – С. 20–30.
6. Самойлина Т.Г. Психокоррекция и психопрофилактика девиаций с учетом особенностей защитно-совладающего поведения подростков / Т.Г. Самойлина, Е.Б. Михайлюк // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2009. – Том 7. – № 4. – С. 41–45.
7. Толстой Л.Н. Воскресение: роман / Л.Н. Толстой. – М.: Современник, 1977. – 460 с.

Особенности детско-родительских отношений несовершеннолетних осужденных

Левин Л.М.

Московский государственный областной университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Нестерова А.А.

Анализ официальной статистики показывает заметное снижение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Уменьшилась также численность несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Это свидетельствует о положительных тенденциях динамики преступности несовершеннолетних и совершенствовании профилактической работы с подростками. Стал более сложным и качественный состав несовершеннолетних осужденных, которые все чаще отбывают наказание за более тяжкие преступления. Это требует разработки дополнительных психопрофилактических программ для ресоциализации правонарушителей, что делает необходимым поиск дополнительных ресурсов у подростков и коррекции различных их личностных особенностей. Одним из таких аспектов могут быть особенности социализации и детско-родительских отношений.

Нарушения детско-родительских отношений часто становятся причиной возникновения психопатологических симптомов, девиаций, аддикций, асоциального поведения в зрелом возрасте (Ю.А. Дырнаева, Н.М. Романова, 2019; А.Ф. Федоров, Ю.Е. Сулов, 2021; Ballard, et al., 2015; Faulkner, Goldstein, & Wekerle, 2014; Hovens et al., 2012). При этом недостаточно изучен вклад детско-родительских отношений в специфику социализации несовершеннолетних с противоправным поведением. Деструктивные детско-родительские отношения, травматичный детский опыт и воспоминания создают предпосылки для различного рода отклонений и преступного поведения. Представляется актуальным изучение особенностей детско-родительских отношений, детских воспоминаний о взаимодействии с родителями несовершеннолетних осужденных, которые могут стать препятствием для позитивной социализации ребенка и одной из причин асоциального поведения.

Нами были изучены детско-родительские отношения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание за преступления различной степени тяжести. Общий объем выборки составил 260 человек, из которых:

- 120 респондентов, которые отбывают наказание в местах лишения свободы (в воспитательной колонии);
- 80 респондентов, осужденных условно и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции;
- 60 просоциальных респондентов, обучающихся в образовательных организациях г. Москвы.

Если говорить о составе семьи опрошенных, то в группе несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, 105 респондентов (87,5%) воспитывались в неполных семьях. Чаще всего воспитанием занималась мать, чуть реже – бабушка и дедушка. В большинстве

случаев подростки данной группы своих отцов либо не знали, либо не поддерживали тесного контакта. Часто именно в этой группе несовершеннолетние оценивали обстановку в семье как неблагоприятную, неудовлетворительную. Среди несовершеннолетних, осужденных условно, в 57,5% случаях воспитывались в полных семьях. Опрошенные просоциальные подростки в 78,3% случаях воспитывались в полных семьях, имеют тесные контакты с семьей. При анализе личных дел подростков было выявлено, что в группе несовершеннолетних, приговоренных к реальному сроку, в 45 случаях (37,5%) имело место лишение родительских прав, а в группе условно осужденных – в 35 (43,75%).

В ходе опроса подростков было установлено, что несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, отмечают, что в большей степени их доверия заслуживает мать – в 85 случаях (70,8%). Это объясняется тем, что воспитанием подростков чаще всего занималась именно мать. В равной степени осужденные данной группы доверяют бабушкам и дедушкам (по 15 случаев; 12,5%). Это связано с тем, что именно они принимали участие в воспитании ребят в случае отсутствия родителей или отсутствия у них времени. А остальные подростки (5 человек; 4,2%) доверяют другим родственникам (брат или сестра, дядя). Если говорить об условно осужденных, то наиболее заслуживающим доверия оказался дедушка – в 25 случаях (31,25%). Это может объясняться тем, что в отсутствие отцовской фигуры именно он выполнял роль и функции отца. Бабушка также является одним из доверяемых лиц – ей доверяют в 20 случаях (25%), что объясняется ее регулярным участием в воспитании подростков. Матери доверяют также 20 подростков (25%), что является следствием ее основной обязанности по заботе о семье. При этом брату или сестре доверяют 15 подростков (18,75%), т.к. они являются одновременно и сверстниками, и родными людьми.

Статистически достоверно было доказано, что несовершеннолетние осужденные чаще были единственными детьми в семье, в то время как просоциальные подростки чаще воспитывались в многодетных семьях. Данный фактор риска может объясняться тем, что в многодетной семье у ребенка есть больше возможностей для нормальной социализации и адаптации в социуме. При этом семьи несовершеннолетних статистически значимо характеризуются проблемами с законом у родителей, лишением их родительских прав, алкоголизацией и наркотизацией родителей, неудовлетворенностью материальным положением; чаще встречается неполная семья.

Несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, статистически значимо более негативно относятся к отцу. Это связано с тем, что в большинстве случаев в данной группе отец либо вообще

не принимал участия в жизни ребенка, либо их взаимодействие носило отрицательную окраску (психологическое воздействие и физические наказания в отношении сына, нахождение в местах лишения свободы, частые случаи употребления алкоголя и наркотиков). Эта же группа отрицательно относится и к семье в целом, что обусловлено негативным опытом жизни в собственной семье, отсутствием положительного опыта взаимодействия с родными. Результаты условно осужденных и просоциальных подростков в большей степени схожи, они в целом относятся к семье скорее положительно, т.к. в структуре жизненного опыта есть больше позитивного опыта взаимодействия с семьей. При этом если условно осужденные несовершеннолетние к отцу относятся скорее нейтрально (из-за различного опыта взаимодействия с ним), то просоциальные подростки относятся к нему более положительно, характеризуя его как человека авторитетного, надежного, которому они доверяют.

Изучая систему семейных взаимоотношений, было выявлено, что семьи осужденных к лишению свободы характеризуются такими характеристиками, как постоянная критика со стороны родителей, установление запрета на выражение эмоций (их элиминирование) детьми. Непринятие семьей ребенка побуждало респондентов испытывать постоянную тревогу и застревать на негативных переживаниях. При этом с целью выглядеть «как все» у таких семей было выражено стремление соблюдать внешнее семейное благополучие. Постоянное нахождение ребенка в такой обстановке и толкало подростков «выплескивать» свои переживания в тяжких преступлениях, повлекших за собой лишение свободы. Если говорить о результатах условно осужденных и просоциальных подростков, то их результаты сравнительно схожи, что объясняется постоянным контактом с семьей и наличием конструктивного опыта взаимодействия с ней. Однако у подростков, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, в сравнении с нормативной группой наблюдаются завышенные показатели по наличию чрезмерной критики и индуцированию тревоги, что также толкало их на совершение преступлений.

Таким образом, мы видим, что психологический анализ детско-родительских отношений дает сведения о ряде особенностей семей, которые могут стать основой девиантного и делинквентного поведения.

Психологическая характеристика семьи несовершеннолетних осуждённых

Таранцова Ю.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Актуальность исследования. Понимание психологической характеристики семьи несовершеннолетних осуждённых играет важную роль в изучении условий, способствовавших совершению преступления и ресоциализации отбывающих наказания подростков. По данным статистики сайта <https://elibrary.ru>, после введения запроса в поиске на тему «Психологическая характеристика семьи» найдено 11038 работ из 38918760 загруженных работ. По запросу «Психологическая характеристика семьи несовершеннолетних осужденных» найдены работы, которые касаются в основном личности несовершеннолетних осужденных, а не психологической характеристики семьи, что указывает на малую изученность темы.

Цель: определение психологической характеристики семей несовершеннолетних осуждённых, их типологии.

Гипотеза: у большинства несовершеннолетних осуждённых взаимоотношения с родителями (родителем) дисгармоничны.

Выборку составили осужденные юноши (16 – 18 лет), которые отбывают наказание в ФКУ «Можайская воспитательная колония».

В качестве методологической основы исследования взят системный подход. Этот подход появился в середине XX века. Основоположниками системного подхода являются М. Боуэн, С. Минухин, В. Сатир и др. В рамках системного подхода семья рассматривается как социальная система, объединяющая группу людей и их взаимоотношения, т.е. это комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом. Семейная система первична по отношению к своим составляющим — часто то, что происходит в семье, не зависит от намерений и желаний людей, а подчиняется правилам функционирования семейной системы (Варга А.Я., 2001).

В качестве основной **методики** изучения взаимоотношений с родителями использовался опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR – сокращенно, подростки о родителях) (Шафер, 1965). Эта методика базируется на положении Шафера о том, что воспитательное воздействие родителей можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: 1) принятие — эмоциональное отвержение, 2) психологический контроль —

психологическая автономия, 3) скрытый контроль — открытый контроль (Рогов Е.И., 1999).

Модифицированный вариант опросника был предложен З. Матейчиком и П. Ржичаном в 1983 г. В ходе международного научного сотрудничества лаборатории клинической психологии Института им. В. М. Бехтерева с институтом психодиагностики (Братислава, Словакия) эта методика была апробирована на подростках 13–18 лет в России, как это предусмотрено авторами модификации (Рогов Е.И., 1999).

Анкета для сбора социально-демографических и криминологических данных составлена с помощью имеющейся анкеты Дебольского М.Г.

Общая выборки осужденных ВК составила 21 чел. По видам совершенного преступления испытуемые распределились так: против половой неприкосновенности (ст.131,132 УК РФ) – 11 чел. (53%); за убийство и причинение тяжкого вреда здоровью (ст.105, 111 ч. 4 УК РФ – 3 чел. (14%); за преступления против собственности, (ст.158,161,166 УК РФ) - 3 чел. (14%); за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228 УК РФ) - 4 чел.(19%).

По срокам отбывания наказания: до 2 лет - 0 чел.; от 2 до 3 лет- 4 чел. (19%); от 3 до 4 лет- 10 чел. (47%); от 4 до 5 лет - 2 чел. (10%); от 5 до 6 лет – 4 чел. (19%); от 6 до 7 лет - 1 чел. (5%).

По возрасту: 18 лет – 6 чел. (29%); 17 лет – 12 чел. (57%); 16 лет – 3 чел. (14%). По образованию: неполное среднее – 17 чел. (81%), все учатся в школе при ВК; среднее – 4 чел. (19%).

Краткая характеристика семьи: воспитывались в полной родительской семье 19 чел. (90%); воспитывались бабушкой/ дедушкой – 1 чел. (5%); воспитывались мамой/ бабушкой – 1 чел. (5%). До 2-х сиблингов в семье – 13чел. (62%); многодетная семья – 8 чел. (38%).

Рассмотрим систему отношения к подростку родителей по методики АДОР (по всей выборке – 21 чел.). Полученные данные интерпретированы по опроснику «Подростки о родителях» Л. И. Вассерман, Е. Е. Ромицына (Бодалев А.А., 2011).

Стиль воспитания матери. По шкале позитивный интерес (POZ), у 13 чел. (62%), показатель отчетливо выражен, что свидетельствуют о высоком уровне психологического принятия матерью. По шкале директивность (DIR) отчетливо выражен показатель у 7 чел. (33%), что может свидетельствовать об определенном давлении и чрезмерном руководстве детьми. У 7 чел. (33%), показатель слабо выражен, что свидетельствует о недостаточности требований со стороны матери к своему ребенку. Шкала враждебность (HOS) у 9 чел. (43%) слабо выражена, что свидетельствует о склонности к дружеским

взаимоотношениям. Шкала автономность (AUT), у 11 чел. (52%), слабо выражена, что свидетельствует об эмоциональной вовлеченности в дела ребенка. По дополнительным шкалам POZ/HOS у 13 чел. (62%), отчетливо выражен показатель, что указывает на принятие матерью своего ребёнка, проявление тёплых чувств к нему. По шкале DIR/AUT отчетливо выраженный показатель у 9 чел. (43%), что можно интерпретировать как высокое внимание матери к поведению ребенка и тотальный контроль за его поведением.

Стиль воспитания отца (реальная выборка составила 14 чел., т.к. 7 чел. отказались отвечать на вопросы об отце). По шкале позитивный интерес (POZ), у 10 чел. (48%) показатель отчетливо выражен, что свидетельствует о высоком уровне психологического принятия отцом. По шкале директивность (DIR) у 9 чел. (43%) это свидетельствует об определенном давлении и преднамеренном руководстве детьми. Шкала автономность (AUT) – у 9 чел. (43%) показатель слабо выражен, что свидетельствует об эмоциональной вовлеченности в дела ребенка. По дополнительным шкалам POZ/HOS у 7 чел. (33%) отчетливо выражен показатель, что свидетельствует о принятии отцом своего ребёнка, проявление тёплых чувств к нему. По шкале DIR/AUT показатель отчетливо выражен у 12 чел. (57%), что свидетельствует о высокой заинтересованности отца и тотальном контроле с его стороны.

На основе полученных результатов можно сделать вывод: у большинства осужденных воспитание родителей характеризуется проявлением тёплых чувств, позитивного настроения, высокой заинтересованности, при этом присутствует тотальный контроль. Он, в свою очередь, в подростковом возрасте может провоцировать конфликт с родителями, тем самым делая отношения дисгармоничными. По результатам исследования можно сделать вывод, что гипотеза частично подтвердилась, во многих семьях отношения подростка с родителями дисгармоничны, и чаще – с отцом. Полагаем, что именно по этой причине 7 несовершеннолетних осужденных (33%) отказались заполнять опросник о своих отношениях с отцом.

Литература

1. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия: краткий лекционный курс / А.Я. Варга. – СПб.: Речь, 2001. – 142 с.
2. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: учебное пособие: в двух книгах. Книга 2. Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения: учебное пособие / Е.И. Рогов. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Владос, 1998. – 480 с.
3. Психология общения. Энциклопедический словарь. / Ред. А.А. Бодалев. – М.: Когито-центр, 2011. – 600 с.

Копинг-стратегии осужденных при различном отношении к криминальной субкультуре

Тарасова В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Пенитенциарный стресс влияет, чаще негативно, на физиологическое и психологическое состояние человека, способствует дезадаптации личности и деструктивным проявлениям. Вместе с тем, многие люди, в том числе осужденные, обладают высоким психологическим потенциалом и могут справляться со стрессом с помощью копинг-стратегий. Большинство психологов вслед за Р. Лазарусом определяют данную форму поведения как осознанную стратегию действий, которая обеспечивает продуктивность, здоровье и благополучие человека, направленную на устранение угрозы и помехи. Копинг-стратегии помогают адаптироваться человеку к требованиям ситуации и преобразовать ее в соответствии со своими намерениями либо выдержать, вытерпеть те обстоятельства, изменить которые человек не может (Крюкова Т.Л., 2008).

На поведение осужденных существенно влияет также криминальная субкультура. Она определяет ценности и нормы поведения человека. По мнению таких специалистов, как В.Ф. Пирожков, А.И. Ушатиков, Б.Б. Казак, Р.А. Юрьев, В.А. Анфиногенов, Ю.Ю. Тищенко и др., явление тюремной субкультуры неизбежно, поскольку осужденные в местах лишения свободы пытаются найти способы ослабления социальной изоляции от общества, обрести свой статус в вынужденном сообществе (Пирожков В.Ф., 2001).

Н.П. Барабанов определяет криминальную субкультуру в местах лишения свободы как систему норм, ценностей, традиций, обычаев, регулирующих поведение осужденных в неофициальной структуре учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы (Барабанов Н.П., 2014). В условиях изоляции человек перенимает привычки, традиции, тем самым искажаются моральные и поведенческие нормы, происходит десоциализация личности (Барабанов Н.П., 2014). Осужденные, попадая в исправительное учреждение, вне зависимости от их отношения к криминальной субкультуре, жизненных планов после освобождения, не могут отстраниться от установленных там правил и условий, доминирующих в условиях лишения свободы, от негативного влияния нового окружения. Все это затрудняет процесс исправления (Власов И. М., 2017). Результатом адаптации оказываются

многочисленные отклонения индивида, которые имеют социальный и эмоциональный характер. Вместе с тем, степень идентичности осужденных с криминальной субкультурой различна.

В этой связи практическую и теоретическую значимость имеет вопрос: отличаются ли копинг-стратегии осужденных в зависимости от их идентичности с криминальной субкультурой?

Поэтому целью исследования является выявление особенностей копинг-стратегий осужденных при различном отношении к криминальной субкультуре.

В исследовании приняли участие 25 осужденных из трех исправительных учреждений: УФСИН России по Вологодской, Оренбургской и Ярославской областям. Выборка набиралась на основании нахождения в исправительном учреждении на этапе адаптации (не более 6 месяцев с момента прибытия в исправительное учреждение) с первой судимостью и неоднократной. В ходе проведения исследования использовались опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, анкетирование на определение отношения к криминальной субкультуре.

По результатам анкетирования осужденных и бесед с представителями администрации учреждения были выделены две группы осужденных: 1) с нейтральным отношением к криминальной субкультуре (15 чел.); 2) поддерживающих и разделяющих криминальную субкультуру (10 чел.).

Для определения значимых различий в отношении к криминальной субкультуре и копинг-поведения осужденных был использован U-критерий Манна – Уитни.

Статистически значимое различие в использовании копинг-стратегий наблюдается в способе совладания *положительная переоценка*. Данный способ более характерен группе осужденных, имеющих нейтральное отношение к криминальной субкультуре. Статистически значимых различий в выраженности использования других копинг-стратегий не выявлено. Однако для каждой группы характерны несколько основных способов совладающего поведения.

Так, для осужденных, имеющих нейтральное отношение к криминальной субкультуре характерны *положительная переоценка* (77,407), планирование решения проблемы (71,851), самоконтроль (71,481). То есть осужденные нередко преодолевают трудности путем положительного переосмысления сложившейся ситуации и нахождения в ней стимула для личностного роста, планирования собственных действий с учетом условий, собственного опыта и имеющихся ресурсов, но при этом подавления собственных эмоций, снижая вероятность их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, повышенным контролем поведения. Это обусловлено условиями отбывания наказания: если

нет повышенного самоконтроля, рациональной проработки последствий, то при нарушении режима следует административное наказание, а при игнорировании субкультуры – давление криминала.

Для второй группы осужденных, имеющих положительное отношение к криминальной субкультуре, характерны самоконтроль (70), бегство-избегание (67,777), планирование решения проблемы (61,666). Две копинг-стратегии совпадают с группой осужденных, имеющих нейтральное отношение: второй группе так же характерно планирование собственных действий с учетом условий, опыта и ресурсов, но при этом подавление собственных эмоций. Выявлена так же стратегия «бегства-избегания», для которой характерно отрицание или полное игнорирование проблемы. Могут также проявляться вспышки раздражения, уклонение от ответственности, погружение в фантазии. Данная стратегия рассматривается как неадаптивная, но при этом в краткосрочной перспективе (ситуативно) она приносит пользу, помогая быстро снять эмоциональное напряжение в стрессовой ситуации.

Таким образом, выявлены различия в применении копинг-стратегий в группах с различным отношением к криминальной субкультуре. Для выяснения других отличительных копинг-стратегий, зависящих от отношения к криминальной субкультуре, целесообразно продолжать дальнейшее исследование.

Литература

1. Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2(18). – С. 28–36.
2. Власов И.М. Криминальная субкультура в местах лишения свободы в России и её влияние на социальную адаптацию и исправление осуждённых: выпускная квалификационная работа бакалавра. – М., 2017. – 60 с.
3. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. – 2008. – Том 2. – № 2. – С. 88–95.
4. Пирожков В.Ф. Криминальная субкультура / В.Ф. Пирожков. – М.: Ось-89, 2001. – 702 с

Проблема детско-родительских отношений в условиях мест лишения свободы в период карантина COVID-19

Туманова Е.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

На сегодняшний день преступления, совершенные женщинами, не являются редкостью. Существует проблема, которая непосредственно касается женщин, имеющих детей в Доме ребенка при исправительном учреждении. Женщина как правило всегда исполняла роль хранительницы «семейного очага», а вклад матери в процессе воспитания детей невосполним никакими другими семейными ролями, однако в полной мере женщина, отбывающая наказание, не может осуществлять свою материнскую функцию. Утрата женщиной чувственной основы принадлежности к семье и своей интегрирующей роли в ней, безусловно, сказывается на особенностях ее материнства, воспроизводстве потенциала социального неблагополучия (Лукиянченко Н. В., 2011).

Одной из заложенных природой целью у женщин является продолжение рода. К этому событию необходимо быть готовым не только с точки зрения физического состояния, но и психологического. Психологическая готовность матери является залогом правильного развития малыша.

Важным компонентом готовности также является установка. Так в концепции Д.Н. Узнадзе показана важность степени влияния установки на результат деятельности. Д.Н. Узнадзе подчеркивал, что установка является целостным компонентом, показывающим состояние человека при его деятельности (Узнадзе Д.Н., 1961). В силу неготовности принять ответственность, выполнить необходимые для воспитания ребенка действия может возникать феномен девиантного материнства.

Материнский вопрос в условиях лишения свободы является актуальным, ведь на гармоничное развитие личности малыша может повлиять окружающая обстановка. Иногда женщина узнает о беременности, находясь под стражей. Рождение ребенка в исправительном учреждении дает женщине право согласно статье 100 УИК на помещение в дома ребенка исправительных учреждений своих детей в возрасте до трех лет, общение с ними в свободное от работы время без ограничения. Женщинам может быть разрешено совместное проживание с детьми.

Необходимо учесть, что мать проводит с ребенком не все время, что непосредственно оказывает влияние на развитие ребенка. Сотрудники, работающие в домах ребенка, при организации воспитательного процесса не могут дать детям полноценную замену матери, в то же время мать, находящаяся в исправительном учреждении, не может полностью выполнять свой материнский долг. Таким образом у ребенка формируется искаженное

восприятие матери, семьи и окружающего мира, а также усложняется формирование привязанности.

Особую роль в развитии детско-родительских отношений в условиях исправительной системы сыграл COVID-19. Было проведено исследование в групповой форме, в первой и второй половине дня, в зависимости от рабочей смены осужденных. Целью было изучение психологической характеристики осужденных женщин, имеющих детей в доме ребенка при исправительной колонии, а также изучение отношения осужденных женщин к своим детям. Одной из задач было изучение влияния роли карантина COVID-19 в условиях ИК.

Для получения результатов исследования были использованы такие методы как: теоретический анализ; наблюдение; анкетирование; психологическое тестирование; беседа.

Анкета разработана совместно с М. Г. Дебольским. Анкета состоит из нескольких блоков и содержит вопросы закрытого и открытого типа. Первый блок включает социально-демографическую и уголовно-правовую характеристику женщин-осужденных, имеющих детей в доме ребенка: образование, возраст, семейное положение, сведения о детях и отношение с ними, срок пребывания в исправительном учреждении и общий срок. Второй блок состоит из вопросов, касающихся сведений о семье, в которой воспитывалась осужденная. Третий блок включал в себя вопросы относительно удовлетворенности содержанием себя и качеством общения с ребенком, а также возможными изменениями в ходе содержания.

Методика PARI (parental attitude research instrument) предназначена для изучения отношения родителей (прежде всего, матерей) к разным сторонам семейной жизни и семейных ролей. Авторы – американские психологи Е. С. Шефер и Р. К. Белл. В отечественной практике она была переработана Т.В. Нещерет. Опросник PARI включает 115 утверждений о семейной жизни и воспитании детей (Карелин А.А., 2001).

Исходя из полученных в ходе опроса и разговоров с респондентами данных, было выявлено отсутствие контакта с малолетними детьми из-за карантина в выборке. В условиях изоляции матери не знают о развитии своего ребенка, боятся того, что дети не узнают свою мать при встрече, не примут ее. 70% респондентов говорили о том, что им сложно было налаживать эмоциональные связи со своими детьми, а карантин ввел новое опасение о том, что матери не смогут найти подход к своему ребенку.

В результате проведенного исследования были получены данные о том, что женщины-осужденные, составлявшие выборку, имеют в приоритете семейные ценности, исходя из результатов по шкалам «зависимость от семьи» и

«сверхавторитет родителей», именно там выявлены наиболее высокие показатели. Дела семьи являются более значимыми, нежели иные интересы. Ребенок является неотъемлемой частью семейных ценностей в данном случае.

Женщины из выборки склонны придерживаться мнения, что у детей должно быть сформировано чувство уверенности в правоте родителей, а также дети обязаны безукоризненно верить и следовать правильности родительских мыслей и действий, однако уверенности в том, в условиях ИК женщины смогут как матери воспитать своего ребенка исходя из результатов беседы и ответов на анкету нет. У женщин есть переживания, связанные с качеством эмоционального контакта со своими детьми.

В целом результаты можно рассматривать как стремление женщин к выбору тенденции воспитания детей, так как данные были получены в условиях карантина, тем самым некоторые матери не видели своих детей, начиная с марта 2020 года (исследование проводилось в марте 2022).

Полученные данные говорят о том, что у осуждённых в отношении воспитания детей может быть выражена потребность в том, чтобы авторитет родителей не подлежал обсуждению. Существует зависимость родителей от семьи и желания сверхавторитета родителей в сочетании с желанием установить вербальный контакт с ребёнком.

Осуждённые в большей мере придерживаются мнения о том, что детям следует скорее доверять правоте родителей и быть согласными с ними, нежели иметь свою точку зрения и аргументированно её высказывать. При этом есть тенденция к тому, чтобы с ребёнком были установлены доверительные детско-родительские отношения, основанные на партнерстве.

На момент опроса в силу карантина по шкале «уклонение от контакта» получили средние результаты в силу не только личного желания женщин, но еще и из-за мер, принятых в период изоляции.

Излишнюю строгость в воспитании потенциально имеют 50% выборки, остальные 50% имеют низкий уровень излишней строгости. Такой показатель может быть из-за малого контакта с детьми, тем самым матери не видят в своих детях источника, который забирал бы у них силы и ресурсы из-за отсутствия непосредственного взаимодействия с детьми. Также это может быть связано с тем, что существует недостаточная коммуникация между детьми и их матерями, что не позволяет в полной мере реализовывать детско-родительские отношения и воспитательные функции.

Далее рассмотрим семейное положение женщин-осужденных по их оценкам. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что 75% женщин имеют потенциальную возможность после выхода из ИК продолжить воспитание своих детей в полной семье со своим партнером.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения, складывающиеся между матерью и ребенком, из-за карантина в условиях отбывания наказания нельзя назвать сформировавшимися и устойчивыми. Были собраны теоретические данные о том, когда формируется детско-родительская привязанность, на основании этого можно сделать вывод, что в данной выборке среди матерей привязанность может быть не сформирована в полной мере, так как некоторые матери не видели своих детей, начиная с начала карантина в марте 2020 года.

Литература

1. Лукьянченко Н.В. Особенности семейной идентичности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы / Н.В. Лукьянченко, Е.А. Новикова. // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 3. – С. 78–85.
2. Методика PARI / Е.С. Шефер [и др.] // Психологические тесты. Т. 2 / Ред. А.А. Карелин – М.: ВЛАДОС, 2001. – С. 130–143.
3. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки / Акад. наук Груз. ССР. Ин-т психологии им. Д.Н. Узнадзе. – Тбилиси: Издательство Акад. наук Груз. ССР, 1961. – 210 с.

Психология раскаяния у лиц с антиобщественным поведением

Цуканова В.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

Психология раскаяния у лиц с антиобщественным поведением является актуальной, потому что в современных условиях вопрос о справедливом назначении наказания обретает острую социальную значимость.

До сих пор возникает множество вопросов о том, как объективно можно было бы выяснить, насколько глубоко преступник чувствует вину за совершенное деяние (Ратинов А. Р., 2016), как эти чувства переживаются им внутри, а также какие выводы будут сделаны им после переживания раскаяния за совершенное преступление.

Среди отечественных психологов мало кто посвятил свои работы изучению данной проблемы, что обуславливает бесспорную теоретическую актуальность. А практическая значимость определяется востребованностью

пенитенциарной системой максимально справедливого и гуманного назначения наказания.

Для более подробного исследования темы раскаяния нами была поставлена цель – изучение раскаяния у лиц с антиобщественным поведением. На основании этого были выделены следующие задачи: выявить взаимосвязь личностной тревожности и внешнего локуса контроля с переживанием раскаяния; выявить роль и место чувства вины в структуре переживания раскаяния.

Объектом научного исследования является переживание раскаяния. Предметом – переживание раскаяния у лиц с антиобщественным поведением.

Теоретическую основу составляют представления Х. Хеккаузена о мотивации и деятельности, теория Василюка Ф.Е. о психологии переживания критических ситуаций (Василюк Ф.Е., 1984), основы психосемантики (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко).

Выбор методов исследования определяется следующим.

Test of Self-Conscious Affect (TOSCA) в адаптации Тангней – Методика TOSCA является одним из наиболее используемых инструментов для измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда. Сильными сторонами методики как опросника (Макогон И.К., Ениколопов С.Н., 2015), основанного на сценариях, являются следующие особенности: оценка аффективного состояния встроена в соответствующий контекст, от испытуемого не требуется различения абстрактных понятий вины и стыда, такой подход меньше провоцирует возникновение защитных реакций.

Опросник Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина является надежным и информативным способом оценки уровня личностной и реактивной тревожности. Тест содержит по 20 высказываний в каждой из 2 частей, отдельно оценивающих оба варианта тревожности.

Опросник «Локус контроля» Дж. Роттера содержит 29 пар высказываний, из которых 6 пар фоновые. Респонденту предлагается выбрать один вариант из пары, таким образом будет выстроено соотношение интернального и экстернального локуса контроля, а в совокупности с методикой TOSCA проводится уточняющая корреляция.

Метод семантического дифференциала на основании авторской репертуарной решётки оценки отношения респондента к раскаянию. Такая методика позволяет оценить внутреннее отношение респондента к раскаянию. Состоит из нескольких этапов, на первом этапе проводится ассоциативный эксперимент, где респондент придумывает как можно больше ассоциаций на слово «раскаяние». Затем на вопрос «какое раскаяние?» придумывается как можно больше ассоциаций прилагательных и антонимы к ним. На втором этапе

отбираются наиболее частотные существительные ассоциации – они будут стимулами, а наиболее частотные прилагательные будут являться шкалами.

В соответствии с поставленными задачами и указанными методами исследования предполагается показать наличие у респондентов чувства вины, которое в свою очередь является неотъемлемой частью переживания раскаяния.

Таким образом, переживание раскаяния связано и с определенными психологическими особенностями людей (Алтухова Л. В., 2017). Представляется, что респонденты с наличием склонностей приписывать причины происходящих ситуаций своим действиям, а также высоким уровнем личностной тревожности наиболее склонны к самообвинению, а, следовательно, к переживанию раскаяния за совершенные преступления.

В целом, изучение такой проблемы как переживание раскаяния очень важно, так как в будущем это поможет вывести судебную систему на новый уровень. Потому что назначение наказания будет более справедливым и логичным в соответствии с испытываемым внутренним переживанием человека. А значит и отбывание такого наказания будет регулироваться на основании возможностей для наблюдения отношения заключенного к его деяниям.

Возможно, в будущем отношение общества будет меняться в соответствии с изменением отношения преступника к своему поступку, что позволит намного легче адаптироваться к обществу после отбывания наказания. А общество перестанет бояться таких людей, потому что будет уверено в том, что этот человек раскаялся в совершенном преступлении и не совершит более противоправных деяний.

Литература

1. Алтухова Л.В. Влияние адаптивных способностей личности на особенности переживания вины и прощения // Евразийское Научное Объединение. – 2017. – Том 2. – № 2(24). – С. 140–141.
2. Макогон И.К. Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 – TOSCA-3) Tangney J.P., Dearing R.L., Wagner P.E. & Gramzow R.H. / И.К. Макогон, С.Н. Ениколопов // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2015. – Том 8. – № 1. – С. 6–21.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций [Электронный ресурс] / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Межведомств. науч. совет по проблеме «Сознание». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с. – URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=12414> (дата обращения: 25.04.2022).
4. Ратинов А.Р. Феноменология лжи. Судебно-психологический взгляд / А.Р. Ратинов // Избранные труды / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. –

Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016.
– С. 188–199.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Профессиональная подготовка полиграфологов: современные проблемы и перспективы развития

Ельмеева М.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В начале XX века в России образовалась новая научно-прикладная отрасль криминалистики – криминалистическая полиграфология. Выявлению факта лжесвидетельства способствуют технические устройства, регистрирующие психофизиологические показатели организма опрашиваемого лица. Подобными инструментами являются полиграф и его современные модификации.

Концептуальной основой работы полиграфа является состояние эмоционального напряжения человека, т.е. поведение, подкрепленное психофизиологическими параметрами. Любая реакция организма считается ярко выраженной, если ситуация субъективно значима для опрашиваемого лица. Устройство фиксирует следующие физиологические изменения в организме: амплитуда кожно-гальванической реакции, данные фотоплетизмограммы, двигательной активности, показания артериального давления, сердцебиения и дыхания. Полиграф принято рассматривать как инструмент, позволяющий обнаружить ложь в качестве продукта осознанной речевой деятельности (Ганчевски Б.Г., 2015).

Наиболее распространенной областью использования полиграфа является уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность. Подобное направление реализуется в уточнении факта и состава преступления, выявлении причастных лиц, определении факта возможного лжесвидетельства или самообвинения. Однако нельзя не упомянуть и иные обстоятельства, при которых инициируется подобная проверка: регулирование трудовых отношений; исследование ведущих мотивов, а также личностных особенностей лиц, поступающих на государственную или военную службу; научные исследования в практическом блоке юридической психологии.

Полиграфологом признается лицо, прошедшее специальную подготовку в области проведения психофизиологических исследований с применением

полиграфа и имеющее документ, удостоверяющий его право на ведение профессиональной деятельности в данной сфере (Алексеев Л.Г. Жирнов С.И., 2015). Специфика его деятельности подразумевает овладение компетенциями из различных областей науки: психофизиология, психология и педагогика, медицина, юриспруденция. Обучение специалиста предполагает овладение не только теоретическими положениями, но и прикладными навыками и умениями. Применение технического устройства в качестве инструментального средства проведения полиграфной проверки позволяет оператору сделать психологические выводы об информированности лица о деталях события, ставшего поводом для психофизиологического исследования. Во время проведения проверки ведется автоматизированный протокол записи психофизиологических показателей – полиграмма. В ней фиксируются все ранее перечисленные физиологические изменения, происходящие в организме опрашиваемого лица. Успешность и точность расшифровки полученных данных зависят от опыта и качества профессиональной подготовки специалиста-полиграфолога.

В настоящее время отмечается отсутствие федеральных законов, устанавливающих порядок применения полиграфа. Наблюдается незакрепленность на законодательном уровне условий, правил, ограничений, противопоказаний и областей использования полиграфа. Вследствие этого возникает проблема профессиональной подготовки специалистов-полиграфологов. Необходимо детально выделить существующие методологические аспекты, раскрывающие сущность данного вопроса:

1. Отсутствие Федеральных Государственных Образовательных Стандартов к программе обучения будущих полиграфологов.
2. Отсутствие методического, практического и раздаточного материала по содержательной части подготовки (Неклюдов В.Ю., 2012).
3. Отсутствие стандартизированных требований, предъявляемых к полиграфологу и его компетентности (Писарева В.А, Куликова Т.Б., 2018).

Правовое регулирование процедуры использования технического устройства регламентируется ведомственными инструкциями, а деятельность специалистов регулируется только лишь диагностическими методиками, рекомендациями и инструкциями. Как следствие совокупности выше перечисленных аспектов наблюдается низкая квалификация полиграфологов. Возможная некомпетентность операторов способствует несоблюдению процедуры проведения опроса с использованием технических средств, а также ошибочной расшифровке полученных результатов. Выделяется ряд последствий, возникающих из-за нарушения специалистом дидактических рекомендаций и инструкций:

1. Получение недостоверной информации в результате психофизиологического исследования.

2. Замедление процесса расследования преступлений, кадровых и служебных проверок.

3. Повышение вероятности совершения дальнейших следственных и судебных ошибок.

Представители современной юриспруденции и судебной психологии предлагают решение проблемы недостаточной профессиональной подготовки специалистов-полиграфологов. Оно сводится к тому, что на законодательном уровне требуется разработать стандартизированные требования к подготовке специалистов-полиграфологов и в дальнейшем необходимо проводить процедуру профессионального отбора операторов (Кануник А.И., Казакова М.А., 2020).

Отсутствие высокого уровня профессиональной подготовки полиграфологов является существенным препятствием к увеличению достоверности получаемых сведений во время исследования, к быстрому и эффективному расследованию преступлений, а также к развитию криминалистической полиграфологии.

Литература

1. Кануник А.И. Проблемы применения полиграфа в правоохранительной деятельности / А.И. Кануник, М.А. Казакова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2020. – № 3(31). – С. 96–100.
2. Криминалистическая психология: учебное пособие / Е.К. Кубеев [и др.]. – Караганда: Издательство КарГУ, 2015. – 550 с.
3. Неклюдов В.Ю. Проблемы подготовки специалистов-полиграфологов // Прикладная юридическая психология. – 2012 – №1. – С.118-124.
4. Писарева В.А., Куликова Т.Б. Применение полиграфа при расследовании преступлений: актуальные проблемы и пути развития / В.А. Писарева, Т.Б. Куликова // Вестник науки и образования. – 2018. – № 18-2(54). – С. 40–42.
5. Справочник полиграфолога / Л.Г. Алексеев [и др.]. – М.: Перо, 2015. – 389 с.

Оценка проектной культуры студентов факультета юридической психологии на разных этапах обучения

Семенова М.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Мировой опыт показывает, что из студенческих исследований и проектов зачастую появляются наиболее успешные стартапы. Вузы как питательная среда дают возможность студентам попробовать себя в новых ролях, таких как лидер, участник команды проекта, автор, руководитель проекта. В этой среде они разрабатывают не только нечто новое, но и доказывают уникальность выбранных решений.

Важную роль в формировании проектных навыков и умений играет проектная деятельность, способствующая становлению такого интегрального личностно-профессионального качества как проектная культура студента. В данной работе мы сфокусируем внимание на подходе к организации оценки проектной культуры студентов факультета «Юридическая психология» на разных этапах обучения.

В наше время формирование компетенций студентов в области проектирования становится одной из ключевых задач высшего образования. Проектные компетенции позволяют подготовить молодежь к проектированию в профессиональной, социальной и личной областях в соответствии с требованиями в отношении мобильности и высокой адаптивности, которые предъявляет к выпускникам вузов современное информационное общество. Исследование понятия проектной культуры неразрывно связано с изучением человеческой культуры в целом, частным феноменом которой она выступает. Раскрытие психологического содержания культуры подразумевает объяснение различных её сторон с точки зрения психологии, включая механизмы формирования и функционирования, отдельные феномены, а также протекающие в ней динамические процессы. Наряду с этим речь идёт о выявлении тех элементов культуры, которые выступают психологическими факторами мышления, рефлексии, самооценки и деятельности отдельной личности.

Психологический подход к изучению проектной культуры (Стенина Т.Л., 2011) базируется на исследовании этого феномена через внутренние психологические переменные (намерения, стратегии и т.д.) личности, выступающей в качестве субъекта творчества. При этом сам процесс

социального проектирования происходит в форме мыслительной деятельности, когда в психике субъекта происходит оперирование идеальными моделями мира, осуществляется целеполагание, планирование, вырабатываются управляющие решения, критерии оценки результатов и процедуры корректировки. С точки зрения социологии проектная культура рассматривается в рамках технологий социального проектирования, в педагогике – связывается с формированием педагогических условий и выработкой средств, обеспечивающих её эффективное становление.

Анализ и обобщение различных дисциплинарных подходов к дефиниции понятия проектной культуры позволяет прийти к пониманию, что на современном этапе она представляет собой сложное системное явление, пронизывающее все подструктуры личности будущего специалиста социально-психологической сферы и выступающее основой осуществления им своих профессиональных функций (Чиркина Р.В., 2016). Опираясь на приведенные выше источники понимания этого феномена, можно сформулировать определение проектной культуры как «социально-детерминированной части общей культуры человека, выступающей интегративным и изменяющимся во времени качеством личности» (Стенина Т.Л., 2011). При этом степень развития проектной культуры определяется такими параметрами, как уровень знаний о социальных процессах, которые происходят в рамках проектирования, методологией проектной деятельности, а также сформированностью ценностных ориентаций и социальной активностью человека в рамках значимой для общества проектной деятельности.

На основе наблюдений и практического опыта проектной деятельности исследователи предлагают ряд критериев, характеризующих степень развития проектной культуры студентов: деятельностный (наличие соответствующих навыков), когнитивный (развитие процессов познания), ценностный (ценностное отношение к профессиональной и учебной деятельности), творческий (креативность), рефлексивный (способность проводить анализ и коррекцию). Обладание проектной культурой позволяет студенту самостоятельно работать над проектом от его начала до полного завершения.

При этом ученые выделяют три уровня формирования проектной культуры, исходя из степени освоения основных знаний и умений проектирования: низкий, достаточный и высокий.

Низкому уровню (интуитивно-репродуктивному) соответствует слабое владение проектными навыками, неразвитость проектного мышления и рефлексии. Отсутствует креативность и сформированное ценностное отношение к учебной и профессиональной деятельности. Просматривается поверхностный

подход. Проекты представляют собой типовое, шаблонное решение целевых социальных проблем.

Достаточный (реконструктивный) уровень характеризуется наличием у студентов проектных навыков и умений, позволяющих решать проектные задачи средней сложности. Имеется уверенное знание основ и закономерностей социального проектирования, аналитические и организационные навыки. Творческое и проектное мышление уже довольно развиты, однако еще не отличаются оригинальностью. При этом у студентов присутствует выраженная устойчивость мотивов и ценностных ориентаций.

Наконец, высокий (креативный) уровень проектной культуры отражает глубокое понимание необходимости развития проектной культуры как необходимого элемента структуры личности. На этом уровне имеются проектная компетентность, хорошо развиты когнитивные процессы и проектное мышление. Студент проявляет стремление к творчеству, ценностное отношение к будущей профессии и учебе, адекватно оценивает проект по предложенным критериям. Выполненные проекты отличаются обоснованностью постановки проблемы и выбора эффективных методов её решения, креативностью, оригинальностью, новизной и социальной значимостью предложенных инноваций.

Понимание термина «оценка» для освоения практических навыков и умений заключается в определении степени успешности и результативности данного процесса. В ходе оценки проектной деятельности важно сосредоточиться не только на анализе результатов, но и всех её составляющих (Чиркина Р.В., 2011). Такая оценка позволяет:

- выделить успехи (зафиксировать успешные практики, определить точки прорыва и векторы роста);
- проанализировать слабости (отметить негативные направления);
- выявить подлежащие корректировке элементы (наметить пути и способы исправления дефектов);
- определить стратегию дальнейшей деятельности и развития (перспективы работы).

Самооценка проектных компетенций студентов в процессе обучения на факультете «Юридическая психология» МГППУ является одним из основных компонентов оценки проектной культуры студентов вуза. Она может рассматриваться как часть проектной культуры, которая и является предметом исследования в рамках мониторинга результатов обучения по ряду университетских дисциплин на выбранном нами факультете.

В рамках предложенной модели уровней формирования проектной культуры студентов контролю и оценке подлежат качественные изменения личности учащихся в направлении становления данного вида культуры. В качестве объекта самооценки (Małgorzata Gawrycka, 2021) целесообразно выбрать такие параметры проектной культуры, которые позволят в большей мере представить основные составляющие проектной деятельности и проектных компетенций:

- теоретические представления о проектировании;
- оценка значимости факторов проектирования;
- представления о проектных компетенциях и уровне их развития у себя;
- выбор актуальных сфер проектирования;
- оценка необходимости и рефлексия психологических знаний и умений в проектировании;
- анализ проблем, ошибок проектирования;
- знание способов развития проектных компетенций (креативности), преодоления рисков;
- самооценка личностных качеств, имеющих значение для деятельности проектирования.

Изучение проектной рефлексии и самооценки студентов позволяет оценить степень перехода личности из исходного состояния в новое – целевое. На практике на основе критериев производится анализ внешних признаков, которые отражают степень развития навыков и умений социального проектирования, в результате удастся установить, какому уровню развития проектной культуры они соответствуют.

Литература

1. Стенина Т.Л. Становление проектной культуры студентов / Т.Л. Стенина – Ульяновск: УлГТУ, 2011. – 243 с.
2. Чиркина Р.В. Оценка проектной культуры студентов в процессе освоения технологий социального проектирования // Психология и право. – 2016. – Том 6. – № 4. – С. 209–223. – doi: 10.17759/psylaw.2016060419.
3. Gawrycka M. Self-assessment of competencies of students and graduates participating in didactic projects – Case study / M. Gawrycka, J. Kujawska, M.T. Tomczak // International Review of Economics Education. – 2021. – Vol. 36. – P. 1–9. doi: 10.1016/j.iree.2020.100204.

Динамика отношения к учебе студентов факультета юридической психологии в разных режимах обучения, вызванных пандемией COVID-19

Сенниковская Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

За последние годы, с возникновением пандемии COVID-19, которая затронула весь мир, в сфере образования произошли кардинальные изменения, которые заключаются в переходе преимущественно с традиционного режима обучения на дистанционное. В связи с этим, особую актуальность получили вопросы, связанные с адаптацией студентов к новым условиям, и последствий изменения режима обучения для отношения студентов к учебе.

В ходе теоретического анализа установлено, что дистанционное обучение представляет собой технологию с использованием информационных и телекоммуникационных сетей с удаленным взаимодействием между студентами и преподавателями. Его специфика заключается в повышении доли самообразования в учебной деятельности студентов. В таких условиях успешность обучения определяется наличием таких важных качеств, как ответственность, дисциплинированность, стрессоустойчивость, саморегуляция и др. Дано определение понятию «увлеченность учебой» - особая поведенческая форма, которая неразрывно связана с вложением физических и психических сил, энергии и времени в образовательный процесс (Astin A., 2017). Результаты существующих исследований на тему влияния дистанционного режима на отношение студентов к учебе свидетельствуют об увеличении психологического дискомфорта при переходе на дистанционный формат обучения со стороны как студентов, так и преподавательского состава (Соколовская И.Э., 2020). Также были выявлены личностные особенности студентов, которые могут оказывать влияние на студенческую увлеченность учебой, а именно: ответственность, саморегуляция, высокая учебная мотивация, экстраверсия, эмоциональная устойчивость, самостоятельность (Исматуллина В.И., 2017).

Цель работы – исследовать связь отношения студентов-психологов к учебе и режима обучения. Предметом исследования стала динамика отношения студентов-психологов к учебе в разных режимах обучения, вызванных пандемией COVID-19. Гипотезами исследования послужили следующие предположения: 1) отношение студентов-психологов к учебе связано с режимом обучения; 2) отношение студентов-психологов к учебе в дистанционном режиме обучения связано с их личностными особенностями.

Методы и методики исследования: 1) Теоретический анализ литературы по психологии. 2) Анкетирование студентов об отношении к учебе в разных режимах обучения. 3) Тестирование (методика О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе», пятифакторный личностный опросник Р. МакКрае и П. Коста «Большая пятерка»). 4) Методы математической обработки эмпирических данных (сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ с использованием метода ранговой корреляции Спирмена).

Исследование проводилось в два этапа: во время первого этапа обучение осуществлялось в дистанционном режиме, во время второго – в смешанном (очно-дистанционном). Выборку составили студенты старших курсов факультета Юридической психологии МГППУ, обучающиеся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» в количестве 62 человек: 52 девушки и 10 юношей в возрасте от 20 до 28 лет.

Результаты эмпирического исследования

Относительно первой гипотезы обнаружены следующие результаты. Полученные данные по методике О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе» на первом этапе исследования свидетельствуют о преобладании среди студентов старших курсов средней удовлетворенностью дистанционным обучением – 29% респондентов. На втором этапе выявлено преобладание средней с тенденцией к низкой удовлетворенности смешанным обучением – 42%.

При рассмотрении результатов отдельно по каждому курсу обнаружено, что отношение студентов 4 курса к дистанционному обучению значимо более позитивное, чем к обучению в смешанном режиме ($p = 0,000$). В то время как у студентов 5 курса статистически значимых различий между отношением к обучению в разных режимах не обнаружено.

Для проверки второй гипотезы респонденты были разделены на две группы на основе данных методики «Моя учеба в вузе», полученных на первом этапе исследования. В I группу «Нравится дистанционное обучение» вошли студенты с высокой удовлетворенностью и средней с тенденцией к высокой удовлетворенностью дистанционным обучением (26%). Во II группу «Не нравится дистанционное обучение» - студенты с низкой удовлетворенностью и средней с тенденцией к низкой удовлетворенностью дистанционным обучением (38%).

В ходе корреляционного анализа результатов опросника «Моя учеба в вузе» и личностного опросника была выявлена следующая положительная связь - чем выше удовлетворенность студента обучением в дистанционном режиме, тем более у него выражены черты сотрудничества, привязанности ($r = 0,434$; $p < 0,05$). Также обнаружена статистически значимая отрицательная связь между

удовлетворенностью обучением в дистанционном режиме и нейротизмом ($r = -0,412$; $p < 0,05$).

Далее для оценки различий личностных факторов у студентов I и II групп был проведен сравнительный анализ показателей опросника «Большая пятерка», в ходе которого были получены следующие значимые различия.

Студентам II группы, отрицательно относящимся к дистанционной учебе, свойственны меньшие значения по фактору «Экстраверсия» ($p < 0,05$). Помимо этого, у студентов II группы, в отличие от студентов, положительно воспринимающих обучение в дистанционном режиме, выявлен более низкий уровень по фактору «Самоконтроль» ($p < 0,01$).

Данные результаты можно объяснить следующим. В отличие от традиционной очной учебы, в дистанционном режиме студенты сами контролируют процесс обучения – так, находясь в домашней, не всегда располагающей к учебе, обстановке студентам с более низким уровнем волевой регуляции сложнее сосредоточиться на учебном материале, в силу чего данный формат обучения воспринимается ими негативно.

Отрицательное отношение к дистанционному обучению более интровертированных студентов может иметь следующую причину – ввиду того, что при дистанционном обучении данные студенты были лишены привычного им способа взаимодействия, они могут испытывать трудности с выстраиванием коммуникации в непривычных для них условиях и ощущать явную нехватку общения.

Анализируя полученные результаты, мы пришли к следующим выводам:

- 1) Обнаружена различная динамика отношения к учебе в разных режимах обучения студентов-психологов разных курсов.
- 2) Выявлена связь между отношением к обучению в дистанционном режиме и некоторыми личностными особенностями студентов-психологов (экстраверсия, самоконтроль).

Результаты данной работы могут быть учтены при планировании смены формата обучения в учебных заведениях, готовящих будущих психологов, а также для оказания необходимой своевременной психологической помощи студентам в условиях изменения режима обучения.

Литература

1. Связь особенностей саморегуляции и «Большой пятерки» личностных черт / В.И. Исмагуллина [и др.] // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2017. – Том 10. – № 4. С. 87–98.
2. Соколовская И.Э. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов в условиях цифровизации обучения в период пандемии COVID-19

и самоизоляции // Цифровая социология. – 2020. – Том 3. – № 2. – С. 46–54. – doi: 10.26425/2658-347X-2020-2-46-54.

3. Astin A. Student Involvement: A Developmental Theory for Higher Education // Journal of College Student Development. – 1999. – Vol. 40. – №. 5. – P. 518–529.

Каким должен быть специалист сопровождения приемных семей? Взгляд детей и молодых взрослых с опытом сиротства

Франтова Д.К.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гарифулина Э.Ш.

В настоящий момент в Российской Федерации семьи, воспитывающие ребенка с опытом сиротства, имеют возможность обратиться за психологической помощью в государственные и некоммерческие профильные организации. Проводимая специалистами социально–психологическая работа направлена, в первую очередь, на улучшение качества жизни и психологического состояния приемного ребенка, но его мнение о происходящих изменениях учитывается далеко не всегда, хотя деятельность по вовлечению детей в оценку происходящих с ними изменений может положительно сказываться на их развитии и социализации (Шамрова Д.П., 2017; Арчакова Т.А., Гарифулина Э.Ш., 2019).

В рамках проведенного нами исследования по оценке программ сопровождения приемных семей с участием детей и молодых взрослых с опытом сиротства, мы предложили респондентам – детям и молодым взрослым с опытом сиротства – ответить на вопрос: «Каким должен быть специалист сопровождения приемных семей?».

В исследовании, проведенном в июле – декабре 2021 года на базе РРОО «Ассоциация приемных родителей» (г. Рязань), приняли участие 25 детей и молодых взрослых с опытом сиротства, проживающих в приемных семьях более года и имеющих опыт участия в программах сопровождения приемных семей. Первичные результаты были представлены участникам исследования на IV Региональном форуме приемных семей.

В ходе проведения фокус-групп и контент-анализа выделены следующие категории, касающиеся восприятия специалиста:

1. Внешний облик. Для респондентов оказались важными такие характеристики, как привлекательный внешний вид, здоровье, отсутствие

признаков зависимости: «(Мне важно) Что он на наркотиках не сидит и с психиатрией у него все в порядке», «не алкоголик», финансовое состояние, а вернее, его демонстрация: «чтобы был не слишком богат или беден и не кичился своим богатством». Мы предполагаем, что у респондентов есть потребность видеть в специалисте человека, не имеющего проблем, но в то же время, не слишком от них далекого.

2. Возраст специалиста. Большинство респондентов сошлись во мнении, что оптимальным возрастом будет 30-50 лет, поскольку специалисту необходим опыт.

3. Пол специалиста. Респонденты не высказали каких-либо предпочтений по этому пункту. Возможно, это связано с тем, что все респонденты имели опыт взаимодействия со специалистами обоих полов и не видят в этом вопросе каких-то важных для себя различий.

4. Понятийный аппарат специалиста. Респонденты отмечают, что далеко не всегда им были понятны термины, которые специалисты использовали при общении с ними, более того, они сталкивались с непониманием: «там сразу какие-то слова непонятные, ... я 4 часа просидел просто так», «нужно, чтобы с тобой разговаривали на твоём языке». Такая особенность восприятия респондентами может быть связана с недоучетом специалистами особенностей их социальной ситуации развития. Нахождение в условиях депривации сильно сужает кругозор детей и подростков с опытом сиротства, на его фоне может возникнуть задержка психического развития, присутствует педагогическая запущенность (Капилина (Пичугина) М. В., Панюшева Т. Д., 2015).

5. Осведомленность специалистов о специфике сиротства. Респонденты однозначно положительно отвечают на вопрос, что хотели бы, чтобы специалист обладал знаниями в темах, связанных с сиротством (травма потери, отношения с кровной семьей, последствия жестокого обращения и др.) и рассказывают о негативном опыте, когда ответы на вопросы не были получены. «Они (специалисты) не помогают, только оказывают поддержку в ситуациях, с которыми все сами знакомы», «не каждый нас, приемышей, поймет». Вопрос о недостаточной осведомленности специалистов достаточно часто обсуждается и в профессиональном сообществе, и в сообществе приемных семей.

6. Эмоциональная включенность специалиста. Респонденты отмечают, что не всегда чувствовали интерес к своей проблеме со стороны специалистов и что им важно видеть, что специалист эмоционально включен в решение их вопроса «было видно, что ему (специалисту) пофиг», «и не смотрит на тебя, и не поднимает вопросы». Мы можем предположить, что подобное поведение специалистов могло быть связано, в том числе, и с их растерянностью и

неготовностью говорить с ребенком на сложные темы (например, смерть близкого, попытки суицида, опыт жестокого обращения и т.п).

7. Гарантии конфиденциальности. Респонденты практически единогласно сообщают о том, что сталкивались с нарушением конфиденциальности со стороны специалистов. «Психолог должен то, что ты ему говоришь, оставлять в кабинете» - такие пожелания высказывают респонденты. Мы полагаем, что нарушение конфиденциальности в работе с детьми с опытом сиротства может являться следствием отношения к ребенку как к «объекту», а не субъекту взаимодействия со взрослым. Такой подход достаточно распространен в сиротских учреждениях, и вопрос этических норм и их соблюдения обсуждается в профессиональном сообществе (Подушкина Т.Г., 2017).

Опираясь на полученные результаты и последующую дискуссию с респондентами по поиску путей решения, мы можем выделить следующие важные акценты в работе по подготовке специалистов –психологов:

1. Отношение к ребенку с опытом сиротства как к активному субъекту взаимодействия, вне зависимости от его пола, возраста, жизненного опыта и особенностей поведения.

2. Особенности взаимодействия с ребенком, имеющим травматический опыт (опыт жестокого обращения, сексуального насилия, пренебрежения нуждами, потери семьи и др.).

3. Особенности взаимодействия с ребенком, имеющим опыт сиротства.

4. Соблюдение этических норм и правил, соблюдение конфиденциальности информации, полученной от ребенка.

5. Включенность специалиста во взаимодействие с ребенком.

6. Презентация специалиста, направленная на конечного благополучателя - ребенка с опытом сиротства.

В завершение хотим отметить, что участие детей с опытом сиротства в исследованиях, посвященных их благополучию, сложно осуществимо без искренней заинтересованности специалистов во мнении ребенка, уважении к его истории и опыту. Во время подготовки и обучения будущих специалистов, на наш взгляд, необходимо уделить внимание вопросу формирования навыка осознанного создания доверительных отношений с детьми и молодыми взрослыми, обратившимися за помощью и поддержкой.

Литература

1. Арчакова Т.А. Дети в роли исследователей, оценщиков и соавторов социальных практик: опыт конкурса «голос ребенка: дети как эксперты

опыта» / Т.А. Арчакова, Э.Ш. Гарифулина // Детские инициативы – путь в будущее. – М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Перо, 2019. – С. 56–76.

2. Капилина (Пичугина) М.В. Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка / М.В. Капилина (Пичугина), Т.Д. Панюшева. – 2-е изд. – М.: Никая, 2015. – 425 с.
3. Подушкина Т.Г. Оценка с участием детей [Электронный ресурс] // Эволюция и Филантропия. – 2017. – 13 с. – URL: https://ep.org.ru/wp-content/uploads/2017/02/Оценка-с-участием-детей_Т.Подушкина-10.02.2017.pdf (дата обращения: 06.05.2022).
4. Шамрова Д.П. Обзор международного опыта по применению оценки с участием детей. [Электронный ресурс] // Фонд Тимченко. – 2017. – 26 с. – URL: <https://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2017/12/Обзор-международного-опыта-по-применению-оценки-с-участием-детей.pdf> (дата обращения: 06.05.2022).

Применение медиативного подхода в преодолении интернет-зависимости подростка

Баня А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Вечерина О.П.

Термин «Интернет-зависимость» появился в 1996 году усилиями А.Голдберга, предложившего его для описания патологической тяги к использованию сети Интернет (Wallis D., 1997). Современные исследователи приравнивают данный вид зависимости к иным формам нехимических зависимостей, таким как шопоголизм, лудомания, игромания, при которых снижается уровень самоконтроля, происходит отдаление от реальной жизни. Данный вид зависимости за последние десятилетия набирает обороты среди молодого поколения. Крайне быстро телефон, мессенджеры, социальные сети стали заполнять жизнь современного подростка, негативно влияя на когнитивные возможности, тормозя восприятие и интерес к обучению. Чрезмерный интерес подростка к виртуальному миру приводит к замкнутости, стихийности поведения, повышает уровень агрессии. Многие исследователи видят глобальную проблему в самом состоянии необходимости постоянного обновления мессенджеров, обязательного незамедлительного ответа, страх выйти в оффлайн. По данным статистики, проникновение Интернета среди самых молодых россиян (12-24 года) приблизилось к 100% (MediaScope, 2019).

Согласно особенностям подросткового возраста, основным мотивом общения подростков в Интернет-сети является расширение круга собеседников; потребность в общении; приобретение нового опыта; получение новой информации; положительная самопрезентация; стремление к эмоциональной поддержке (Разуваева Т.Н., 2019). Интернет-зависимость складывается из множества факторов: недостаточное внимание родителей; неуверенность самого подростка; недостаток и трудности общения со сверстниками; отсутствие увлечений.

Интегральный характер проблемы интернет-зависимости предусматривает применение системного метода профилактики, учитывающего механизм и особенности ее образования и проявления, позволяющий сформировать коммуникативные навыки у подростка, которые позволят ему адекватно

воспринимать стрессовые ситуации и негативные эмоции. Важным является приобретение подростком навыков межличностной коммуникации с опорой на собственные возможности, выработка собственного поведенческого сценария в конфликте или некомфортной беседе.

В данном исследовании в качестве системного метода профилактики интернет-зависимости подростка рассматривается медиативный подход, который позволяет в ходе общения каждому человеку проявлять готовность различать полутона, что является необходимым условием для понимания собеседника, ребенка. Открытое и искреннее общение позволяет видеть мир не только своими глазами, но и глазами другого человека, ощущать и судить о мире с позиции другого человека, даже если эта позиция не близка. Это формирует объемный взгляд на мир, благодаря которому становится возможным настоящее взаимопонимание людей разных возрастов, выросших в разных условиях, под влиянием различных культур. Воспитательная роль медиативного подхода в процессе формирования взрослеющей личности состоит в том, что, являясь частью мировоззрения, он обеспечивает человека той мотивационной составляющей, которая определяет его поступки и в период становления личности, и во взрослые годы (Аванесова Э., 2018).

В основе медиативного подхода лежит позитивное общение и активное слушание, что делает его качественно эффективным по отношению к подростку, к восприятию проблем им самим. Стратегия «совместного поиска альтернативы», речевые стратегии «смягчения» дают место рефлексии, пониманию собственных интересов. «Способность сомневаться, ставить вопросы, прежде всего себе, своим допущениям, интерпретациям, чуткость, сопереживание, сострадание, равнодушие – это качества, которые развивает в человеке медиативный подход» (Шамликашвили Ц.А., 2017).

По мнению Ц.А. Шамликашвили, родители, соблюдая принципы медиативного подхода в общении с подростком, приобретают психологическую, эмоциональную, интеллектуальную состоятельность. (Шамликашвили Ц.А., 2017).

Результаты, полученные в рамках исследования, позволяют сделать вывод о том, что медиативный подход может стать эффективным инструментом в преодолении подростковой интернет-зависимости, раскрыть внутренний потенциал самого подростка, переоценить потребности и интересы, научить межличностному взаимодействию, в том числе внутри семьи. При этом возможности медиативного подхода не ограничены только воздействием на подростка со стороны взрослого, в том числе были разработаны методики по обучению подростков медиативному подходу с целью взаимодействия «подросток-подросток».

Литература

1. Аванесова Э. Работа с конфликтом в школьном сообществе: обзор технологий [Электронный ресурс] // Вестник Федерального института медиации. – 2018. – № 2–3. – С. 41–58. – URL: http://fimvestnik.ru/wp-content/uploads/2017/12/Avanesova_2-3_2018.pdf (дата обращения: 20.04.2022).
2. Разуваева Т.Н. Интернет-коммуникации подростков: психологический аспект [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-2. – С. 340–344. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kommunikatsii-podrostkov-psihologicheskiiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании человеческих отношений [Электронный ресурс] // Вестник Федерального института медиации. – 2017. – № 3. – С. 10–25. – URL: http://fimvestnik.ru/wp-content/uploads/2017/10/Shamlikasvili_3_2017.pdf (дата обращения: 20.04.2022).
4. Mediascope провела исследование аудитории детского интернета [Электронный ресурс] // Mediascope. – 2019. – URL: <https://mediascope.net/news/1021394/> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Wallis D. Just Click No [Электронный ресурс] // The New Yorker. – 1997. – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/1997/01/13/just-click-no> (дата обращения: 20.04.2022).

Конфликты в образовательной организации и способы их преодоления

Смирнова Л.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Вечерина О.П.

Для администрации образовательного учреждения проблема конфликтов и практическая работа с ними является важным направлением деятельности, что обусловлено повышением уровня конфликтности, доказанное в исследованиях Г.М. Андреевой, С.Л. Беличевой, Ю.А. Герасименко. Рост конфликтов отмечен между одноклассниками, педагогами и родителями, обучающимися и учителями.

Одной из основных причин конфликта является неконструктивное поведение в общении, «неправильное» поведение, формами которого могут быть общая неуверенность, общий страх, плохое настроение, затруднения в общении, семейные неурядицы, проблемы в обучении.

Говоря о школьной среде, следует заметить, что правила школьного обустройства таковы, что не способствуют формированию позитивного решения конфликта, не обучают детей справляться с конфликтными ситуациями. Это обусловлено целым рядом причин: загруженностью педагогов, отсутствием у педагогов достаточного опыта и психологических знаний в области конфликта, административным давлением, замалчиванием конфликтных ситуаций. Разговор с педагогами приводит к следующему решению с их стороны: «они сами разберутся», «мы внутри класса сами решим», «нам не нужна посторонняя помощь», «сами виноваты», «пусть родители разбираются», «оба виноваты и поэтому надо мириться» (Анцупов А.Я., 2020).

Те способы решения конфликтов, которые общеприняты, не формируют у обучающихся и их родителей навыков конструктивного решения проблемы. Как правило, такими формами становятся: классные часы, педсоветы, советы профилактики, вызов родителей в школу, угроза наказанием, отлучение от занятий, и, как следствие, общее непонимание нужд и потребностей, уход обучающегося в асоциальные «субкультуры», девиантные формы поведения.

Но даже сейчас, когда стандарты школьного обучения построены на принципах демократического гуманного отношения мы встречаемся с фактами авторитарного подхода в воспитании. Конечно, общение невозможно без конфликтов. Стремясь улучшить дисциплину на уроке, учитель выбирает путь борьбы с учеником, стремится подчинить своей воле, заставляет выполнять, а не думать и анализировать. Конфликты с обучающимися становятся привычным делом (Анцупов А.Я., 2020).

Новой технологией в решении конфликтных ситуаций образовательного учреждения выступает служба примирения при помощи независимого посредника – школьного медиатора. Создание медиативной модели может помочь не только в профилактике и коррекции девиантного поведения обучающихся, но и в создании благоприятного психологического климата образовательной среды.

Существует два подхода к определению понятия «медиация»:

- концептуальный;
- описательный.

Концептуальный подход определяет понятие «медиация» как добровольную конфиденциальную процедуру примирения, в которой медиатор – нейтральное лицо, способствует взаимодействию участников с целью

заключения договоренности. Описательный подход определяет понятие «медиация» как процедуру урегулирования конфликта, при которой спорящие стороны встречаются с медиатором и разговаривают, после чего делают попытку разрешить противоречие (Калашник С.И., 2010).

В настоящее время понятие медиации и деятельность медиатора определяется в принятом Федеральном законе №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.06.2010 и «Стандартами восстановительной медиации».

Следовательно, можно опираться на то, что «медиация» – способ разрешения споров мирным путем на основе выработки сторонами спора взаимоприемлемого решения при содействии нейтрального и независимого лица – медиатора.

В странах с хорошо развитой правовой культурой и гражданским обществом медиация стала признанным и весьма эффективным методом разрешения конфликтных ситуаций в учебных заведениях с участием несовершеннолетних, например, в США действует более 8500 групп школьных медиаторов из числа несовершеннолетних. Однако в образовательных учреждениях России медиация – явление недостаточно распространенное, что обусловлено отсутствием специалистов, традиционной системой обучения и новизной технологии.

Очевидно, что у современной школы в настоящее время появилась возможность для реализации внедрения медиации в образовательные учреждения. Медиативный подход в школе позволяет взрослым разрешать свои конфликты и конфликты детей более конструктивно, а детям учиться, выступая медиаторами в конфликтах своих сверстников. Данный подход позволяет воспитать чувство ответственности за собственные решения, поскольку в медиации бремя принятия и исполнения решения лежит на самих сторонах. Участие в медиациях детей, таким образом, делает их более самостоятельными и приспособленными к окружающему миру, где качество договороспособности начинает цениться все выше. Это важно как для грамотной ориентации будущих профессионалов в деловой сфере, так и для построения крепких семейных отношений (Шамликашвили Ц.А., 2017).

На основании вышесказанного, можно сформулировать ряд выводов: разработку единой универсальной типологии педагогических конфликтов следует признать вопросом, не получившим окончательного решения научным сообществом и, следовательно, перспективным направлением для теоретических исследований. Для профилактики и разрешения педагогических конфликтов следует использовать медиативный подход, где школьный психолог – посредник между потенциальными и/или реальными участниками конфликта,

которому доступен широкий спектр профессиональных психологических средств. В современном, меняющемся мире, за медиацией будущее.

Литература

1. Анцупов А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2021. – 560 с.
2. Калашник С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – 258 с.
3. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров / Ц.А. Шамликашвили. – М.: МЦУПК, 2017. – 77 с.

Медиативная технология в семейных конфликтах по поводу профессионального самоопределения подростков

Федоров А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Путалова И.Б.

Психология и педагогика определяют пубертатный период как сложный переходный процесс в жизни подростков и, в целом, взаимоотношений в семье. Именно в этот период подросток проходит этап сепарации, отделения от значимых взрослых. Подросток начинает вести собственный активный поиск своей уникальности, своего собственного «Я» и стремится обрести себя как личность (Соколова А. П., 2016). Появляются новые формы взаимоотношений со взрослыми и, как следствие, появляются проблемы, связанные с разрушением и перестройкой жизненных принципов и ценностей, отношения к миру и к окружающим людям. Одной из главных проблем этого периода становится проблема профессионального самоопределения подростков. Подростки хотят самостоятельно определять свою судьбу и выбирать профессиональный путь, а взрослые могут препятствовать этому по разным причинам. В силу разницы поколений, а иногда и благодаря большей психологической и социальной смелости, в связи с отсутствием большого жизненного опыта, подросток видит свое профессиональное развитие в таких направлениях, в которых родителям или другим значимым взрослым благодаря их большому жизненному опыту видятся риски и трудности. Появляется естественное желание уберечь своих детей от этих трудностей и, как следствие, возникают ситуации напряженности, которые перерастают в конфликты.

Главным фактором эскалации таких конфликтов и поддержания деструктивных взаимоотношений между подростками и взрослыми становится конфликтная некомпетентность. Конфликтная некомпетентность — неспособность человека оптимальным способом преодолевать возникающие противоречия из-за недостатка знаний, противостоять деструктивному влиянию конфликтов и неумение их конструктивно разрешать (Антилогова Л. Н., Евтихов О. В., 2021). Недостаток знаний и навыков поддерживает конфликтную некомпетентность подростков и взрослых как в семьях, так и в образовательных учреждениях школьного образования и приводит к негативным явлениям, а конкретно – к росту агрессии и насилия, испорченным взаимоотношениям в семье, уходу из дома, а в самых худших случаях – к уходу в секты и преступные группировки, пристрастию к алкоголю и наркотикам, суицидальным попыткам.

Причинами такой некомпетентности являются: отсутствие системы работы специалистов, ориентированной в полной мере на психологическое здоровье ребенка, его социальную зрелость и способность выстраивать свою дальнейшую самостоятельную жизнь; отсутствие лично-центрированного подхода в работе с подростками; отсутствие системы поддержки, консультирования и позитивного взаимодействия с подростками по вопросам профессионального самоопределения и другим проблемам, с одной стороны. С другой стороны, усугубляют ситуацию преобладание средств воздействия на подростков, которые формируют сиюминутный эффект, но не способствуют формированию устойчивых форм поведения, осознания и мотивации. К таким средствам можно отнести устрашение и запугивание, различные виды манипулирования и давления, морализирование и нравоучения со стороны взрослых без объяснения причин и последствий, без согласия и принятия со стороны подростка. Все эти причины требуют применения новых технологий работы с современными подростками, и в частности – медиативной технологии и медиативных инструментов (Садовникова М. Н., 2014).

Медиативные инструменты и медиативная технология помогают улучшить понимание сторонами не только своих позиций, но и собственных глубинных интересов, ценностей, потребностей и намерений, а затем и друг друга (Попов П. П., Литвинов К. А., Никитин Г. М. и др., 2020). Цель применения медиативной технологии – это создание безопасной среды, благоприятной для развития в личности таких качеств, как активная жизненная позиция, умение принимать решения, отвечать за свои поступки, развитие адаптационных возможностей личности в условиях взросления (Оборотова С. А., 2016). Эти качества являются ключевыми личностными навыками в пубертатном периоде, но самое главное – это воспитание культуры конструктивного поведения в конфликте и повышения конфликтной компетентности. Обучение медиативным

навыкам необходимо проводить непосредственно с подростками, с их родителями и другими значимыми взрослыми, а также с педагогами и другими специалистами образовательной организации.

Причины, по которым медиативная технология не применяется в полной мере в семьях и в образовательных учреждениях для разрешения конфликтных ситуаций, связанных с профессиональным самоопределением подростков, лежат в большей степени в культуре воспитания и взаимоотношений в семье, и обусловлены историческими предпосылками передачи опыта и преемственности от старшего поколения младшему. Это связано с глубинными культурологическими убеждениями в том, что взрослый человек априори более опытный и грамотный в вопросах взросления младшего поколения и в вопросах его самоопределения, включая вопросы профессионального самоопределения. Такой подход базируется на убеждении, что «яйца курицу не учат», с которым практически невозможно спорить молодому поколению, которое полностью зависит и социально, и финансово от родителей или значимых взрослых.

Полагаем, что решаться такая проблема может с двух сторон. Во-первых, со стороны образовательных учреждений – обязательным введением развивающих занятий для подростков как по вопросам профессионального самоопределения, так и по вопросам саморегулирования в конфликтных ситуациях, связанных с профессиональным самоопределением, с применением и обучением медиативной технологии. А во-вторых, проведением условно-обязательных просветительских занятий с родителями подростков при переходе из средних в старшие классы, включая сдачу образовательного минимума по обучению медиативной технологии. Конечно, во-втором случае встает вопрос мотивации родителей, который требует отдельной проработки условий реализации.

Литература

1. Антилогова Л.Н. Конфликтная некомпетентность как фактор деструктивного поведения подростков / Л.Н. Антилогова, О.В. Евтихов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Том 26. – № 2(85). – С. 164–169. doi: 10.24412/1999-6241-2021-2-164-169.
2. Оборотова С.А. Применение технологии медиации в разрешении семейных и школьных конфликтов // Педагогика и психология образования. – 2016. – №1. – С. 31–36.
3. Особенности использования технологий медиации в разрешении семейных конфликтов с участием подростков / П.П. Попов [и др.] // Образование и право. – 2020. – №9. – С. 138–147.

4. Садовникова М.Н. Медиация и медиативные технологии в работе с детьми // ГлаголЪ правосудия. – 2014. – № 1(7). – С. 95–97.
5. Соколова А.П. Психологические трудности в отношениях подростков с родителями // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 112–116.

Возможности применения медиации в образовательной среде (по материалам зарубежных исследований)

Федотов Н.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Путалова И.Б.

Интерес, вызванный успехами применения методов медиации и остальных внесудебных методов решения споров, носит глобальный характер и распространяется на все сферы общества, включая образовательную среду. В работе рассматриваются некоторые перспективные результаты внедрения процедуры медиации в образовательные учреждения разных уровней обучения ряда стран посредством обучения учащихся и педагогического состава медиативным техникам по материалам зарубежных исследователей из Португалии, Канады, Великобритании, Бразилии, Франции, Испании, Турции, Греции, Польши.

Конфликт присущ человеческой природе, и поэтому он существует во всех сферах нашей жизни (семья, друзья, соседи, работа, учёба) и на всех уровнях человеческого поведения: личностном, межличностном и групповом (Vickmore K., Parker C., 2021). Конфликт может произойти в обычных ситуациях сосуществования и человеческих отношений, в которых ценности, потребности, желания, ожидания или интересы противоположны или воспринимаются как противоположные. Конфликты и насилие в школе или университете – серьезная проблема для учащихся, преподавателей и администрации учебного заведения. Деструктивные модели поведения довольно распространены во всем мире, но особенно в школьной среде. Сложно создать безопасные, прогрессивные и социально-ориентированные школы, тем не менее важно обеспечить безопасность учащихся как внутри учебного заведения, так и вне школьной жизни (İlkaу A., 2015). Вне зависимости от того, как конфликт выражается, его нельзя рассматривать исключительно как негативный процесс, он скорее лежит в основе личных и социальных изменений. Он позволяет избежать застоя,

помогает установить как личную, так и групповую идентичность и позволяет изучить новые более эффективные способы решения проблем. Поэтому важно разработать технологии на основе методов, которые предлагают благоприятное управление конфликтом, что делает возможным его разрешение в соответствии с интересами всех сторон, вовлеченных в этот конфликт (Lopez С.М., Spann М., Torrego J.C., 2021). Одним из таких методов является медиация.

Целью школьной медиации является достижение компромисса и согласия с позицией другой стороны (Almeida, Н., 2016). Медиация вводит культуру диалога и совместной ответственности за решение конфликта (Piś Ł., Rusinkiewicz J., 2020). Обучение учеников навыкам медиации между собой помогает создать мирную школьную среду за счет усиления социальной гармонии (Favaretto M., Munhoz P., 2019). Также для этого необходимо обучить учителей альтернативным способам и приёмам разрешения конфликтов. Социальное и эмоциональное обучение должно быть распространено не только на учащихся, но и на всех участников образовательного процесса, что потребует коллективных усилий всех педагогов, администрации и родителей или законных представителей обучающихся.

Если учебное заведение намеревается быть ближе к обществу, то оно не может отказаться от наиболее демократичных и коллективных методов разрешения конфликтов, которые, дополняя традиционные методы, предлагают больше сотрудничества. Такое образовательное учреждение как университет не может упускать возможность влиять на одну из своих основных функций с помощью медиации (Francke E., 2022). Это задача, которую должно выполнять всё университетское сообщество, в том числе, чтобы предлагать более качественные образовательные услуги. Поэтому предлагается ввести университетскую медиацию, где основными участниками будут являться студенты, члены университетских сообществ (Villaluenga L.G., 2009).

Рассмотренные исследования позволили сравнить несколько страновых моделей медиации в образовательной среде и сделать следующие выводы:

1) Учитель-медиатор считает в большей степени, чем остальные, что медиация улучшает способность лучше понимать точку зрения других и помогает уменьшить барьер между поколениями.

2) У учителя-медиатора отмечается большее улучшение эмпатии по сравнению с учеником-участником. Учителя-медиаторы считают, что медиация помогает увидеть конфликт в более позитивном ключе, подумать о различных способах его разрешения и участвовать в повседневной жизни школы.

3) Ученик-участник высоко ценит (выше учителя-медиатора), что процедура медиации помогает лучше понять, что правильно, а что неправильно,

а также придает большее значение тому, чтобы не говорить негативно о других за их спиной.

4) Программы школьной медиации способствуют активизации учащихся, желающих помогать своим одноклассникам, беря на себя ответственность и развивая социальные и коммуникативные навыки (Konstantinos K., Papakitsos E., 2018).

Исследователи из Франции подчеркивают важность интеграции медиации в процессы улучшения жизни школы с глобальной точки зрения, а также улучшения стратегий предотвращения и разрешения конфликтов (Ibarrola-García S., Redín C.I., 2013).

Внедрение опыта медиации в университетском сообществе показало следующие результаты (Francke E. 2022, Villaluenga L.G., 2009):

1) Медиация направлена на предоставление эффективных механизмов для демократического формулирования моделей сосуществования, выходящих за рамки общества и увязывающих их с концепцией качества и превосходства, которую защищает университет.

2) Необходимо разделить между всеми студентами постоянную работу по освоению медиации, чтобы соответствовать целям каждого учреждения.

3) Ставка на медиацию включает различные направления деятельности, такие как: профилактика путём обучения, действия при кооперативном управлении конфликтами и распространение медиации в учебной среде.

Используя опыт применения медиации зарубежными исследователями, можно с большой эффективностью внедрить её в наше университетское сообщество посредством обучения студентов медиативным практикам и инструментам альтернативного разрешения споров. Например, ввести в качестве предмета по выбору в начальный период обучения студентов, особенно в помогающих профессиях, дисциплину «Медиация» в объеме базового курса. Тогда обученные студенты смогут самостоятельно урегулировать конфликты своих друзей и сверстников, а также находить благоприятный выход из спорных ситуаций и в своей жизни.

Литература

1. Adigüzel İ.B. Peer Mediation in Schools // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015 – Vol. 174. – P. 826–829. – doi: 10.1016/j.sbspro.2015.01.674.
2. Almeida H.N. Analytical dimensions of mediation. Reflexive contributions on school mediation in Portugal // *Journal of Education, Psychology and Social Sciences*. – 2016. – Vol. 4. – № 1. – P. 39–46.
3. Bickmore K. Complexity in restorative justice education circles: Power and privilege in voicing perspectives about sexual health, identities, and relationships /

- K. Bickmore, C. Parker // *Journal of Moral Education* – 2021. – Vol. 50. – № 4. – P. 471–493. – doi: 10.1080/03057240.2020.1832451.
4. Favaretto M. School and family: the role of school mediation in building a culture of peace / M. Favaretto, P. Munhoz // *Scientific Electronic Archives*. – 2019. – Vol. 12. № 5. – P. 95–100. – doi: 10.36560/1252019808.
 5. Francke E. A position paper on the role of mediation in resolving conflict between student and supervisor at university // *Academia Letters*. – 2022. – Article ID 4908. – 6 p. – doi: 10.20935/AL4908.
 6. Ibarrola-García S. Evaluation of a School Mediation Experience / S. Ibarrola-García, C.I. Redín // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – Vol. 84. – P. 182–189. – doi: 10.1016/j.sbspro.2013.06.532.
 7. Karakiozis K. School Mediation Programmes and Incidents of In-School Violence and Bullying / K. Karakiozis, E. Papakitsos // *International Journal of Educational Studies // Research Journal of Education*. – 2018. – Vol. 1. – № 2. – P. 110–118. – doi: 10.53935/2641-533x.v1i2.79.
 8. Lopez C.M. Human and Children's Rights in the Context of Education and School Mediation / M. Spann, J.C. Torrego, C.M. Lopez // *Human review*. – 2021. – Vol. 10. – № 1. – P. 144–154. – doi: 10.37467/gkarevhuman.v10.3129.
 9. Piś Ł., Rusinkiewicz J. Mediation in schools in the opinions of teachers and secondary school students // *Probacja*. – 2020. – № 2. – P. 135–158. – doi: 10.5604/01.3001.0014.4892.
 10. Villaluenga L.G. Mediation in university communities: the experience of the universidad complutense // *Conflictology*. – 2009. – № 1. – P. 75–81.

САЙТ МГППУ:
MGPPU.RU

САЙТ ФАКУЛЬТЕТА
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ МГППУ:
JP.MGPPU.RU
MGPPU.RU/PROJECT/83

ГРУППА "ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ"
В КОНТАКТЕ
[VK.COM/UP_MGPPU](https://vk.com/up_mgppu)

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ
МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

МОСКВА, [18-27 мая 2022](#)